

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

9 2021
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 9 (351) / 2021

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Султанова Дилшода Намозовна, кандидат архитектурных наук (Узбекистан)

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Сергей Сергеевич Корсаков* (1854–1900), русский психиатр.

Сергей Корсаков родился во Владимирской губернии, в фабричном селе Гусь-Мальцевский, ныне город Гусь-Хрустальный. Гимназию Сергей окончил с одними пятерками и с занесением его фамилии на золотую доску. А затем был медицинский факультет Московского университета. Там сформировались его увлечения — лекции Жан-Мартена Шарко (в записях), книги Ивана Михайловича Сеченова. Непосредственными руководителями были невропатолог Алексей Яковлевич Кожевников и легендарный Григорий Антонович Захарьин. После защиты дипломной работы «История болезни дворянина Ильи Смирнова, 29 лет», став патентованным доктором, Сергей Сергеевич пустился в свободное плавание.

«Плавание» началось с одной из самых знаменитых психиатрических больниц Москвы — Преображенской, в наши дни имени Гиляровского. Доктор Штейнберг, главный врач лечебницы, начал знакомство с молодым специалистом словами: «В университете вы же мало учились психиатрии; вы даже, вероятно, не знаете, как связывать». А младший ординатор Корсаков вместо того, чтобы старательно освоить новую премудрость, сразу принялся бороться за права пациентов. Он активно выступал против всех этих проверенных временем успокоительных дейвасов, приводя в оторопь «старую гвардию».

Определилась и специализация Сергея Сергеевича — алкоголики. Он приступил к докторской диссертации «Об алкогольном параличе». По ее предъявлению психиатрическому сообществу Московский университет присвоил Сергею Сергеевичу степень доктора медицины. А позднее он стал профессором кафедры психиатрии Московского университета и директором университетской же психиатрической клиники. При всем при этом Корсаков продолжал активно проповедовать так называемый режим нестеснения — и в своей старой Преображенской больнице, и в психиатрической больнице Александра Федоровича Беккера. Со спин пациентов слетали смирительные рубашки, а с окон — решетки. Правда, стекла сразу же меняли на особые, непробиваемые. Доктор утверждал: «Введение нестеснения ставит неминуемое требование сразу все улучшить, а это сразу же меняет и

отношение больного к врачу, так что даже небольшое выражение несогласия со стороны последнего будет действовать дисциплинирующим образом, и этим можно заменить «лечебное действие рубашки». Один из ординаторов рассказывал, что как-то раз, войдя в палату, увидел, что Сергей Сергеевич стоит на четвереньках на полу, а на нем верхом сидит один из пациентов и со всех сил дергает его за густую черную шевелюру. Он моментально бросился на помощь, но Корсаков лишь погрозил ординатору пальцем и сказал по-английски: «No restraint» — «Никаких ограничений».

Благодаря его исследованиям в психиатрию вводится новое понятие — амнестический синдром алкоголика, он же корсаковский синдром, он же корсаковский психоз. Суть его в том, что у больных алкоголизмом перестает усваиваться витамин В1, и это вызывает органическое поражение мозга. Пациент не может удержать в памяти недавние события, при этом прекрасно помнит события прошлого. То же касается и навыков: он может делать то, чему учился раньше, но научиться чему-либо новому уже не в состоянии. И виною тому именно органические изменения в организме, а вовсе не «нравственное падение», как полагали ранее.

В 1893 году Сергей Сергеевич был награжден орденом святого Станислава второй степени и окончательно признан создателем русской психиатрической школы.

К сожалению, уже в 44 года Корсаков перенес первый инфаркт; сказалось наследственное заболевание сердца, на которое он вообще не обращал внимания. Занятия со студентами пришлось забыть. Остались наука и небольшая практика. Корсакова все любили. Тем обиднее эта ранняя смерть, в 46 лет, после лечения на дорогом горном швейцарском курорте, спустя всего несколько месяцев после возвращения в Москву.

Невропатолог Владимир Рот сказал о нем: «Твоя чистая душа была чужда общечеловеческих слабостей и пороков, и все приближавшиеся к тебе невольно очищались духовно. К тебе никто не мог подойти с дурными мыслями и чувствами. Ты был нашей живою совестью!»

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Алисултанов М. Ж.

Международный опыт конституционно-правового регулирования доступа граждан к информации87

Арсеньева Л. А.

К вопросу об условиях возмещения вреда, причиненного в результате вакцинации90

Арюткин Д. В.

Уголовная ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений93

Барковская А. А.

Проблема аэропортов с малой интенсивностью полетов94

Быкова А. А.

Правовое регулирование перевозки животных на железнодорожном транспорте.....96

Гайдащук А. И.

Назначение наказания в виде штрафа несовершеннолетним97

Галковская М. В.

Суд как участник уголовного процесса 100

Губасарян Н. Т.

Исследование особенностей оказания взаимной административной помощи таможенными органами 101

Ковров А. А.

Правовая природа муниципальных нормативных правовых актов..... 104

Корягин А. А.

Защита прав клиента в сфере электронных денежных средств в судебном порядке в связи с несанкционированным доступом к электронному средству платежа: текущее положение, тенденции 106

Кочетков А. Д.

История становления российского законодательства в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ 108

Литвинова С. Ф., Луферова О. А.

Проблемы государственно-правового регулирования предпринимательской деятельности 111

Лучкина К. В.

Динамика развития государственной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг 115

Орсаев А. Р.

Организация пожарной безопасности в условиях риск-ориентированной модели деятельности 117

Пажина П. Д.

Пределы корпоративного правотворчества 120

Паршинцева М. В.

Административный правовой аспект защиты прав потребителей 122

Петрова Т. Н.

Выделение уголовных дел о преступлениях, не связанных между собой 124

Прудников А. А.

Бюджетно-правовая ответственность за нарушение бюджетного законодательства..... 126

Радионов И. И., Азаматов Р. Э.

Специальная миссия как принцип пространственного действия уголовного закона в Российской Федерации..... 128

Романова О. Б.

Состояние, динамика, структура организованной преступности в Российской Федерации и Иркутской области 131

Савенко А. М.

Судебная защита отдельных видов алеаторных сделок. Азартные сделки 135

Саленко В. П.

Психологические особенности деятельности прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде с участием коллегии присяжных заседателей 136

Саленко В. П.

Правовая охрана окружающей среды от вредного биологического загрязнения 138

Сивак И. А. Патентные права: особенности правового регулирования в сфере цифровой экономики 141	Ульянова А. А. Исторические этапы формирования института несостоятельности (банкротства), его правовые особенности и основные принципы регулирования..... 154
Старицина А. А. Понятие ипотечного жилищного кредитования и его гражданско-правовое регулирование..... 143	Фагат М. В. Понятие аффекта и его проявление 157
Суббочев Д. О. Какие изменения ждут Конституционный суд РФ 145	Фатеева Ю. С. Реальные или мнимые проблемы административного принуждения в исполнительном производстве 160
Татаринова Т. В. Договор розничной купли-продажи. Вопросы гражданско-правового регулирования..... 146	Хуинь Хыу Тинь Соучастие в преступлении по уголовному праву Вьетнама..... 161
Татаринова Т. В. Соотношение задатка и аванса: доктринальные позиции и судебная практика 147	Юсипова Л. А. Правовое регулирование в сфере водного транспорта 164
Ульянова А. А. Проблемы, существующие на практике при привлечении к административной ответственности за фиктивное или преднамеренное банкротство 149	

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Международный опыт конституционно-правового регулирования доступа граждан к информации

Алисултанов Мурад Жавраилович, студент магистратуры

Научный руководитель: Алихаджиева Анна Саламиевна, кандидат юридических наук, доцент
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В представленной статье проанализированы основные формы реализации права граждан на доступ к информации в действующих конституциях отдельных стран, определена специфика подходов национального законодательства к особенностям конституционно-правового регулирования данной сферы. По результатам рассмотрения выявлена проблема отсутствия единообразного понимания сущности и структуры данного права в конституционном законодательстве различных государств. С целью унификации международного опыта конституционно-правового регулирования права граждан на доступ к информации автором предложено его оптимальное понятие и определена внутренняя структура.

Ключевые слова: Конституция РФ, информация, доступ граждан к информации.

International experience of constitutional and legal regulation of citizens' access to information

Alisultanov Murad Zhavrailovich, student master's degree program

Scientific adviser: Alikhadzhiyeva Anna Salamuevna, candidate of legal sciences, associate professor
Povolzhsky Institute of Management named after PA Stolypin of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Saratov)

The article is dedicated the consideration of the main forms of realization of this right in the current constitutions of different countries as well as the peculiarity of national legislation's approaches to its regulation. As a result, it's been found that there is a problem of different interpretation of the essence and inner structure of the citizens' right to information by them. In order to solve this problem the author suggests his own view on how this right should be understood properly.

Key words: Constitution of the Russian Federation, information, citizens' access to information.

Одной из фундаментальных предпосылок как формирования, так и функционирования современных правовых государств является их направленность на надлежащее обеспечение прав своих граждан на информацию, беспрепятственного доступа к ней. Именно право граждан на доступ к информации служит легитимным правовым инструментом, позволяющим им не просто своевременно осведомляться о деятельности органов государственной власти (или её результатах), но и выступать своего рода контролирующим элементом, самостоятельной единицей управленческого процесса, пусть и на опосредованных началах.

С другой стороны, сущность права на доступ к информации крайне многомерна, ввиду чего его надлежащее обеспечение во многом определяет качество реализации иных прав и за-

конных интересов граждан. Наиболее очевидно связь права на доступ к информации с другими категориями прав гражданина, а также его роль и значение в их содержании, раскрывается на примере экологических прав, на что справедливо указывают и многие отечественные правоведы. В частности, А. С. Алихаджиева утверждает, что право граждан на благоприятную экологическую среду, также гарантируемое Конституцией РФ (ст. 42) [1], «должно рассматриваться не только как совокупность правовых норм, регулирующих порядок предоставления экологической информации о состоянии окружающей среды и возмещение экологического вреда, но и, прежде всего, как комплексный институт в системе российского права» [5].

В этом смысле изучение даже общих закономерностей конституционно-правового регулирования данной сферы обще-

ственных отношений в контексте международной практики представляется крайне актуальным, поскольку позволяет посмотреть на правовое регулирование обеспечения права граждан на доступ к информации под другим углом, адаптировать некоторые его аспекты под отечественные правовые реалии. Это, в свою очередь, может способствовать повышению уровня правового регулирования данной категории общественных отношений в РФ, качественно оптимизировать в этой части всю отечественную юридическую практику.

Необходимо понимать, что международно-правовое регулирование обеспечения права человека на информацию и свободу её получения включает в себя совокупность различных актов, наиболее значимым из которых является Международный пакт о гражданских и политических правах, согласно ч. 2 ст. 19 которого: «Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ устно, письменно, посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору» [2]. Таким образом, государства-участники договора обязаны в пределах своей юрисдикции обеспечивать гражданам право на информацию в соответствии с данным положением.

Наличествуют и иные источники международно-правового регулирования информационных прав человека, в частности, ч. 1 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод прямо предусматривает право «получать и распространять информацию и идеи без вмешательства публичных властей и независимо от государственных границ».

Особый интерес представляет специфика конституционно-правового регулирования сферы обеспечения права человека на информации и свободу доступа к ней отдельных стран и их подход к пониманию сущности и структуры данного правомочия. Конституции целого ряда бывших советских республик (в частности, Азербайджан (ст. 151), Грузия (ст. 24), Молдова (ст. 34), Армения (ст. 6), Узбекистан (ст. 29) и др.) прямо устанавливают необходимость правового обеспечения права граждан на свободный поиск, получение, а также распространение информации, на что обращает внимание Т. В. Косорукова [7].

С другой стороны, анализ положений, содержащихся в Конституциях государств-членов СНГ в части регулирования информационных прав граждан, позволяет сделать вывод о неоднозначности его понимания и отсутствии унификации в его сущности и структуре. Так, ст. 24 Конституции Грузии наделяет граждан правом свободного получения и распространения информации, не упоминая, например, о свободе её поиска, в то время как ст. 29 Конституции Узбекистана право на свободный поиск информации прямо устанавливает наряду с прочими, хотя и подчёркивая при этом определённые исключения (запрещается поиск информации, дискриминирующей и подрывающей основы существующей государственности).

«Ст. 34 Конституции Республики Беларусь гражданам республики гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической и международной жизни,

состоянии окружающей среды (ст. 34)» — указывает Т. В. Косорукова [7]. Здесь законодатель добавляет право на хранение информации, которое отсутствует в вышеприведённых Конституциях Грузии и Узбекистана, хотя причины, по которым те или иные правомочия выпадают из сферы правового регулирования (либо напротив — попадают в неё), — не вполне понятны.

В РФ конституционно-правовое регулирование информационных прав граждан, а также гарантии их обеспечения и защиты раскрываются, на наш взгляд, несколько шире. Так, Конституция РФ содержит сразу несколько норм, в разных аспектах, затрагивающих особенности реализации информационных прав граждан: ч. 4 ст. 29, ч. 2 ст. 24, ч. 3 ст. 41, ст. 42. Следует отметить, что наиболее фундаментальным является положение, сформулированное в ч. 4 ст. 29 — «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». Данная норма в системе конституционно-правовых гарантий, обеспечивающих право граждан на доступ к информации, является основополагающей, т.к. именно она задаёт доступный перечень правомочий гражданина и пределы их осуществления. В этом смысле соотношение ч. 4 ст. 29 и ч. 2 ст. 24 Конституции РФ следует рассматривать как отношение общего к частному, где под частным понимается более узкое, специальное право граждан на доступ к информации об организации и деятельности органов государственной власти и местного самоуправления (которое в структурном отношении является частью права на информацию как такового).

Наконец, ч. 3 ст. 41, ст. 42 обязывает должностных лиц информировать население о фактах и обстоятельствах, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, о состоянии окружающей среды, которые стали им известны в ходе осуществления своих полномочий. Отметим, что в РФ помимо непосредственно конституционных основ, информационные права граждан в различных их аспектах широко регулируются ещё и федеральным законодательством, в частности, Федеральным законом от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [3], Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ст. 8) [4] и др.

Гарантии и механизмы правовой защиты прав граждан на доступ к информации содержит конституционное законодательство и многих других стран. В этом отношении особое внимание следует уделить Шведской системе, которая в исторической ретроспективе признаётся одной из наиболее адекватных и эффективных в части обеспечения гражданам прав доступа к информации. Как отмечала по этому поводу Х. Ядерблом, один из бывших министров юстиции Швеции, для обеспечения надлежащего нормативно-правового регулирования сферы реализации и защиты информационных прав граждан, необходимо упорядочить и систематизировать, во-первых, структуру самого права, а, во-вторых, определиться с рядом ключевых характеристик:

— каковы субъекты предоставления гражданам требуемой информации и каков объём их полномочий в связи с реализацией данной функции;

— характер предоставляемой информации и её соотношение с положениями закона о доступе к информации и спецификой его целей и задач;

— целесообразность формализации (или её отсутствия) запросов граждан на получение информации;

— обеспечение конфиденциальности отдельных сведений и пределов допустимого ограничения информационных прав граждан в связи с этим [6].

Отдельно стоит упомянуть об особенностях конституционно-правового регулирования прав граждан на доступ к информации в Соединённых Штатах, где оно, в силу исторических причин, вытекает из Первой поправки. В соответствии с ней «конгресс не вправе принимать законы: ограничивающие свободу слова или свободу печати, или право народа: обращаться к правительству с жалобой о возмещении ущерба». При этом Верховный Суд США указал, что «основное центральное предназначение» поправки — «гарантировать свободу обмена информацией по вопросам, имеющим отношение к функционированию властей» [7].

Однако следует отметить, что прямых положений, определяющих особенности и пределы конституционно-правового регулирования непосредственно информационного права граждан во всей его сложной и неоднородной структуре, в Конституции США не прослеживается.

Аналогичная ситуация складывается в конституционно-правовом регулировании данной сферы в Великобритании. Конституция Британии сама по себе имеет очень специфическую правовую природу (что, как представляется, обусловлено особенностями её исторического развития). Поэтому реальное содержание прав раскрывается главным образом через судебные прецеденты, а не через формально декларируемые нормы Основного закона, который в Великобритании не кодифицирован. Соответственно, специфика правового обеспечения доступа граждан к информации зависит от устоявшейся практики правоприменения и так называемые конституционные обычаи.

Так, рассмотрение международного опыта конституционно-правового регулирования права на информацию и свободу доступа к ней показывает, что оно не унифицировано и не сведено к каким-то общим для всех национальных законодательств началам, поскольку сами структура и содержание информационного права не статичны, каждый законодатель актуализирует те или иные его аспекты, на основании чего и формируется система нормативно-правового обеспечения данного права, характерная для конкретного, отдельного взятого правового государства. Однако это, как представляется, не совсем верно, поскольку только вся совокупность указанных правомочий, сконцентрированных в единой, конституционно закреплённой гарантии, может обеспечить гражданам условия, в которых их право на доступ к информации реализовывалось бы в полной

мере. С другой стороны, в аспекте формализации информационного права граждан на конституционно-правовом уровне полагаем возможным выделить две группы государств:

1) государства-участники СНГ, конституционное законодательство которых охватывает права граждан на информации и свободу доступа к ней и стремится к их нормативно-правовой формализации (например, Грузия, Узбекистан, РФ и др.);

2) страны, в которых конституционно-правовое регулирование информационных прав граждан отличается отсутствием их нормативной декларированности, не выраженной системой гарантий обеспечения данных прав (например, США, Великобритания и др.).

Поскольку право на доступ к информации имеет сложную структуру и играет роль связующего элемента между личными, политическими и культурными правами человека, только при условии его соблюдения можно говорить о фактической реализации личных, политических, социальных, экономических, экологических и культурных прав и свобод граждан. В этой связи, возвращаясь к проблеме отсутствия единообразного понимания сущности и внутренней структуры данного права международным сообществом, а также неоднозначностью конституционно-правового регулирования его реализации и защиты в конституциях различных стран, представляется необходимым сформулировать его наиболее адекватное определение, которое могло бы служить уникальным стандартом для национальных конституционных законодательств.

Так, под правом гражданина на информацию и доступ к ней следует понимать комплексное конституционное право граждан на беспрепятственное производство, поиск, получение, хранение, распространение информации любого типа, вне зависимости от её форм и источников получения, если последнее не ограничено действующим законодательством и (или) не нарушает права и законные интересы других лиц. Содержание данного права определяется его внутренней структурой и может быть представлено двумя категориями правомочий: активными (т.е. право на производство информации, её поиск, распространение и т.д.) и пассивными (т.е. правом на опосредованное восприятие информации, её хранение). При этом ограничение гражданина в данном праве возможно только в случаях, когда его доступ к информации может угрожать государственной безопасности, общественному порядку или здоровью и нравственности населения либо приведёт к ущемлению прав, репутации и личного достоинства другого лица.

Полагаем, что предложенное определение права на доступ к информации позволит нивелировать различия в его правовом регулировании конституционным законодательством тех стран, которые наряду с другими неотъемлемыми правами включают его в конституционно-правовой статус своих граждан и стремятся к наиболее адекватному и целостному его обеспечению.

Литература:

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ.— 2009.— № 4.— Ст. 445; Российская газета. 2020. 4 июля.

2. Международный пакт о гражданских и политических правах «принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 09.02.2021).
3. Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3448 (Часть I); 2021. № 1. Ст. 17 (Часть I).
4. Федеральным законом от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (в ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 7. Ст. 776; 2020. № 50. Ст. 8074 (Часть III).
5. Алихаджиева А. С. Правовой механизм реализации права граждан на благоприятную окружающую среду: дис. канд. юр. наук. Саратов, 2003. С. 8.
6. Российский и зарубежный опыт правового регулирования доступа граждан к правительственной информации. Комис. по свободе доступа к информации / под ред. Дзялошинская И. М.: Норма, 1999. 248 с.
7. Косорукова Т. В. Зарубежный опыт конституционного обеспечения свободы массовой информации и права на информацию // Труды института государства и права Российской академии наук. 2013. № 5. С. 32–44.

К вопросу об условиях возмещения вреда, причиненного в результате вакцинации

Арсеньева Людмила Анатольевна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Анализ существующей в настоящий момент правоприменительной практики позволяет сделать вывод о наличии различных споров, связанных с возмещением вреда, причиненного в результате вакцинации. Сложность таких споров обусловлена тем, что суды не приходят к единому мнению, стоит ли рассматривать вакцину в качестве источника повышенной опасности или нет. Перечень существующих признанных источников повышенной опасности не является исчерпывающим. Вопрос отнесения вакцины к указанным источникам позволил бы значительно облегчить правоприменителю разрешать дела, связанные с возмещением вреда, причиненного в результате вакцинации, поскольку позволил бы четко установить обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Несмотря на свои полезные свойства и общественно-полезное значение, любая вакцина по своему сложному составу и сложному процессу производства обладает вероятностью возникновения опасных осложнений и побочных эффектов, официально подтверждающиеся производителем в сопровождающей документации. Возникновение таких осложнений может происходить независимо от деятельности, осуществляемой медицинскими работниками в ходе проведения вакцинации, что позволяет рассматривать вакцину в качестве источника повышенной опасности.

Законодатель соглашается со сложностью вакцин, невозможностью их полного контроля, закрепляет понятие «поствакцинальное осложнение», предусматривает гарантии для пострадавших от осложнений.

Правоприменительная практика по спорам о возмещении вреда, причиненного в результате вакцинации, подтверждает, что случаи причинения вреда вакцинами нередки. Однако в судебной практике не сложилось единого подхода к решению указанных споров, нет единого мнения о правовом обосновании удовлетворения или отказа от удовлетворения требований, необходимости установления вины.

Вина причинителя вреда является важным условием его возмещения. Однако, ст. 1064 ГК РФ устанавливает, что законом может быть возложена ответственность по возмещению вреда и в случае отсутствия вины причинителя. Такая «безвиновная» ответственность за причинение вреда и его возмещение в соответствии со ст. 1079 ГК РФ наступает при осуществлении деятельности, которая связана с повышенной опасностью для окружающих.

В качестве примера можно привести случай из правоприменительной практики. З., действующая в своих интересах и в интересах несовершеннолетней дочери К., обратилась с иском к ГБУЗ, МБОУ о взыскании материального ущерба и компенсации морального вреда. Исковые требования мотивировала тем, что фельдшером вышеуказанной больницы в рамках проведения плановой вакцинации была сделана прививка К. препаратом «Гриппол плюс», после которой сразу же состояние К. резко ухудшилось, потребовалась экстренная медицинская помощь, которую фельдшер своевременно не вызвала. В результате дочь истицы была доставлена в тяжелом состоянии в больницу, находилась на стационарном лечении с диагнозом «Острое нарушение мозгового кровообращения». Решением суда первой инстанции в иске отказано со ссылкой на заключение судебно-медицинской экспертизы, согласно которому невозможно установить этиологию (происхождение) ишемического инсульта у К. и связать его с проведенной прививкой. Судом апелляционной инстанции решение отменено, требование о компенсации морального вреда удовлетворено в отношении больницы. По мнению коллегии, суд необоснованно возложил на истца бремя доказывания вины ответчика. Между тем, больницей не было представлено доказательств, подтверждающих отсутствие вины фельдшера в ненадлежащем осмотре несовершеннолетней перед вакцинацией, установлении в последующем неправильного диагноза об аллергической реакции на вакцину. Действи-

тельно, согласно классификации детских инсультов CASCADE, у детей инсульт может быть неясной этиологии, по данным статистики в России около 60% инсультов у детей относятся к категории неустановленных. Таким образом, достоверно выявить причину возникновения инсульта у К. по имеющимся данным не представляется возможным. Однако, учитывая, что вакцинация препаратом «Гриппол плюс» допускает возникновение неврологических осложнений и тот факт, что клинические проявления ишемического инсульта проявились у девочки сразу после вакцинации, нельзя было исключить развитие индивидуальной неблагоприятной реакции у К. на введение прививки «Гриппол плюс» в виде острого нарушения мозгового кровообращения. Таким образом, при вакцинации К. не был обеспечен гарантированный объем медицинской помощи, включая оказание врачом медицинской помощи в случае осложнения, осуществления врачебного контроля за работой медицинской сестры, так как врач, входящий в состав прививочной бригады, в день вакцинации обслуживал вызов на дому [2].

В рассматриваемом примере суд апелляционной инстанции, изучив побочные эффекты прививки, установил причинно-следственную связь между ними и случившейся реакцией у потерпевшего. Действия по вакцинации медицинского персонала являются правомерными действиями. Суд не рассматривает вакцину в качестве источника повышенной опасности, несмотря на имеющиеся официальные возможные побочные реакции, которые могут возникнуть после инъекции. Следовательно, правоприменитель усматривал необходимость установления вины медицинских работников. Такую виновность апелляционная инстанция нашла в дефектах оказания медицинской помощи в случае возможного поствакцинального осложнения, а также в неосуществлении контроля за работой медицинской сестры. Указанные основания, на наш взгляд, вызывают некоторые вопросы. В частности, внимание суда направлено не на официально подтвержденной вероятности опасных осложнений, которые могут быть вызваны указанной прививкой (что позволяет рассматривать ее как источник повышенной опасности), а на дефекты оказания медицинской помощи в случае их возникновения. Иными словами, «фокус» с причины осложнений смещается в сторону вины работников по их устранению. Более того, вопросы возникают и при толковании такой формулировки основания, как «контроль за работой медицинской сестры». Понимается, что в случае должного контроля со стороны врача процесса постановки прививки медицинской сестрой возможность наступления осложнений была бы исключена. При этом в то же время суд устанавливает возможность наступления осложнений не в результате самих действий медицинского работника по вакцинации, а в результате реакции на вакцину, тем самым обуславливает возникающее противоречие — что именно спровоцировало осложнения: отсутствие контроля за работой медицинской сестры или невозможность осуществления контроля над индивидуальной реакцией организма в поствакцинальный период.

В другом случае истец Б. И. А., действующая в интересах несовершеннолетнего Б. И. А., обратилась в суд с иском к ответчику ГБУЗ о компенсации морального вреда, причиненного в связи оказанием некачественной медицинской помощи. Иск мотиви-

рован тем, что несовершеннолетнему Б. И. А. была сделана прививка АКДС, в результате чего у малолетнего ребенка развился абсцесс, ребенку потребовалось хирургическое вмешательство. Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляцией, иск удовлетворен. Несмотря на заключение судебного эксперта о том, что вакцинация была проведена с соблюдением установленного порядка, а причины осложнений в виде абсцесса могут быть различными (нарушение правил асептики и антисептики при выполнении инъекции, нарушение техники выполнения инфекции, нарушение условий хранения ампулы с вакциной и пр.), о правильности последующего оперативного лечения (вскрытие и дренирование абсцесса), о затруднительности более ранней диагностики абсцесса (из-за неинформативности существующих лабораторных методов обследования), суды пришли к выводу, что в данном случае ответчик является причинителем вреда и данный вред подлежит возмещению по правилам ст. 1095 ГК РФ, то есть независимо от вины [3].

Рассматриваемый пример заслуживает внимание выводами эксперта, который называет значительный неисчерпывающий перечень причин возникновения поствакцинальных осложнений, включая в него и вероятность нарушения правил выполнения инъекции, и возможное нарушение правил хранения, транспортировки и производства вакцины. Такие выводы подтверждают повышенную опасность деятельности по вакцинации, поскольку наряду с полезными свойствами вакцины, возможными неподконтрольными побочными эффектами, существует также большое количество других факторов, которые не поддаются контролю со стороны медицинских работников, осуществляющих деятельность по вакцинации. Суд рассмотрел такие доводы эксперта, исключил необходимость установления вины медицинского учреждения, удовлетворил требования, применив ст. 1095 ГК РФ. В этой связи предполагаем, что в спорах по возмещению вреда возможно применять обе статьи — 1079 и 1095 ГК РФ. Такое решение позволило бы создать единообразную практику, которая не предполагает доказывание вины медицинских работников. Отметим, что изначальные специфические свойства вакцины представляют собой опасность, а различные субъективные факторы могут изменить и создать дополнительные вредоносные свойства, этиологию которых невозможно установить. Следуя такому подходу, применение статей 1079 и 1095 ГК РФ совместно (в системе) представляется разумным и логичным.

Интересным представляется и другой случай из судебной практики. Ш. обратилась с исковыми требованиями к «Родильный дом № ...» о компенсации морального вреда. Свои исковые требования мотивировала тем, что в организации ответчика у истицы родилась дочь, которой была сделана прививка БЦЖ-М. Через некоторое время дочь была госпитализирована с диагнозом «острый остеомиелит левой плечевой кости», в последующем неоднократно проходила лечение, перенесла хирургическую операцию, после которой ей была установлена инвалидность по категории «ребенок-инвалид», причиной инвалидности стало поствакцинальное осложнение. Решением суда первой инстанции иск удовлетворен. Апелляционной инстанцией решение отменено. Кассационной инстанцией указанное апелляционное определение отменено. По мнению

СК по гражданским делам Верховного Суда РФ, судом апелляционной инстанции не было учтено, что истица в ходе рассмотрения дела изменила правовое обоснование требований, указывала на то, что проведение вакцинации соответствует признакам деятельности, имеющей повышенную опасность (ст. 1079 ГК РФ). Однако судом апелляционной инстанции оценка указанным доводам не была дана [1].

Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ представляет собой особое значение в исследуемой проблеме. Кассационная инстанция, удовлетворяя требования истицы, подтверждает факт приравнивания вакцины к источнику повышенной опасности без дополнительного доказывания.

Другим интересным примером является следующее решение суда. Истица обратилась в суд с иском в интересах несовершеннолетнего ребенка о взыскании компенсации морального вреда. В обоснование исковых требований истица указала, что родила сына Гусева М.К. в ОГАУЗ «Ангарский перинатальный центр». После рождения ребенку в этом учреждении была проведена вакцинация против вирусного гепатита «В», против туберкулеза вакциной туберкулезной (БЦЖ). В результате вакцинации от туберкулеза вакциной БЦЖ ребенок заразился опасным заболеванием — туберкулезным оститом. Истица считает, что вакцинация относится к деятельности, которая создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны медицинских работников. В ходе разбирательства по делу судом установлено, что действительно заболевание Гусева М. связано с вакцинацией от туберкулеза, которая была проведена в перинатальном центре. Данные обстоятельства подтверждаются медицинскими документами и заключением судебно-медицинской экспертизы. От Гусевой А.А. было получено информированное согласие на вакцинацию. Суд отказал в удовлетворении требований истицы ссылаясь на то, что доказательств, свидетельствующих о недостатках и виновных действиях работников ответчиков при оказании медицинской помощи, не представлено, не установлена и причинно-следственная связь между действиями врачей перинатального центра и детской больницы и наступившими последствиями в виде заболевания БЦЖ оститом, продолжительностью лечения [4].

На наш взгляд, такое решение суда является не обоснованным. Суд под подписанным согласием понимает полное согласие истцов не только на проведение вакцинации, но и на вероятное возникновение осложнений, что само по себе тогда лишает истцов возможности защиты своих прав. Также, в ходе рассматриваемого дела было установлено, что осложнения возникли в результате проведенной вакцинации, то есть доказана причинно-следственная связь между проведением вакцинации и наступлением последствий. Это подтвердили и эксперты, и сами медицинские работники учреждения. Суд полагает, что вред считается причиненным источником повышенной опасности, если он явился результатом его действия или проявления его вредоносных свойств, которыми по мнению суда вакцина не может обладать, поскольку служит профилактическим средством, представляет собой общественно полезное вещество. Следовательно, вред в рассматриваемом примере должен

возмещаться на общих основаниях. Также правоприменитель при вынесении решения соглашается с тем, что проконтролировать полностью невозможно не саму вакцинацию, а реакцию организма конкретного человека на введенную вакцину. Развитие поствакцинального осложнения БЦЖ-остит обусловлено индивидуальной измененной реактивностью ребенка, так как не установлен факт некачественной вакцины (вакциной серии привито 1017 человек, осложнений и необычных реакций не зарегистрировано) и нарушения техники вакцинации БЦЖ работниками перинатального центра (отсутствие местных воспалительных реакций) не установлено, то есть фактов, подтверждающих наличие каких-либо дефектов вакцинации БЦЖ, проведенной потерпевшему, не выявлено. В этой связи суд ошибочно установил отсутствие причинно-следственной связи между действиями работником медицинского учреждения и наступившими осложнениями. Представляется, что в подобных случаях необходимо устанавливать причинно-следственную связь между действием введенной вакциной и возникшими впоследствии осложнениями, а не принимать в расчет нормативно правильно выполненную деятельность работников медицинских учреждений. Ссылка на факт единичного случая осложнений среди привитых, по сути, обесценивает вероятную опасность вообще. Таким подходом правоприменитель усложняет определение условий возмещения вреда и самими источниками повышенной опасности, подчеркивая некую арифметику и теорию вероятности — так, суды при рассмотрении споров по основаниям ст. 1079 ГК РФ могут ссылаться на то, что на 1000 случаев использования автотранспортного средства за некий временной период произошел один случай причинения вреда, и отказывать в удовлетворении требований, что само по себе абсурдно. В этой связи, на наш взгляд, представляется необходимым считать причинно-следственную связь установленной в случае, если лицо будучи изначально здоровым после вакцинации приобрел именно это заболевание, от которого он вакцинировался. Такую причинно-следственную связь доказывать нет необходимости.

Подводя итог, на наш взгляд, самым острым вопросом остается проблема установления причинно-следственной связи — между какими явлениями все-таки должна устанавливаться связь: между действиями медицинских работников и наступившими последствиями, или все-таки действием самой вакцины. Решение этой проблемы позволило бы правоприменителю создать единый подход при разрешении рассматриваемых споров. Мы придерживаемся мнения, что в этом случае необходимо разграничивать два момента: некачественная деятельность медицинских работников, которая привела к причинению вреда при вакцинации, для применения нормы ст. 1095 ГК РФ, и побочные действия специфических свойств самой вакцины, вызвавшие соответствующую реакцию организма (в том числе индивидуальную), которые стали причиной поствакцинальных осложнений, для применения нормы 1079 ГК РФ. На наш взгляд, по спорам о возмещении вреда в результате вакцинации целесообразнее применять ст. 1079 и 1095 ГК РФ совместно. Представляется необходимым закрепить на законодательном уровне подобный вывод для облегчения разрешения споров по данной проблеме.

Литература:

1. Определение Верховного Суда РФ от 26.07.2013 № 2-КГ13-4
2. Апелляционное определение ВС Республики Башкортостан от 26.11.2019 № 33-12632/2019
3. Апелляционное определение Мосгорсуда от 02.10.2019 № 33-15727/2019
4. Решение Ангарского городского суда Иркутской области от 12 октября 2016 г. по делу № 2-2151/2016

Уголовная ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений

Арюткин Дмитрий Викторович, студент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск)

Реальность современного мира такова, что мы не можем взаимодействовать с людьми, не используя при этом информационные технологии или какие-либо другие технические средства для связи между людьми. С помощью данного метода общения, мы передаем личную информацию, коммерческую информацию и любой другой вид информации. В связи с этим все более актуальным становится вопрос, обеспечения личной информационной безопасности, так как все больше злоумышленников пытаются использовать персональные данные или личную информацию, для противозаконных целей.

В Российской Федерации тайну частной жизни охраняет Конституция и другие нормативно-правовые акты. Статья 23 Конституции Российской Федерации излагает: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения» [1].

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит статью 138, которая устанавливает уголовную ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений [2]. Преступление, указанное в статье 138 УК РФ, посягает на элемент частной жизни.

Как считает Петрухин И.Л. «Право человека на частную жизнь — это также его право на конфиденциальное общение с другими людьми через средство почты и телеграфа». [7, с.13]

Для квалификации данного вида преступления содержания информации и ее носитель значения не имеют. Объективная сторона уголовного преступления по ст. 138 УК РФ состоит в активной форме поведения, то есть состоит из совершенно любых незаконных действий, нарушающих тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений граждан. Незаконность выражается в том, что получение доступа к содержанию информации, совершается против воли лица, в условиях, не оговоренных законом Российской Федерации. Таким образом, нельзя признать незаконное нарушение тайны переписки, если она получена с вынесенным постановлением судьи или в условиях и на основании установленным Федеральному закону от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [3].

Преступление окончено с того момента, когда совершенно деяние нарушающую указанную тайну. Субъективная сторона данного преступления, характеризуется виной в виде прямого умысла. Лицо, совершающее преступление, осознает, что знакомится с личной информацией другого человека, и желает совершить действия нарушающую тайну переписки. Мотивы у человека совершающее преступление по статье 138 УК РФ, могут быть разные, как любопытство, месть, корысть и т.д.

В мире информационных технологий, все более часто умысел преступников направлен на ознакомление с личной перепиской, именно в социальных сетях или посредством электронной почты.

Приведем пример, из судебной практики, так приговор Ленинского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан по ч. 1 ст. 138 УК РФ № 1-193/2017, был осужден гражданин Аслаев Р.Х. Аслаев Р.Х., находясь по месту своего жительства, посредством подключения к электронно-вычислительной машине, находящейся в его квартире, соединенной выделенной линией к системе ЭВМ-серверу оператора связи в области передачи цифровых данных интернет-провайдера АО «Уфанет», зашел в социальную сеть «ВКонтакте» по электронному адресу: и автоматически оказался на персональной странице пользователя, принадлежащей его знакомой Потерпевший № 1, по электронному адресу, так как логин и пароль доступа на персональную страницу были автоматически сохранены в кэш-памяти персонального компьютера, принадлежащего Аслаеву Р.Х. После этого у Аслаева Р.Х. возник преступный умысел на незаконный доступ к личной переписке, содержащейся на персональной странице, Потерпевший № 1 в социальной сети» [5].

Статьей 138 Уголовного кодекса Российской Федерации частью 2, квалифицированным составом установлен специальный субъект. Специальным субъектом является — лицо, использующее свое служебное положение. В последнее время, участились случаи использования своего служебного положения, выражающегося в незаконном доступе к личной информации.

Так приговором суда по ч. 2 ст. 138 УК РФ № 1-451/2017 Советского районного суда г. Самары, Безбородова М.А. 24.11.2015 года принята на должность специалиста по обслуживанию в контактном центре Поволжского филиала ПАО

«Мегафон» по кадровому администрированию и управлению вознаграждениями ПАО «Мегафон» Через неопределенное время у Безбородовой М. А. возник преступный умысел, направленный на нарушение тайны переписки, телефонных переговоров ранее ей знакомого Потерпевший № 1, совершенное лицом с использованием своего служебного положения. Реализуя задуманное, Безбородова М. А., действуя умышленно, из личной заинтересованности, с целью нарушения тайны переписки, телефонных переговоров Потерпевший № 1, в период

времени с марта 2016 года по январь 2017 года, осуществила доступ через информационно-биллинговую систему ПАО «Мегафон» к абонентским данным [4].

Таким образом, на основании вышеизложенного, мы пришли к выводу, что тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений является непростым правовым институтом. Уголовная ответственность позволяет нам быть уверенными в том, что лица, посягающие на неприкосновенность частной жизни, понесут наказание.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 01.07.2020 №11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, №31, ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.12.2019) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, №25, ст. 2954.
3. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 14.08.1995, №33 ст. 3349.
4. Постановление Советского районного суда г. Самары № 1–451/2017 [Электронный ресурс] // Режим доступа: справ.-правовая система «Консультант Плюс».
5. Постановление Ленинского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан по ч. 1 ст. 138 УК РФ № 1–193/2017 [Электронный ресурс] // Режим доступа: справ.-правовая система «Консультант Плюс».
6. Ефремова М. А. Уголовная ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 1 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-narushenie-tayny-perepiski-telefonnyh-peregovorov-pochtovyh-telegrafnyh-ili-inyh-soobscheniy> (дата обращения: 24.02.2021).
7. Петрухин И. Л. Личные тайны (человек и власть) / И. Л. Петрухин. — М.: Институт государства и права, 1998. — С. 16.

Проблема аэропортов с малой интенсивностью полетов

Барковская Анастасия Александровна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации

Прежде всего следует отметить, что в российском законодательстве отсутствует регламентированное определение аэропортов с низким пассажиропотоком или с небольшим количеством взлетно-посадочных операций, то есть аэропортов с малой интенсивностью полетов.

Невзирая на это, в воздушном законодательстве существует ряд требований, которые носят рекомендательный характер для малых аэропортов.

Так, к примеру, основным документом, регулирующим деятельность в области обеспечения авиационной безопасности, являются Федеральные авиационные правила «Требования авиационной безопасности к аэропортам», утвержденные приказом Минтранса России от 28.11.2005 № 142 (далее — ФАП № 142). Указанный нормативный правовой акт устанавливает требования, обязательные для исполнения администрациями аэропортов, авиационных предприятий, эксплуатантов, а также иными юридическими и физическими лицами, осуществляющими свою деятельность на территории аэропорта.

В 2008 году приказом Минтранса России от 31.01.2008 № 20 внесены изменения в одиннадцать пунктов (пункты 10, 17, 19, 23,

25, 27, 35, 36, 38, 46, 64) ФАП № 142 в части дополнения требований положениями для «аэропортов местных воздушных линий».

Вместе с тем необходимо отметить, что на сегодняшний день понятие «аэропорты местных воздушных линий» также не определено на законодательном уровне и вызывает неоднозначную реакцию представителей авиационного сообщества в отношении применения данных норм на практике.

В дальнейшем деятельность компетентных органов, направленная на снижение требований в области обеспечения авиационной безопасности для аэропортов с малой интенсивностью полетов, приостанавливается на восемь лет.

В 2007 году вступает в силу Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», который вводит в воздушное законодательство понятия:

– категорирование — отнесение объектов транспортной инфраструктуры к определенным категориям с учетом степени угрозы совершения акта незаконного вмешательства и его возможных последствий (определение представлено с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 02.08.2018 № 270-ФЗ);

– объекты транспортной инфраструктуры — технологический комплекс, включающий в себя:

а) железнодорожные вокзалы и станции, автовокзалы и автостанции;

б) объекты инфраструктуры внеуличного транспорта, определяемые Правительством Российской Федерации;

в) тоннели, эстакады, мосты;

г) морские терминалы, акватории морских портов;

д) порты, которые расположены на внутренних водных путях и в которых осуществляются посадка (высадка) пассажиров и (или) перевалка грузов повышенной опасности на основании специальных разрешений, выдаваемых в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации по представлению федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере транспорта, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности Российской Федерации, федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, судходные гидротехнические сооружения;

е) расположенные во внутренних морских водах, в территориальном море, исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе Российской Федерации искусственные острова, установки, сооружения, в том числе гибко или стационарно закрепленные в соответствии с проектной документацией на их создание по месту расположения плавучие (подвижные) буровые установки (платформы), морские плавучие (передвижные) платформы, за исключением подводных сооружений (включая скважины);

ж) аэродромы и аэропорты;

з) определяемые Правительством Российской Федерации участки автомобильных дорог, железнодорожных и внутренних водных путей, вертодромы, посадочные площадки, а также обеспечивающие функционирование транспортного комплекса здания, сооружения и помещения для обслуживания пассажиров и транспортных средств, погрузки, разгрузки и хранения грузов повышенной опасности и (или) опасных грузов, на перевозку которых требуется специальное разрешение;

и) здания, строения, сооружения, обеспечивающие управление транспортным комплексом, его функционирование, используемые федеральными органами исполнительной власти в области транспорта, их территориальными органами и подведомственными организациями, а также объекты систем связи, навигации и управления движением транспортных средств воздушного, железнодорожного, морского и внутреннего водного транспорта, определяемые федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере транспорта, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности Российской Федерации, федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел.

Не ранее чем в 2016 году Минтранс России возобновляется деятельность, ориентированная на снижение требований, установленных к «аэропортам местных воздушных линий», а также аэропортам, которые в соответствии с законодательством о транспортной безопасности отнесены к 4 и 5 категориям.

В частности, в июне 2016 года приказом от 21.06.2016 № 171 внесены изменения в пункт 27 ФАП № 142 в отношении установления зоны безопасности шириной 30 метров, взамен 50-метровой зоны.

В сентябре того же года, с учетом требований законодательства в области транспортной безопасности внесены изменения в пункты 17, 19, 23 ФАП № 142 в части дополнения положениями для аэропортов 1–3 и 4 и 5 категорий. В том числе нормой, предусматривающей определение расположения, высоты и оборудования ограждения территории аэродрома администрацией аэропорта, отнесенного в соответствии с законодательством о транспортной безопасности к 4 или 5 категории.

В феврале 2018 года приказом Минтранса России от 12.02.2018 № 58 внесены изменения в пункт 25 ФАП № 142 в части дополнения положениями для 4 и 5 категорий объектов транспортной инфраструктуры, заменяя обязательное требование устройства дорог с искусственным покрытием на возможность устройства грунтовых дорог вдоль периметрового ограждения аэропорта.

Кроме того, в апреле 2020 года внесены изменения в статьи 83 и 84 Воздушного кодекса Российской Федерации в части предоставления права осуществления мероприятий по охране периметровых ограждений и иных инфраструктурных объектов аэропортов силами собственных подразделений транспортной безопасности, которые также ориентированы на значительное снижение затрат субъектов транспортной инфраструктуры.

В то же время, указанная норма также носит противоречивый характер в связи с тем, что охрана аэропортов и объектов их инфраструктуры осуществляется подразделениями транспортной безопасности и подразделениями федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере вневедомственной охраны, в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. На сегодняшний день данный порядок не установлен ни одним правительственным документом. Следовательно — данная норма также не применима.

Учитывая изложенное, становится очевидным, что с одной стороны — законодатель движется во встречном направлении, снижая требования для тех аэропортов, которым выполнение данных мероприятий представляется весьма затруднительным и накладным в финансовом аспекте, с другой — указанные «ослабления» не реализуемы со стороны субъекта транспортной инфраструктуры в рамках правовых взаимоотношений.

Вместе с тем необходимо отметить, что Минтранс России ведется планомерная работа по определению и закреплению в воздушном законодательстве понятия аэропортов с «малой интенсивностью полетов».

Правовое регулирование перевозки животных на железнодорожном транспорте

Быкова Алина Александровна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В рамках данной статьи рассматривается вопрос правового регулирования договора перевозки животных на железнодорожном транспорте по законодательству Российской Федерации. Изучены нормативно правовые акты в данной области. Сформулированы предложения для дальнейшего развития законодательства в области перевозки животных.

Ключевые слова: договор перевозки, перевозка, перевозка животных, животные, железнодорожный транспорт, гражданское право.

Вопрос правового регулирования договора перевозки животных занимает не так много места в современном законодательстве Российской Федерации по сравнению с рядом иностранных государств, чьи законы нацелены на курс гуманизации в отношении обращения с нашими «меньшими братьями», а научное юридическое сообщество не сильно обеспокоено правовым положением животных во время исполнения договора перевозки, которых рассматривают как багаж, ручную кладь пассажира. Таким образом объясняется актуальность данной статьи.

Источники правового регулирования перевозки животных можно рассматривать как совокупность норм законодательства, которые непосредственно регулируют данный вопрос.

Основным источником является нормативно-правовой акт, обладающий высшей юридической силой в России — Конституция Российской Федерации (далее — Конституция РФ). Так, в ст. 27 Конституции РФ [1] определяется право на свободу передвижения человека и гражданина. Данная норма служит импульсом к дальнейшему рассуждения по аналогии, что человек и гражданин имеет право на свободное передвижение как с животным, так и без него.

Система законодательства, содержащая нормы о правовом регулировании договора перевозки базируется на Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ). Глава 40 ГК РФ «Перевозка» содержит общие положения по регулированию отношений, связанных с осуществлением перевозки: грузов, пассажиров и багажа на различных видах транспорта, а также отношения по организации и обеспечению перевозок [2].

К специальным транспортным законам по перевозке железнодорожным транспорта относится: Устав железнодорожного транспорта РФ (далее — УЖТ). УЖТ регулирует отношения, которые возникают между сторонами договора перевозки на железнодорожном транспорте, как общего, так и необщего пользования, и устанавливает их взаимные права и обязанности, а также в случае нарушения вышеназванного — ответственность [3].

Значительное место в системе источников занимают подзаконные акты, в данном ключе актуально рассмотреть постановления, издаваемые Правительством РФ; инструкции, постановления и правила, исходящие от министерств и ведомств и иных федеральных органов исполнительной власти. Например, постановление Правительства РФ от 30.12.2019 № 1937 «Об утверждении требований к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию», в п. 31–44

содержатся особенности транспортировки животных: погрузка/выгрузка при транспортировке должна осуществляться в дневное время, но с учетом особенностей животных, которые ведут ночной образ жизни; температурный режим перевозки должен соответствовать норме не ниже +16 градусов Цельсия и не выше +25 градусов Цельсия [4].

Основным источником правового регулирования отношений в сфере перевозки животных и наиболее полно систематизированным является — Приказ МПС РФ от 18.06.2003 № 35 «Об утверждении Правил перевозок железнодорожным транспортом животных» (далее — приказ МПС РФ № 35). Данный приказ МПС РФ № 35 определяет порядок осуществления перевозок животных железнодорожным транспортом. Устанавливает виды животных, которые допускаются к перевозке: все виды животных, включая птиц, пушных зверей, лабораторных, зоопарковых и домашних животных, морских зверей, пчел и рыб [5]. Одними из основных критериев допуска к перевозке железнодорожным транспортом являются:

- 1) наличие ветеринарных сопроводительных документов, таких как ветеринарное свидетельство или сертификат;
- 2) территория, которая не должна быть подвергнута различным болезням.

Этот процесс осуществляется под контролем органов Государственного ветеринарного надзора на Государственной границе Российской Федерации и транспорте Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. Данное положение действует в совокупности с Приказом Министерства транспорта РФ от 14.01.2020 № 10 «Об утверждении Правил перевозок железнодорожным транспортом грузов, подлежащих федеральному государственному ветеринарному надзору» [6].

Стороны транспортных отношений могут определять условия и правила перевозок посредством заключения договоров, издания положений и локальных актов в том случае, если они не нарушают общие положения о перевозках. Компания ОАО «РЖД» при перевозке животных устанавливает свои требования, которые не противоречат действующему правовому регулированию. Так, не допускается перевозка животных: опасных для окружающих; имеющих болезненный вид; не прирученных; имеющих неприятный запах; не прирученных к клетке — вышеназванные положения распространяются на животных, которые рассматриваются как ручная кладь пассажира и преимущественно являются домашними животными [7]. Стоит отметить, что согласно регламенту компании, осуществлять перевозку домашнего животного разрешается не

во всех типах вагонов, к таким типам относятся: спальный пассажирский вагон с четырехместным купе (купе) (2Т Эконом ТК) и спальный пассажирский вагон открытого типа (плац-карт) (3 У Стандарт). Компанией также предусмотрен два вида услуг по перевозке домашних животных:

- 1) перевозка без сопровождения;
- 2) в сопровождении владельца (ручная кладь).

В ходе осуществления процесса перевозки любое животное становится подвергнуто негативному процессу. Такие состояния организма как стресс, снижение иммунитета и прочие, крайне нежелательны для животных и отрицательно сказываются на их здоровье, общем состоянии и могут привести к самым негативным последствиям — гибели животных. А закреплённый в законодательстве статус животного, как багажа, только повышает и без того высокий риск наступления таких последствий. Наша задача заключается в решении вопросов правового регулирования данного аспекта, чтобы облегчить общее состояние животного при перевозке. Например, перестать рассматривать живое существо в качестве багажа, а выделить его в самостоятельную категорию объекта перевозки на ряду с пассажиром, багажом, грузом — это животные, как относительно самостоятельная единица, неразрывно связанная с пассажиром.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
3. Федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ (ред. от 23.11.2020) «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 2. — Ст. 170.
4. Постановление Правительства РФ от 30.12.2019 № 1937 «Об утверждении требований к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 2 (часть I). — Ст. 182.
5. Приказ МПС РФ от 18.06.2003 № 35 «Об утверждении Правил перевозок железнодорожным транспортом животных» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 19.06.2003 № 4767) // Российская газета (специальный выпуск). — 2003. — № 119/2.
6. Приказ Минтранса России от 14.01.2020 № 10 «Об утверждении Правил перевозок железнодорожным транспортом грузов, подлежащих федеральному государственному ветеринарному надзору» (Зарегистрировано в Минюсте России 03.06.2020 № 58573) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.06.2020.
7. Список животных, разрешенных к перевозке в поездах ОА «ФПК» в качестве ручной клади [Электронный ресурс]. Режим доступа; <https://www.rzd.ru/ru/9836/page/103290?id=17935#main-header> (дата обращения 04.02.2021).

Назначение наказания в виде штрафа несовершеннолетним

Гайдашук Александр Игоревич, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье автор пытается выявить особенности назначения штрафа несовершеннолетним.

Ключевые слова: штраф, несовершеннолетний, личная ответственность.

Одним из наиболее спорных положений главы 14 УК РФ является возможность взыскать с родителя (иного законного представителя) при наличии их согласия штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному (ч. 2 ст. 88 УК РФ).

Дальнейшее регулирование данного вопроса должно развиваться в триаде главных целей: метод перевозки, место, ответственное под перевозку, контроль.

Под методом перевозки в данном аспекте стоит рассматривать какой из видов перевозки наиболее благоприятен для конкретного животного: железнодорожный, воздушный, автомобильный, водный.

Под местом — это четко регламентированные критерии по площади/пространства, в котором будет содержаться животное в момент перевозки-вольер, клетка, переноска и с учетом биологических особенностей.

Под контролем стоит понимать проверку, осуществляемую со стороны перевозчика в отношении транспорта, на котором будет осуществляться процесс перевозки и его соответствие вышеназванным нормативам.

Таким образом, отсутствие на данный момент времени единого нормативного акта в отношении перевозки животных негативно влияет на состояние их организма, так как они являются живыми существами, в отличие от любых других категорий багажа. Одним из возможных решений является создание такого нормативного акта, который учитывал бы особенности перевозимых животных.

Позиция ученых, которые считают, что ч. 2 ст. 88 УК РФ противоречит принципу личной ответственности, представляется вполне справедливой. По сути, наказание в виде штрафа исполняют непосредственно родители несовершеннолетнего, а не он

лично. Уместно привести позицию русского ученого Н. С. Таганцева, который считал: «Всякое наказание должно быть страданием для виновного, страданием, им лично отбываемым; закон не может допустить, чтобы назначенное кому-либо наказание отбывалось за него другим лицом» [1].

Поэтому данную норму ч. 2 ст. 88 УК РФ, противоречащую принципу личной ответственности, скорее следует воспринимать как исключение из правил. Штраф как наказание является самым мягким для осужденного, но в силу отсутствия у последнего возможностей для оплаты штрафа за него платят родители как законные представители несовершеннолетних. Следует помнить, что суду вменяется обязанность применить более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление только в том случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания (ч. 1 ст. 60 УК РФ). Отчасти такое положение дел имел в виду И. И. Карпец: «... всякое сокращение применения лишения свободы, если это не влияет отрицательно на состояние преступности, есть благо» [2]. Отсюда следует умозаключение, что отсутствие заработной платы или имущества у несовершеннолетнего не может быть основанием назначения ему более сурового наказания.

Общеизвестно, что в теории права существует концепция единого правопорядка, предполагающая, что государство не может запрещать в одной отрасли права то, что оно разрешает в другой. Поэтому позиция законодателя касательно ответственности родителей за своих детей закреплена в нормативных актах. В абзаце 2 ч. 1 ст. 64 СК РФ указывается, что родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий. Ч. 1 ст. 1074 ГК РФ закрепляет, что несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно несет ответственность за причиненный вред на общих основаниях. Ч. 2 ст. 1074 ГК РФ определяет, что в случае, когда у несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда, вред должен быть возмещен полностью или в недостающей части его родителями (усыновителями) или попечителями, если они не докажут, что вред возник не по их вине. Ч. 2 ст. 32.2 КоАП РФ говорит, что в случае отсутствия самостоятельного заработка у несовершеннолетнего административного штрафа взыскивается с его родителей или иных законных представителей.

Приведенные положения различных отраслей права показывают, что законодатель позволяет возложить обязанность выплаты штрафа на родителей (иных законных представителей).

Трудно поспорить с мнением, что родители, добросовестно выполняющие родительские обязанности, у которых несовершеннолетний совершил преступление, отчасти несут ответственность за то, что не научили своего ребенка выполнению общепринятых норм поведения и морали, не научили его соблюдать права других лиц и не нарушать запреты, предусмотренные в том числе УК РФ.

Следует остановиться на положении, рассматривающем возможность трудоустройства несовершеннолетнего осужден-

ного. Штраф как вид уголовного наказания назначается исходя из имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода. В этих целях выясняется наличие или отсутствие места работы у осужденного, размер его заработной платы или иного дохода, возможность трудоустройства, а также наличие имущества, иждивенцев и т.п. (абз. 3 п. 2 ПП ВС РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами РФ уголовного наказания»). Отсюда следует, что суд может назначить штраф подсудимому, в том числе не имеющему работы. Учитывая данную ситуацию, суд может рассматривать возможность трудоустройства несовершеннолетнего лица. Данное положение может быть применено в отношении несовершеннолетних осужденных.

В защиту положения сформулированного в ч. 2 ст. 88 УК РФ по поводу назначения штрафа без заработка, имущества, следует сказать следующее. Штраф как один из видов находится на первой ступени лестницы наказаний, и был бы не обоснован факт отсутствия этого вида наказания в отношении несовершеннолетних. Расположение штрафа на первой ступени наказаний объясняется тем, что целью является ущемление только имущественных прав.

При отсутствии согласия родителей на выплату штрафа за несовершеннолетнего осужденного, у которого отсутствуют средства для оплаты штрафа, несовершеннолетний должен устроиться на работу. В процессе осуществления трудовой деятельности в свободное от учебы время у несовершеннолетнего появляется возможность возместить причиненный преступлением вред. В данном случае работа является средством исправления осужденного. Такая трудовая деятельность воспитывает чувство ответственности за свои поступки, добросовестность, формирует уважительное отношение к нормам, правилам в обществе и стимулирует правовое поведение. Происходит формирование понимания того, что честный труд является необходимой частью законопослушной жизни человека.

А. Г. Кибальник [3], критикуя возможность взыскания штрафа с родителей несовершеннолетнего при наличии их согласия, пишет, что «создание подобного «прецедента» откроет дорогу исполнению другими лицами наказания, назначенного уже взрослому преступнику. Действительно, почему бы не разрешить заплатить тот же штраф родственнику или близкому взрослому осужденному?» [3, с. 204].

На данную позицию ученого можно привести следующий контраргумент. Каждый осужденный, в том числе и несовершеннолетний, должен отбывать наказание самостоятельно в соответствии с принципом личной ответственности. Данную позицию разделяет абсолютное большинство ученых [4]. Согласно действующему законодательству, осужденный обязан выплатить сумму штрафа без рассрочки в течение 60 дней (ч. 1 ст. 31 УИК РФ), т.е. у осужденного есть два месяца для выплаты штрафа. При этом за неимением достаточной суммы осужденный может занять всю или часть необходимой суммы в уплату долга у третьего лица (родственника, друга иного человека) и выплатить штраф, назначенный ему по приговору суда. В приведенном примере взрослый осужденный испытывает минимальные последствия, возникающие из-за совершенного

им преступления, т.к. фактически наказание было выполнено третьим лицом. Его же долг как осужденного не регулируется отношениями уголовного характера. Получается, что штраф за несовершеннолетнего и взрослого осужденного могут выплачивать третьи лица. Разница лишь в том, что несовершеннолетний, скорее всего, не будет возвращать долг родителям, в отличие от взрослого, который, скорее всего, вернет.

А.Г. Кибальник продолжает критиковать положение, закрепленное в ч. 2 ст. 88 в части выплаты штрафа родителями (иными законными представителями) несовершеннолетнего. Он считает, что возникает, в частности, юридическая проблема, связанная с тем, кого считать судимым в случае взимания такого штрафа.

В защиту ч. 2 ст. 88 можно привести следующий аргумент: в случае, если с родителей взыскивается штраф при их согласии, то это не порождает противоречий в отношении такого юридического последствия как судимость. Ст. 86 УК РФ четко определяет, что лицо, осужденное за совершенное преступление считается судимым, т.е. несмотря на взыскание штрафа с родителей несовершеннолетнего, судимым считается несовершеннолетний, т.к. именно он признается виновным в приговоре суда, о чем сказано в п. 1 ч. 1 ст. 308 УПК РФ.

Далее, заслуживает внимания положения ст. 105 УПК РФ, когда третье лицо (родитель, законный представитель) несет ответственность за несовершеннолетнего, являющегося подозреваемым (обвиняемым), т.е. осуществляет присмотр. В данной мере пресечения родителям, опекунам, попечителям или другим, заслуживающим доверия лицам, а также должностным лицам специализированного детского учреждения, в котором несовершеннолетний находится, предоставляется право обеспечить надлежащее поведение несовершеннолетнего, предусмотренное ст. 102 УПК РФ. Как и в случае с ч. 2 ст. 88 УК РФ, при наличии согласия родители и иные лица несут ответственность за несовершеннолетнего. Значимым является тот факт, что при присмотре за несовершеннолетним может реализоваться педагогический аспект. Суть его в следующем: родитель и другие лица, кроме формального исполнения несовершеннолетним его обязанностей, предусмотренных в ст. 102 УПК РФ, обеспечивают контроль за поведением несовершеннолетнего

в быту, его позитивную социализацию, надлежащее развитие, включая учебу и другое [5]. Полагаем, что данный аспект реализуется в ч. 2 ст. 88 УК РФ. Нам кажется очевидным, что при вынесении судом решения о взыскании штрафа, родители или иные лица обязаны, кроме формальной выплаты штрафа, обеспечить за несовершеннолетним, совершившим преступление, контроль и меры родительского воздействия, которые окажут на него исправительное воздействие.

Рассматривая вопрос выплаты штрафа родителями, И.В. Черненко [6] в своей диссертации пишет: «Не понятна логика законодателя, не предусмотревшего возможность ... принудительного взыскания штрафа с родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего осужденного, уклоняющихся от его уплаты». В своей работе она разделяет позицию С.С. Уткиной [7]: «Тем самым фактически создается законодательная основа для обмана суда родителями (иными законными представителями) несовершеннолетнего, совершившего преступление».

На случай невыплаты штрафа родителями несовершеннолетнего в срок для добровольного исполнения законодатель предусмотрел п. 3 ч. 10 ст. 103 ФЗ «Об исполнительном производстве» 2007 г., в котором закрепил возможность принудительного взыскания судебным приставом-исполнителем штрафа за преступление на имущество должника. В данном случае должниками являются родители несовершеннолетнего.

Иная точка зрения, в защиту ч. 2 ст. 88 УК РФ имеется у Н.В. Артеменко [8], который утверждает, что возможность выплаты штрафа родителем несовершеннолетнего не лишает наказания личного характера. По его мнению, речь идет о самостоятельном выполнении данного вида наказания. Значение данной нормы он считает утилитарной, т.к. на практике штраф фактически выплачивался родителями ребенка.

Приведённые аргументы в защиту положения о выплате штрафа родителями несовершеннолетнего с их согласия в качестве наказания (ч. 2 ст. 88 УК РФ) нами считаются целесообразными и обоснованными, несмотря на то, что оно идет в разрез с принципом личной ответственности. Ч. 2 ст. 88 УК РФ позволяет назначить менее тяжкое наказание для несовершеннолетних, а также индивидуализировать его.

Литература:

1. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекции: часть общая. Т. 2 / авт. Таганцев Н.С., сост. и отв. ред.: Загородников Н.И. — Москва: Наука, 1994. — 393 с. — Текст: непосредственный.
2. Карпец, И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы / И.И. Карпец. — Москва: Юридическая литература, 1973. — 287 с. — Текст: непосредственный.
3. Иногамовой-Хегай, Л.В. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая: учебник / Л.В. Иногамовой-Хегай. — Москва: Проспект, 2016. — 224 с. — Текст: непосредственный.
4. Кибальник, А.Г. Об особенностях уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних / А.Г. Кибальник. — Текст: непосредственный // Общество и право. — 2015. — № 2. — С. 63–68.
5. Головкин, Л.В. Курс уголовного процесса / Л.В. Головкин. — 2-е изд., испр. — Москва: Статут, 2017. — 1280 с. — Текст: непосредственный.
6. Черненко, И.В. Особенности уголовной ответственности и альтернативных ей мер в отношении несовершеннолетних: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Черненко Ирина Владимировна; Кемеровский государственный университет. — Кемерово, 2006. — 199 с. — Текст: непосредственный.

7. Уткина, С. С. Уголовное наказание в виде штрафа. / С. С. Уткина. — Томск: Издательство Томского университета, 2004. — 153 с. — Текст: непосредственный.
8. Подройкина, И. А. Актуальные проблемы Общей части уголовного права: учебник / И. А. Подройкина, И. А. Фаргиев. — Москва: Проспект, 2019. — 544 с. — Текст: непосредственный.

Суд как участник уголовного процесса

Галковская Мария Вячеславовна, студент

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В данной статье рассматривается правовой аспект суда, как участника уголовного процесса, а также выделен дискуссионный вопрос связанные с относимостью суда в отдельный, самостоятельный, центральный вид, как участника уголовного процесса. На основании проведенного исследования делаются конкретные выводы, которые отражены в статье.

Ключевые слова: участник уголовного процесса, суд, судья, Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации.

На сегодняшний момент суд (судья) в уголовном процессе играет наиболее важную роль, он является не только центральным участником уголовного процесса, но так и государственным органом, который реализует правосудие в уголовном процессе, то есть рассматривает и разрешает уголовные дела по существу в судебном разбирательстве.

Но для того, чтобы детально разобраться в вопросах осуществления судебной власти в уголовном судопроизводстве, нужно проанализировать с точки зрения правового статуса суда, как участника уголовно-процессуальных отношений.

Так, определение «суд» по своему содержанию и значению можно отнести к числу комбинированных. С одной стороны, суд относится к органам государства, совокупность которых образует судебную систему, реализующую самостоятельную ветвь государственной власти (статья 1 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции»), с другой стороны, судья согласно п. 48 ст. 5 УПК РФ является носителем, имеющим право на рассмотрение уголовного дела по существу и принятие решений от имени Российской Федерации.

В законодательстве нашей страны, данное понятие «суд» используется при построении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

В частности, при определении подсудности (статьи 30, 31 УПК РФ) [1], суд является органом, то в других случаях — должностным лицом, вступающим в правоотношения с другими участниками уголовного процесса. Так, в отдельных случаях термин «суд» уточняется в отношении конкретных должностных лиц мирового судьи, председательствующего, Председателя суда, его заместителей

Суд как государственный орган правосудия относят к группе или участников уголовного процесса, которые ведут уголовное судопроизводство, иначе говоря, руководит процессом.

К. Ф. Гуценко утверждает, что этих субъектов можно назвать центральными или участниками судопроизводства как субъектов, которые исполняют главные процессуальные функции. Основными их свойствами считается, что они являются носи-

телями служебного или личного интереса в исходе конкретного дела, могут влиять на его возникновение и продвижение к предусмотренному законом финишу. К ним можно отнести суд, участники со стороны обвинения и участники со стороны защиты [2].

Важно отметить, что некоторые ученые-юристы выделяет, суды (судей) в отдельную самостоятельную группу участников уголовного судопроизводства [3]. Это определяется тем, что на них возложена функция разрешения дела. Суть данной функцией отражена в ч. 1 ст. 118 Конституции РФ и ст. 8 УПК РФ, установивших, что лишь суду предоставлено полномочие осуществлять правосудие путем разбирательства уголовных дел и постановления по его итогам приговоров, в соответствии с которыми привлекаемые к уголовной ответственности лица могут быть признаны совершившими преступления и подвергнуты уголовному наказанию.

Эти полномочия могут выполнять не любые суды, в лишь те, которые относятся к числу судов общей юрисдикции [4].

Можно утверждать о том, что суд — это отдельный участник уголовного процесса [5]. Но наиболее будет правильнее утверждать, что суд, это один из участников уголовного процесса, так как это указано в УПК РФ.

Отметим, что реализации отношений между судом и сторонами выявляется с государственно властных полномочий суда с реализацией прав личности уголовном процессе и с защитой этих прав [6].

Главную роль судов (судей) в уголовно-процессуальных правоотношениях определяется также и в том [7], что одновременно с полномочиями по отправлению правосудия на них возложены такое право, как контроль над законностью и обоснованностью действий и решений органов дознания и следствия на досудебных стадиях [8].

Таким образом, исследовав суд (судью), как участника уголовного процесса, можно утверждать о том, что он играет неотъемлемую часть в уголовном процессе, который рассматривает уголовные дела по существу, а также и выносит решения, предусмотренные УПК РФ.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020) // СЗ РФ 2001, № 24, ст. 1682;
2. Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Под ред. Гуценко К. Ф. М.: МГУ; Зерцало, 2007. С. 131.
3. Качалова, О. В. Функции суда в современном российском уголовном судопроизводстве / О. В. Качалова // Российский судья. 2014. № 1. С. 8–10.
4. Банников, И. А. Принцип осуществления правосудия только судом: историко-правовой аспект / И. А. Банников // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 2. С. 52–57.
5. Проблемы уголовного процесса России. Сборник статей / Зинатуллин З. З. — Ижевск: Детектив-информ, 2008. — 284 с
6. Тарасов А. А., Гизатуллин И. А. Независимость судей — имманентное свойство уголовного правосудия и глобальная его проблема // Вестник РУДН. Юридические науки. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezavisimost-sudey-immanentnoe-svoystvo-ugolovno-pravosudiya-i-globalnaya-ego-problema> (дата обращения: 01.02.2021).
7. Гуценко К. Ф. Понятие судопроизводства // Уголовный процесс / Под ред. К. Ф. Гуценко. М.: ИКД «Зерцало-М», 2009–829 с.
8. Рябцева, Е. В. Правосудие в уголовном процессе России: монография / Е. В. Рябцева. — 2-е изд., доп. — Москва: Юрлитинформ, 2010. — 400 с
9. Независимость судей — имманентное свойство уголовного правосудия и глобальная его проблема // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezavisimost-sudey-immanentnoe-svoystvo-ugolovno-pravosudiya-i-globalnaya-ego-problema> (дата обращения: 25.02.2021).

Исследование особенностей оказания взаимной административной помощи таможенными органами

Губасарян Нара Тиграновна, студент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье автором рассмотрены теоретико-правовые основы взаимной административной помощи таможенных органов государств-членов ЕАЭС, выделены виды взаимной административной помощи, а также особенности осуществления информационного обмена между таможенными органами других государств на основе международно-правового регулирования. Обращается внимание на современное состояние правоотношений по оказанию взаимной административной помощи таможенными органами. Предлагаются перспективы для развития и направление совершенствования взаимной административной помощи таможенных органов.

Ключевые слова: единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз, взаимная административная помощь таможенных органов, Федеральная таможенная служба Российской Федерации, Таможенный кодекс Евразийского экономического союза, трансграничное сотрудничество.

Study of the specifics of the provision of mutual administrative assistance by customs authorities

In the article, the author considers in detail the theoretical and legal foundations of mutual administrative assistance of the customs authorities of the EAEU member states, also identifies the types of mutual administrative assistance, as well as information exchange between the customs authorities of other states on the basis of international legal regulation. Attention is drawn to the current state of legal relations on the provision of mutual administrative assistance by customs authorities. Prospects for the development and direction of improvement of mutual administrative assistance of customs authorities are proposed.

Keywords: common Economic Space, Eurasian Economic Union, mutual administrative assistance of customs authorities, Federal Customs Service of Russia, Customs Code of the Eurasian Economic Union, cross-border cooperation.

На современном этапе жизни сотрудничество в целом представляет собой комплекс мер, способствующих на основе конкретных фактов оказывать взаимовыгоду.

Актуальность исследования вопросов оказания административной помощи таможенными органами предопределена некоторыми основными изменениями в законодательстве Рос-

сийской Федерации, произошедшими в период с 2010 года по настоящее время.

Во-первых, закрепление в кодифицированном акте — Таможенном кодексе Таможенного союза (с 2018 года Таможенный кодекс Евразийского экономического Союза) порядка оказания различных видов взаимной административной помощи как наиболее важного инструмента получения необходимой информации для осуществления административно-юрисдикционной, а также контрольно-надзорной деятельности таможенных органов.

Во-вторых, это декриминализация так называемой «товарной» контрабанды, которая повлекла за собой лификацию деяний, предусмотренных диспозицией утратившей силу ч. 1. Ст. 188 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), как административного правонарушения (далее — АП).

В-третьих, лишение таможенных органов права проведения дознания по уголовным делам, предусмотренным ч. 1 ст. 188, ст. 194 УК РФ [3, с. 78]

В-четвертых, закрепление в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ) порядка оказания правовой помощи по делам об АП (глава 29.1) является признанием законодателем названного механизма одним из наиболее эффективных для получения доказательств по делам об АП, что имеет особую актуальность для таможенных органов, поскольку они ведут административное

расследование правонарушений осложненных иностранным элементом [2, с. 167].

Объединение и взаимопомощь государств-членов позволяет бороться с различными правонарушениями в сфере таможенного дела. Если во всем мире создаются разные организации с целью борьбы, например, с наркотиками всецело, то государства, которые объединились в Евразийской экономической союзе (далее — ЕАЭС) стремятся улучшить безопасность именно внутри своего объединения, и в соответствии с этим в статье 373 Таможенного кодекса Евразийского экономического Союза (далее — ТК ЕАЭС) под «взаимной административной помощью понимаются действия таможенного органа одного государства-члена, совершаемые по поручению таможенного органа другого государства-члена или совместно с ним в целях обеспечения соблюдения международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования, предупреждения и пресечения нарушений международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования» [1, 189].

Особенной частью сотрудничества таможенных органов является административная помощь таможенных органов, которая подразумевает под собой международные правоотношения, связанные с непосредственным взаимодействием с таможенными службами иностранных государств, которые не входят в состав ЕАЭС.

Схематично можно отобразить процесс таможенного сотрудничества следующим образом:

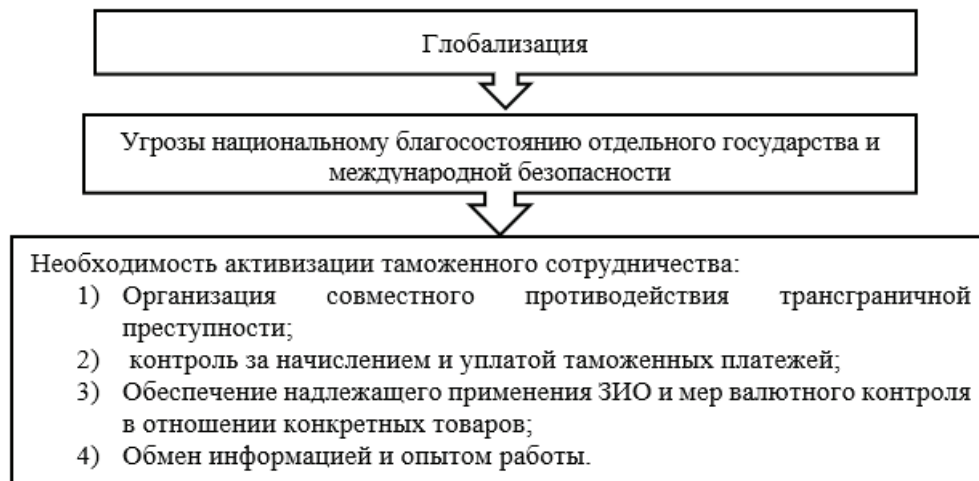

Рис. 1. Процесс таможенного сотрудничества

На современном этапе состояние правоотношений по оказанию взаимной административной помощи находится на стадии развития. С помощью различных видов оказания данной помощи таможенные органы всецело выстраивают взаимоотношения между разными государствами. Одним из основных видов оказания взаимной административной помощи является информационный обмен. Данный вид предполагает под собой обмен информационным материалом, а также сведениями, представленными таможенному органу одного государства о товарах и транспортных средствах

международной перевозки (далее — ТС), которые будут пересекать границу и будут перевезены на территорию другого иностранного государства, в соответствии с нормами и стандартами [7, с. 23].

Также к видам административной помощи относятся взаимное признание средств таможенного обеспечения, таких как пломбы, штампы, оттиски печатей. Еще одним видом является помощь, связанная с техническими средствами, включающая в себя ознакомление, а также работа с данными техническими средствами, используемыми таможенными службами.

Изучая международные акты, можно утверждать о том, что виды административной помощи можно разделить на специальные и трансграничные. Специальные применяются только в ходе расследования по делам об административных правонарушениях, а также в моментах, когда проведение таких видов помощи частично затрагивает вопросы суверенитета другого государства, а в свою очередь трансграничное сотрудничество, предполагает под собой сотрудничество таможенных служб приграничных государств на территории друг друга по предварительной договоренности.

Переходя к международно-правовому регулированию, которое подразумевает под собой обмен информацией между таможенными органами важно отметить тот факт, что данный обмен основывается главным образом на применении принципов Рамочных стандартов безопасности и упрощения мировой торговли Всемирной таможенной организации.

Китайская Народная Республика была выбрала в качестве «пилотного» партнера для организации информационного обмена с Российской Федерацией, во-первых, это одна из стран, которая является ближайшей к границам РФ, а также она обладает наибольшим удельным весом торгового оборота. Само информационное взаимодействие в электронном виде осуществляется на федеральном уровне через Центральное информационно-техническое таможенное управление (далее — ЦИТТУ) и подведомственное Роспатенту ФГБУ «Федеральный институт промышленной собственности» (далее — ФИПС) [7, с. 21].

В ходе работы было выявлено, что при регулярном обмене данными была повышена степень доверия между данными странами, планируется повышение эффективности таможенного контроля и достоверности декларирования товаров и ТС.

Другой страной, которая также подписала Соглашение об информационном обмене стала Социалистическая Республика Вьетнам, на основании Решения Высшего Евразийского экономического совета от 8 мая 2015 г. № 14 подписано Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами — членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны, от 29 мая 2015 года [4, с. 7].

Реализация обмена информацией на регулярной основе способствует идентификации перемещаемых товаров, уско-

рению и повышению эффективности таможенного контроля, в том числе с применением системы управления рисками, предотвращению нарушений норм законодательства. При обмене информацией обеспечена унификация требований, структур, форматов и условий реализации на основе использования Интегрированной информационной системы Союза.

Переходя к основным проблемам, хочется выделить наиболее важную — это то, что источники правового регулирования таможенного администрирования имеют разноотраслевую принадлежность, так как детерминированы совокупностью норм конституционного, административного, финансового, гражданского и других отраслей права. Еще одной проблемой является дублирование функций административно-правового характера, а также тот факт, что исполнение контрольных, надзорных и квазисудебных функций требует высокого уровня внутриведомственной координации [6, с. 865].

Данный вопрос требует оперативного решения и именно поэтому необходимо совершенствование административной юрисдикционной деятельности с помощью законодательных норм.

Обобщая все вышесказанное, следует отметить, что административная юрисдикция таможенных органов — это многогранная сфера деятельности, которая направлена на обеспечение соблюдения таможенного законодательства физическими и юридическими лицами при перемещении товаров и транспортных средств через таможенную границу.

В заключении важно отметить, что правовые основы сотрудничества таможенных органов в отношении взаимной административной помощи таможенных органов в ЕАЭС представлены широким спектром нормативно — правовых актов, которые включают в себя и международные договоры, и договоры стран — участниц ЕАЭС и нормы из национального законодательства [5, с. 77]. Взаимная административная помощь включает обмен информацией, которая способствует обеспечению соблюдения национального таможенного законодательства и законодательства ЕАЭС. В рамках взаимной административной помощи таможенных органов ЕАЭС таможенные органы государств — членов ЕАЭС проводят отдельные формы таможенного контроля по поручению другого таможенного органа государства — членов ЕАЭС, а также взаимно признают решения, принятые таможенными органами.

Литература:

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (Приложение No 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс]: Консультант Плюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/, свободный.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N195-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.01.2021) [Электронный ресурс]: Консультант Плюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/, свободный.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) [Электронный ресурс]: Консультант Плюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/, свободный.
4. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 8 мая 2015 г. № 14 «О Соглашении о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой» [Электронный ресурс]: Алта Софт. Режим доступа: <https://www.alt.ru/tamdoc/15vr0014/>, свободный.

5. Боброва О. Г. Административно-правовое регулирование оказания взаимной административной помощи таможенными органами государств-членов Таможенного союза: дис...к. ю. н. — М., 2011. — Режим доступа: <https://www.disscat.com/content/administrativno-pravovoe-regulirovanie-okazaniya-vzaimnoi-administrativnoi-pomoshchi-tamozhe>.
6. Курғалимова, А. Ю. Проблемы административной юрисдикции таможенных органов на современном этапе / А. Ю. Курғалимова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2015. — № 9 (89). — С. 860–862. — URL: <https://moluch.ru/archive/89/17909/> (дата обращения: 18.01.2021).
7. Ноздрачев, А. Ф. Правовые формы деятельности и взаимодействия таможенных органов с другими государственными органами и таможенными службами зарубежных стран / А. Ф. Ноздрачев // Законодательство и экономика. — 2018. — № 8. — С. 20–35.

Правовая природа муниципальных нормативных правовых актов

Ковров Артем Андреевич, студент магистратуры

Кировский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В настоящей статье рассматривается правовая природа муниципальных нормативных правовых актов, раскрываются понятие и признаки муниципальных нормативных правовых актов. В статье делается акцент на том, что муниципальные нормативные правовые акты обладают всеми свойствами правовых актов, но в то же время представляют собой их особую разновидность, заключающуюся в различиях в: содержании вопросов, разрешаемых государством и местным самоуправлением; процедуре принятия решения. Указывается, что ни в одном федеральном законе не дано определение понятия «муниципальный нормативный правовой акт», что является пробелом действующего законодательства. Поэтому существует необходимость в легальном определении понятия «муниципальный нормативный правовой акт», которое необходимо закрепить на федеральном уровне.

Ключевые слова: муниципальный нормативный правовой акт, органы местного самоуправления, понятие и признаки муниципального нормативного правового акта.

Одним из проявлений децентрализации власти в России является разделение полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления. Органы местного самоуправления наделены правом издавать в пределах своих полномочий нормативные правовые акты. Правотворческая деятельность органов и должностных лиц местного самоуправления является составной частью правотворчества в целом и основана на общих принципах и единой политике государства.

Данный вид правотворчества представляет собой «деятельность органов местного самоуправления и населения муниципального образования по разработке и принятию муниципальных правовых актов, регулирующих правовые отношения в сфере местного самоуправления, отвечающих потребностям развития муниципального образования, учитывающих общественные интересы» [7, с. 9]. Муниципальные правовые акты выступают первичным уровнем нормативного правового регулирования на территории муниципального образования. Таким образом, муниципальное правотворчество является одним из важнейших направлений деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления. Создавая правовые акты, данные субъекты упорядочивают отношения в сфере организации местного самоуправления в конкретном муниципальном образовании, определяют порядок осуществления местного самоуправления.

В теории права существуют доктринальные определения нормативного правового акта, которые по аналогии можно применять в сфере местного самоуправления. Так, например, В. С. Нерсесянц определяет нормативный правовой акт как

«письменный правоустановительный акт государства, содержащий новые нормы действующего права» [8, с. 402]. В свою очередь, М. Н. Марченко под нормативными правовыми актами понимает «выраженные в письменной форме решения компетентных государственных органов, в которых содержатся нормы права» [10, с. 118].

Общим в приведенных определениях является указание на содержание нормы права — правила поведения общего характера и принятие органом государственной власти. Значит, особенностью муниципального нормативного правового акта будет выступать содержание в нем общих правил поведения, распространяемых на всю территорию муниципального образования, а также особый порядок принятия.

Законодательное определение «нормативного правового акта» на сегодняшний день отсутствует, однако ориентиром в данном вопросе может выступать Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которое определило признаки «нормативного правового акта»: издание в установленном порядке уполномоченным органом; содержание правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование, изменение или прекращение правоотношений [11].

Однако использовать это Постановление применительно к муниципальным нормативным правовым актам следует с осторожностью, так как здесь не указывается сфера применения.

В разных федеральных законах применяются отличные по формулировке термины, которые являются тождествен-

ными. Так, например, в одних федеральных законах употребляется термин «муниципальный нормативный правовой акт» [4], в других — «нормативный правовой акт муниципального образования» [6]. Также встречаются федеральные законы, в которых употребляется сразу два термина: «муниципальный нормативный правовой акт» и «нормативный правовой акт органов местного самоуправления» [2]; «нормативные правовые акты органов местного самоуправления» и «нормативные правовые акты муниципального образования» [5]; «нормативный правовой акт муниципального образования» и «муниципальный нормативный правовой акт» [3].

Пробелом действующего законодательства является то, что ни в одном федеральном законе не дано определение данным терминам.

Определение понятия «муниципальный правовой акт» закреплено в ст. 2 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1]. Однако, данное определение нельзя признать правильным, поскольку в нем законодатель «употребил термин» «решение» в значении слова «волеизъявление» [9, с. 192]. Помимо этого понятие «муниципальный правовой акт» несколько шире понятия «муниципального нормативного правового акта», поскольку в систему муниципальных правовых актов входят как нормативные, так и иные правовые акты представительного органа муниципального образования.

В настоящее время возникла необходимость в легальном определении понятия «муниципальный нормативный правовой акт», которое необходимо закрепить на федеральном уровне. В этой связи можно предложить закрепить определения понятия «муниципальный нормативный правовой акт» в п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и сформулировать его следующим образом: «муниципальный нормативный правовой акт — это документально оформленный, обязательный для исполнения на территории муниципального образования, изданный в установленном порядке акт уполномоченного на то органа местного самоуправления или должностного лица местного самоуправления, устанавливающий правовые нормы, обязательные для неопределен-

ного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение и направленные на урегулирование общественных отношений либо изменение или прекращение существующих правоотношений, направленных на решение вопросов местного значения или вопросов осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации».

Исходя из указанного определения, можно выделить основные признаки «муниципального нормативного правового акта», определяющие его правовую природу:

- 1) особый порядок принятия и опубликования — принимается уполномоченным на то органом местного самоуправления или должностным лицом местного самоуправления;
- 2) особый предмет правового регулирования — вопросы местного значения; отдельные государственные полномочия, переданные органами государственной власти на основании закона;
- 3) не должен противоречить Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, федеральным законам и иным нормативным правовым актам Российской Федерации, а также конституциям (уставам), законам, иным нормативным правовым актам субъектов Российской Федерации;
- 4) содержит нормы права, направленные на установление, изменение или отмену общественного правоотношения;
- 5) содержит правило поведения (правовую норму), которое распространяется на всю территорию муниципального образования;
- 6) обязателен для неопределенного круга лиц в границах муниципального образования;
- 7) рассчитан на неоднократное применение;
- 8) документально оформлен.

Таким образом, правовая природа муниципальных нормативных правовых актов состоит в том, что они обладают всеми свойствами правовых актов, но в то же время представляют собой их особую разновидность, заключающуюся в различиях в: содержании вопросов, разрешаемых государством и местным самоуправлением; процедуре принятия решения.

Литература:

1. Федеральный закон от 06.10.2003 N131-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 06.10.2003. — N40. — ст. 3822.
2. Федеральный закон от 06.10.1999 N184-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 18.10.1999. — N42. — ст. 5005.
3. Федеральный закон от 31.03.1999 N69-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О газоснабжении в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 05.04.1999. — N14. — ст. 1667.
4. Федеральный закон от 24.06.1998 N89-ФЗ (ред. от 07.04.2020) «Об отходах производства и потребления» // Российская газета. — 30.06.1998. — № 121.
5. Федеральный закон от 26.11.1996 N138-ФЗ (ред. от 04.06.2014) «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 02.12.1996. — N49. — ст. 5497.
6. Федеральный закон от 17.06.1996 N74-ФЗ (ред. от 04.11.2014) «О национально-культурной автономии» // Собрание законодательства Российской Федерации — 17.06.1996. — N25. — ст. 2965.

7. Атагимова, Э.И. Проблемы определения нормативности муниципальных правовых актов, подлежащих включению в федеральный регистр муниципальных нормативных правовых актов (с учетом судебной практики) / Э.И. Атагимова, И.А. Борисова, Т.Н. Макаренко, Е.Н. Сарапкина // Мониторинг правоприменения. — 2020. — № 1 (34). — С. 8–15.
8. Нерсисянц, В.С. Общая теория права и государства / В.С. Нерсисянц. — М.: ОМЕГА-Л, 2015. — 621 с.
9. Саганов, П.Н. К вопросу о юридической природе муниципальных правовых актов / П.Н. Саганов // Актуальные проблемы права, экономики и управления. — 2016. — Вып. XII. — С. 191–193.
10. Теория государства и права: Учебник / Под ред. М.Н. Марченко. — М.: Проспект, 2017. — 553 с.
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 N50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2019. — № 2.

Защита прав клиента в сфере электронных денежных средств в судебном порядке в связи с несанкционированным доступом к электронному средству платежа: текущее положение, тенденции

Корягин Александр Александрович, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (г. Москва)

В статье автором рассматривается судебная практика по делам, связанным с взысканием денежных средств в связи с несанкционированным доступом к электронному средству платежа, также автором на основании судебной практики выводится способ защиты нарушенных прав пользователя электронных денежных средств в связи с несанкционированным доступом к электронному средству платежа.

Ключевые слова: Московский городской суд, Санкт-Петербургский городской суд, судебная практика, электронное средство платежа, электронный кошелек, возмещение ущерба, клиент.

Для реализации права на юрисдикционную защиту (причем не только клиенту, но и не в последнюю очередь, оператору электронных денежных средств (далее — «ЭДС»), законодатель предусмотрел обязанность направления клиенту подтверждения о выполнении указанного распоряжения (часть 13 статьи 7 Федерального закона от 27.06.2011 года N161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее — «ФЗ» О НПС)). Однако, конкретный способ подтверждения в законе не установлен, поэтому, самые распространенные из них — это подтверждение в виде электронного письма (в виде квитанции о совершении платежа либо в виде текстово-реквизитного описания совершенного платежа), либо SMS-сообщение (а почти каждый электронный кошелек привязан к номеру мобильного телефона), либо push-уведомление в приложении электронного кошелька (как правило, сопровождается электронным письмом на электронную почту клиента). Соответственно, обязанность о подтверждении считается надлежаще исполненной при совершении хотя бы одного из вышеуказанных действий.

Вышеуказанное находит подтверждение и в судебной практике (см., например, апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 16 марта 2020 г. N33-4716/2020, апелляционное определение Московского городского суда от 18 декабря 2018 г. по делу N33-41226/18, апелляционное определение Московского городского суда от 30 мая 2017 г. по делу N33-18470/2017, апелляционное определение Московского областного суда от 21 декабря 2015 г. по делу N33-31362/2015).

Однако, на практике осуществление защиты не является одинаково простым для каждой из сторон. Так, в соответствии с частью 15 статьи 7 ФЗ «О НПС» установлена безотзывность и окончательность перевода электронных денежных средств. Эти важные свойства имеют фактическую реализацию, по своей сути, только если использование электронных средств платежа осуществляется в автономном режиме, так как в обычном режиме операции, указанные в части 10 статьи 7 ФЗ «О НПС», осуществляются мало того, что одновременно, так еще и почти моментально.

И к этому моменту действительно опытные взломщики уже имеют доступ к платежной информации клиента посредством использования различных технологических приемов, таких, как фишинг с помощью поддельных сайтов различных организаций (в т.ч. кредитных); внедрение вирусов-троянов для «клавиатурного» шпионажа или для получения хранящихся данных на электронном устройстве; перехват SMS-сообщений, push-уведомлений или электронного письма, которые будут заведомо изменены с целью перенаправления платежа уже непосредственно взломщику [12].

Суды обычно ссылаются на то, что «кредитные организации не несут ответственности за последствия компрометации идентификатора пользователя, постоянного и одноразовых паролей клиента, а также за убытки, понесенные клиентом в связи с неправомерными действиями третьих лиц, в случаях необоснованного или ошибочного перечисления клиентом средств получателям через Интернет. Ответственность кредитных организаций за совершение третьими лицами операций с ис-

пользованием идентификатора пользователя клиента не предусмотрена ни договором, ни нормами действующего законодательства. Противоправные действия третьих лиц, являются основанием для наступления уголовной ответственности, гражданско-правовой ответственности по обязательствам вследствие причинения вреда либо неосновательного обогащения, но не гражданско-правовой ответственности кредитной организации, то есть, судебной практикой установлена презумпция принадлежности идентификатора клиенту» (апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 22 февраля 2018 г. N33–3187/2018). Аналогичная позиция содержится и в апелляционном определении Санкт-Петербургского городского суда от 5 декабря 2017 г. N33–23587/2017.

А обязанность информирования клиентов до совершения операции ФЗ «О НПС» не предусмотрена. Операторы ЭДС не включают в договоры с клиентами положения об обязанности информировать клиентов о совершении каких-либо действий по выполнению операции до момента ее совершения. Данное утверждение подтверждается как уже довольно возрастной судебной практикой, например, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 21 декабря 2015 г. по делу N A40–178638/2014, постановлении Арбитражного суда Московского округа от 29 сентября 2015 г. по делу N A40–178644/2014, так и новейшей судебной практикой, например, в апелляционном определении Московского городского суда от 10 марта 2020 г. по делу N33–8377\20, апелляционном определении Московского городского суда от 20 декабря 2019 г. по делу N33–57036/19.

Таким образом, в случае несанкционированного доступа к электронному средству платежа клиента, последнему будет почти невозможно доказать этот факт.

Судебной практикой сформировано, по сути, два возможных подхода к возможности защитить нарушенные права несанкционированным доступом к электронному средству платежа. Суть заключается в следующем. Пострадавшему от несанкционированного доступа к приложению необходимо обратиться с заявлением в органы внутренних дел по подследственности (статья 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ), затем, в случае возбуждения уголовного дела по результатам проверки заявления, возможна следующая развилка:

1. Либо происходит подача гражданского иска о возмещении ущерба после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции.

2. Либо возможна подача искового заявления о возмещении ущерба после вынесения обвинительного приговора суда. В таком случае доказывать несанкционированность доступа к электронному средству платежа клиента не придется, поскольку приговор суда будет являться преюдицией в силу части 4 статьи 61 Гражданского процессуального кодекса РФ.

– Однако необходимо понимать, что преступления в сфере компьютерной информации (глава 28 Уголовного кодекса РФ), равно как и преступление, предусмотренное статьей 159.6 Уголовного кодекса РФ, является трудоемким в плане проведения предварительного расследования. Оно может растянуться на срок вплоть до года, а если эпизодов за одним лицом (группой лиц) окажется достаточно много, то может затянуться и на более долгие сроки.

– Поэтому возмещать причиненные убытки возможно придется в течение очень длительного времени, на что согласиться пойти далеко не каждый пострадавший клиент.

– Каких-либо тенденций к изменению подхода в судебной практике также не наблюдается. Действующая редакция от 22 декабря 2020 года ФЗ «О НПС», вступившая в силу с 01 января 2021 года, не привнесла никаких нововведений в положения о защите платежей, информировании клиентов о совершении операций.

– Поэтому, единственным возможным путем к изменению сложившейся неблагоприятной тенденции для защиты интересов клиентов в связи с несанкционированным доступом к их электронным средствам платежа, на мой взгляд, является предъявление более жесточенных требований к поставщикам платежных приложений и самим платежным приложениям, а также к сервисам Интернет-банкинга в техническом плане по обеспечению авторизации именно надлежащего пользователя (т.е., клиента). И эти более жесточенные требования должны быть закреплены в ФЗ «О НПС», а также необходимо соответствующее регулирование со стороны Центрального банка РФ в Положении ЦБ РФ.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.06.2011 N161-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «О национальной платежной системе» // «Российская газета». — N139. — 30.06.2011.
2. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 16 марта 2020 г. N33–4716/2020 // Банк судебных решений СПС «Консультант Плюс». — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2020).
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 10 марта 2020 г. по делу N33–8377\20 // Банк судебных решений СПС «Консультант Плюс». — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2020).
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 20 декабря 2019 г. по делу N33–57036/19 // Банк судебных решений СПС «Консультант Плюс». — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2020).
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 18 декабря 2018 г. по делу N33–41226/18 // Банк судебных решений СПС «Консультант Плюс». — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2020).
6. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 22 февраля 2018 г. N33–3187/2018 // Банк судебных решений СПС «Консультант Плюс». — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2020).

7. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 5 декабря 2017 г. N33–23587/2017 // Банк судебных решений СПС «Консультант Плюс». — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2020).
8. Апелляционное определение Московского городского суда от 30 мая 2017 г. по делу N33–18470/2017 // Банк судебных решений СПС «Консультант Плюс». — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2020).
9. Апелляционное определение Московского областного суда от 21 декабря 2015 г. по делу N33–31362/2015 // Банк судебных решений СПС «Консультант Плюс». — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2020).
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 декабря 2015 г. по делу N A40–178638/2014 // Банк судебных решений СПС «Консультант Плюс». — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2020).
11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 сентября 2015 г. по делу N A40–178644/2014 // Банк судебных решений СПС «Консультант Плюс». — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2020).
12. Как защитить свои деньги от онлайн-мошенников [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/blog/secure-online-finance-eight-tips/10211/> (дата обращения: 25.12.2020).

История становления российского законодательства в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ

Кочетков Александр Дмитриевич, студент магистратуры

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматривается история становления современного антинаркотического законодательства. Автором выделяется четыре этапа реформирования: до XVIII века, имперский период, советский период, современный период.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, реформирование законодательства, оборот наркотиков, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ.

И зучая современное российское законодательство в области регулирования оборота наркотических средств и психотропных веществ, не возникает вопросов, связанных с выявлением существенных пробелов в данной сфере.

Согласно пп. 18 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 04 мая 2011 года № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (ред. от 31.07.2020), для осуществления деятельности на территории РФ, которая непосредственно связана с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивированием наркосодержащих растений, необходимо получение соответствующей лицензии.

Действующим уголовным законодательством устанавливается ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, причем количество составов преступлений в главе 25 УК РФ является весьма внушительным. Диспозиции таких составов преступлений зачастую носят бланкетный характер, отсылая к иным нормативным правовым актам.

В частности, большинство дефиниций в исследуемой сфере, общие положения и правила оборота наркотических средств и психотропных веществ на территории РФ, условия противодействия незаконным действиям с такими веществами и средствами отражены в нормах Федерального закона от 08 января

1998 года № 3-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2020 года) «О наркотических средствах и психотропных веществах». Рядом подзаконных нормативных правовых актов урегулированы более узкие аспекты: к примеру, Постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 года № 681) утвержден конкретный перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации; значительный, крупный и особо крупный размеры наркотических средств и психотропных веществ, растений, их содержащих, что имеет существенное значения для квалификации совершенных уголовно наказуемых деяний, утверждены Постановлением Правительства РФ от 01 октября 2012 года № 1002.

Также за правонарушения в области оборота наркотических средств и психотропных веществ с меньшей степенью общественной опасности в Российской Федерации установлена административная ответственность (статьи: 6.8, 6.9, 6.9.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях).

О важности в Российской Федерации антинаркотической политики свидетельствует утверждение Указом Президента РФ от 23 ноября 2020 года № 733 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года.

Более того, с целью разъяснения вопросов, связанных с квалификацией преступлений в области оборота наркотических средств и психотропных веществ, издано Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (ред. от 16.05.2017).

Вместе с тем, формированию всестороннего законодательства всегда предшествует осознание важности и необходимости правового регулирования вопросов в определенной сфере, заимствование успешного опыта иностранных государства и кропотливая работа законодателей по разработке соответствующих правовых документов. В рамках настоящего небольшого исследования постараемся проследить путь становления современного российского антинаркотического законодательства.

Появление наркотических средств, установление целей их использования связано с древними временами. Существуют доказательства, что еще в Древней Греции в качестве болеутоляющего средства использовался опиум. Впоследствии данную традицию переняли и в других странах, в том числе стали использоваться иные вещества, что нередко приводило к возникновению наркотической зависимости у людей [3, с. 143]. Именно данный фактор привел к началу процесса принятия законодательных предписаний, ограничивающих оборот таких средств и веществ.

В исторической литературе формирование антинаркотического законодательства на территории России принято разделять на несколько этапов:

- до 18 века;
- имперский период;
- советский период;
- современный период после распада Советского союза [2, с. 834].

Начальный период связан с развитием и распространением религии. При проведении отдельных языческих обрядов, а впоследствии и христианских, иногда требовалось применение веществ, которые приводили к возникновению галлюцинаций и эйфории. Такие вещества именовались «зельем». Уже в древнейшем славянском памятнике, в сборнике правовых норм — в Русской правде содержались запреты на проведение лечения без воли больного и осуществление обрядов с использованием «зелья». Отступление от данных предписаний приводило к применению по отношению к нарушителям различных мер наказания вплоть до смертной казни [16, с. 22]. Подобные запреты были и в иных источниках права, принятых позднее. К примеру, Стоглав 1551 года установил ответственность за использование одурманивающих и психотропных веществ в волховании, бесовании и чародейнии (гл. 93) [10].

В 22 главе Соборного уложения 1649 года, принятом в годы правления царя Алексея Михайловича, понятие «зелье» используется в меньшей степени, законодатель отдал предпочтение термину «отрава» [11]. «Отрава» содержится и в более поздних источниках, например, в Артикуле Воинском 1715 года (артикул № 162) [1]. Большая разница между современным уголовным законодательством и древнерусским проявляется в том факте, что «отрава», «зелье» рассматривались не как предмет

преступления, а лишь способ или вспомогательное средство для совершения иных преступных деяний.

Императрица Екатерина II была заинтересована во внутренней стороне вопроса: она направила усилия на изучение влияния наркотических средств на организм человека. И как следствие в 1784 году ею был принят Указ «О порядке изучения препаратов, которые признавались лекарственными» [15, с. 50].

19-е столетие можно охарактеризовать как период ужесточения законодательства в исследуемой сфере. Данной утверждение можно подтвердить следующими фактами:

- установлением строгого контроля за оборотом опиума; принятие в 1813 году правил «О порядке продажи ядовитых вещей и аптекарских материалов»;
- использованием деления лекарственных препаратов на ядовитые и сильнодействующие на законодательном уровне;
- ужесточением уголовного законодательства того периода: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1845 г. содержало в себе правовые нормы, связанные с нарушением порядка оборота лекарственных средств и препаратов и иных сильнодействующих веществ (Раздел 8, глава 1, отделение 6) [13];
- установлением уголовной ответственности в 1857 году за нарушение правил оборота лекарственных средств и закреплением соответствующих норм в Уложении и т.д. [14, с. 118].

Дальнейшим совершенствованием законодательства занимался император Николай II, отчасти это было связано с тем фактом, что международное сообщество осознало необходимость разрешения вопросов, связанных с оборотом наркотических средств, на глобальном уровне.

В 1880-е года, а затем в 1909 году были проведены международные конференции с участием десятка стран с целью принятия мер по разрешению проблем в сфере оборота наркотиков. В 1909 году были приняты девять резолюций, где содержались указания странам, участвовавшим в конференции, на необходимость экстренного принятия мер по регулированию на национальном уровне вопросов оборота морфина и опиума. В 1912 году уже был принят международный правовой акт, ограничивающий производство и последующее распространение опиума в немедицинских целях [8, с. 273–274]. На национальном уровне в 1915 году принимается закон «О борьбе с опиокурением» [4].

Перейдем к исследованию советского периода (начнем рассмотрения с падения монархии, а не с образования Советского союза). В 1918 году Советом народных комиссаров было издано предписание «О борьбе со спекуляцией кокаином» [5, с. 6].

В 1922 году ВЦИК совместно СНК принимает решение об установлении административных наказаний: штраф и принудительные работы за нарушение правил оборота опиума. Более того, в этом же году законодателем был введен новый термин «притон». В 1924 году советской властью принято решение об установлении уголовной ответственности за распространение наркотиков (Декрет ВЦИК и СНК СССР от 22 декабря 1924 года [6]).

Ч. 1 ст. 104 УК РСФСР 1926 года (в ред. Постановления ВЦИК, СНК РСФСР от 20 мая 1930 года) предусматривалось назначение принудительных работ и лишения свободы на срок до 1 года с конфискацией имущества за изготовление, хранение

в целях дальнейшего сбыта опия, кокаина, эфира, морфия и других одурманивающих веществ. Понятие «наркотик» до сих пор не используется. За совершение квалифицированного состава данного преступления законодателем было предусмотрено назначение наказания в виде лишения свободы на срок до трех лет с конфискацией всего имущества за аналогичные действия, осуществляемые в виде промысла, либо за содержание притонов, в которых происходит сбыт или потребление одурманивающих веществ. Несмотря на закрепление данных норм в Уголовном кодексе, санкции данных составов по современным меркам свидетельствуют об относимости данных преступлений к категории небольшой тяжести [9].

В 1928 году ЦИК и СНК СССР принимает постановление «О мерах регулирования торговли наркотическими веществами», которым устанавливается порядок изготовления специализированными организациями различных лекарственных препаратов, содержащих наркотические средства, и их последующее распространение среди аптек, по сути данным актом продекларирована государственная монополия в данной сфере [8, с. 275].

Дальнейшее существенное реформирование законодательство было осуществлено в послевоенный период. Особого внимания заслуживает УК РСФСР 1960 года, утвержденный Верховным Советом РСФСР 27 октября, который действовал до принятия современного кодекса [12]. В данном акте законодатель отдает предпочтение термину «наркотические средства», а также им сделан уклон на расширение количества преступлений в данной области:

- контрабанда (статья 78);
- вовлечение несовершеннолетних в немедицинское потребление лекарственных и других средств, влекущих одурманивание (с 1987 года статья 210.2);
- незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка или сбыт наркотических средств;
- хищение наркотических средств (с 1974 года статья 224.1);
- склонение к потреблению наркотических средств (с 1974 года статья 224.2);
- незаконные приобретение или хранение наркотических средств в небольших размерах (с 1987 года статья 224.3);

Литература:

1. Артикул воинский от 26 апреля 1715 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 13.02.2021).
2. Беляева М. Г., Егорова С. А., Сладкова А. В. История развития уголовно-правовых норм отечественного законодательства об ответственности за незаконное приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // *Международный научный журнал «Синергия наук»*. № 28. 2018. С. 834–840.
3. Васильева М. К. Исторические предпосылки становления международных правовых основ по борьбе с оборотом наркотических средств и психотропных веществ // *Преступность в России: проблемы реализации закона и правоприменения. Сборник научных трудов*, под ред. В. А. Авдеева. Иркутск. 2015. С. 142–156.
4. Высочайшее утвержденные Положения Совета Министров: статья 1291. [Электронный ресурс] URL: <https://diletant.media/articles/36621700/> (дата обращения: 13.02.2021).
5. Данилов В. В. История и нормативно-правовое регулирование оборота наркотических средств и наркопреступности в СССР и в России в XX веке // *Мир науки и образования*. № 3. 2015. С. 5–8.
6. Декрет ВЦИК и СНК СССР от 22.12.1924 «О дополнении Уголовного кодекса статьей 140-д» // *Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик*. [Электронный ресурс] URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2287.htm (дата обращения: 01.02.2021).

– организация или содержание притонов для потребления наркотических средств (с 1974 года статья 226.1).

Данный кодекс и вносимые в него изменения наглядно свидетельствуют о значительном внимании со стороны законодателя к проблеме распространения наркотиков, потребления их населением и необходимости установления тотального контроля за их оборотом.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 октября 1978 года № 8282-IX была ратифицирована Конвенция о психотропных веществах от 21 февраля 1971 года. Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 24 декабря 1987 года № 12 судам были разъяснены особенности применения правовых норм, которыми закреплена ответственность за незаконные действия с наркотическими средствами, сильнодействующими и ядовитыми веществами. С 1990 года для СССР (Постановление ВС СССР от 09 октября 1990 года № 1711-1 «О ратификации Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ»), а впоследствии и для РФ стали обязательны нормы Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, а с 3 июля 1996 года Российская Федерация стала являться Стороной Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года. В этом же году был принят новый Уголовный кодекс, отменивший действие УК РСФСР 1960 года.

Таким образом, российское законодательство в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ формировалось на протяжении многих столетий. Несмотря на тот факт, что современными правовыми нормами урегулированы все стороны, связанные с их оборотом, реформирование законодательства в данной сфере до сих пор не окончено. Данный факт связан с тем, что постоянно появляются аспекты, требующие дополнительного регулирования, в частности выявляются новые наркотические средства и психотропные вещества, что как следствие приводит к внесению дополнений и изменений в Перечень, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 года № 681, и в иные правовые акты.

7. Додонов В. Н., Капинус О. С., Щерба С. П. Сравнительное уголовное право. Особенная часть: Монография / Под общ. и науч. ред. С. П. Щерба. М.: Юрлитинформ, 2010. — 543 с.
8. Петров М. В., Бушуев И. В. Историко-правовые аспекты развития международного и отечественного законодательства в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Т. 1. № 3 (96). 2020. С. 271–280.
9. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р. С. Ф. С. Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р. С. Ф. С. Р.») (документ утратил силу) // СУ РСФСР. 1926. № 80. ст. 600.
10. Постановления Стоглавого собора 1551 года. [Электронный ресурс] URL: http://www.monasterium.by/ustavy_i_dokumenty/dokumenty/postanovleniya-stoglavogo-sobora-1551-goda/ (дата обращения: 12.02.2021).
11. Соборное Уложение 1649 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649/whole.htm#22> (дата обращения: 12.02.2021).
12. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) (документ утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. ст. 591.
13. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. [Электронный ресурс] URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnyh_1885_goda.pdf (дата обращения: 13.02.2021).
14. Хохлов Е. Е. Уголовное законодательство Нового времени в сфере противодействия незаконному производству синтетических наркотических средств и психотропных веществ // Закон и право. № 4. 2020. С. 115–120.
15. Шалагин А. Е. Незаконный оборот наркотиков — угроза национальной безопасности: Монография. М.: Юрлитинформ, 2015. — 242 с.
16. Шматов К. А. Уголовная ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: дисс. ... канд. юр. наук. Красноярск, 2007. — 200 с.

Проблемы государственно-правового регулирования предпринимательской деятельности

Литвинова Светлана Фёдоровна, кандидат юридических наук, доцент;

Луферова Ольга Андреевна, студент

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

В данной работе рассматриваются проблемные аспекты нормативно-правового регулирования субъектов предпринимательской деятельности. Анализируется актуальный вопрос волеизъявления юридического лица и субъектов, его осуществляющих. В ходе исследования представлен краткий исторический экскурс теории формирования понятия юридического лица и возникших в связи с этим концептуальных правовых подходов к его восприятию гражданским правом. Вносятся предложения относительно изменения правосубъектного статуса юридического лица в гражданском праве.

Ключевые слова: правовое регулирование, юридическое лицо, волеизъявление, предпринимательская деятельность.

This paper discusses the problematic aspects of the legal regulation of business entities. Analyzed the actual question of the will of the legal entity and the entities carrying it out. The study presents a brief historical overview of the theory of the formation of the concept of a legal entity and the resulting conceptual legal approaches to its perception by civil law. Proposals are made to change the legal status of a legal entity in civil law.

Keywords: legal regulation, legal entity, will, entrepreneurial activity.

Нормативно-правовое регулирование предпринимательской деятельности осуществляется совокупностью федеральных законов и подзаконных правовых актов. Само определение предпринимательской деятельности содержится в нормах Гражданского Кодекса РФ [2], что подчеркивает его гражданско-правовую природу и относимость к нормам делового и гражданского оборота. Так, согласно ч. 1 ст. 2 ГК РФ предпринимательской деятельностью является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Таким образом, предпринимательская деятельность связана с извлечением прибыли любыми спосо-

бами, не запрещенными законом. При этом виды, формы и способы предпринимательской деятельности, а также средства, используемые для ее осуществления, могут избираться совершенно любые, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 34 Конституции РФ [1] каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Принципы свободного использования являются исключительно гражданско-правовыми принципами свободного волеизъявления и автономии воли. К ним же можно отнести также и свободу договора, которая определяет содержание, регулирование и правовое толкование гражданско-правового договора.

Это указывает на гражданскую природу предпринимательской деятельности.

Согласно ч. 1 ст. 23 ГК РФ гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, за исключением случаев, предусмотренных абзацем вторым настоящего пункта.

В отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Это указывает на появление административно-правового фактора в предпринимательской деятельности как государственно-правового регулирующего фактора. Одной из специально предусмотренных форм участия граждан в предпринимательской деятельности является создание юридического лица — специального субъекта гражданского и административного, а также налогового права, которое создается специально для ведения предпринимательской деятельности и связано, в основном, только с ней.

Юридическое лицо в качестве отдельного субъекта гражданского права определяется как определенное юридическое образование, которое подлежит государственной регистрации и признается существующим с момента такой регистрации. Юридическое лицо определяется по имущественной обособленности и гражданской правосубъектности, то есть, по способности участвовать в гражданско-правовых сделках, приобретать и отчуждать гражданские права и обязанности.

Юридическое лицо может определяться по наличию у него исполнительных и распорядительных органов, в качестве которых могут выступать как физические лица, так и группы физических лиц. Одним из определяющих и характеризующих юридическое лицо признаков является то, что юридическое лицо не отвечает по обязательствам своих членов (учредителей), а учредители не отвечают по обязательствам юридического лица. Данный момент является решающим в отграничении юридического лица от физического лица или группы физических лиц, и это позволяет признать за юридическим лицом правовую и имущественную индивидуальность и правоспособность.

Юридические лица классифицируются в зависимости от целей и задач, для которых они были созданы. Гражданское право выделяет коммерческие и некоммерческие юридические лица, которые созданы соответственно для ведения предпринимательской и коммерческой, а также общественной деятельности, не связанной с предпринимательством. Это указывает, что юридические лица могут создаваться для ведения предпринимательской деятельности и являются специальным субъектом права, направленным на осуществление экономической деятельности. В связи с этим изучение вопроса о гражданской правоспособности приобретает особенно важное значение.

Еще одним характеризующим признаком является то, что юридическое лицо может выступать самостоятельным истцом и ответчиком в суде, то есть, оно является деликтоспособным и может обладать всеми необходимыми процессуальными правами и обязанностями в суде по гражданскому делу.

Особенный интерес для исследования приобретает вопрос волеизъявления юридического лица на совершение той или иной сделки, совершение того или иного юридического действия. Множество исследователей гражданского права исследовали данный вопрос и приходили к различным мнениям. Представляется, что вопрос автономии воли юридического лица не может существовать отдельно от автономии воли физических лиц, создавших данное юридическое лицо. Между тем, воля в сделке является определяющим и решающим фактором, влияющим на действительность и заключенность сделки. Поскольку волеизъявление в сделке с юридическим лицом зависит от воли учредителей и иных исполнительных органов юридического лица, действительность и правомерность сделки будет зависеть от правомерности действий физических лиц, образовавших юридическое лицо.

Специальные организационные действия, которые могут быть совершены с юридическими лицами, еще более подчеркивают их особый статус и специальную правоспособность. Реорганизация юридического лица в виде слияний, поглощений, присоединений, а также способы прекращения статуса юридического лица в виде ликвидации практически не имеют аналогий с какими-либо гражданскими актами физических лиц.

Поскольку юридические лица как субъекты гражданского права могут создаваться и в некоммерческих целях, деятельность юридических лиц регулируется также и ст. 30 Конституции РФ — гарантируется свобода деятельности общественных объединений.

Одним из основных федеральных законов, регулирующих корпоративную деятельность юридических лиц, является Федеральный закон № 208 «Об акционерных обществах» [5]. Сфера деятельности данного закона распространяется на акционерные общества как один из видов юридических лиц коммерческого характера. Согласно ч. 1 ст. 2 ФЗ № 208 акционерным обществом признается коммерческая организация, уставный капитал которой разделен на определенное число акций, удостоверяющих обязательственные права участников общества (акционеров) по отношению к обществу.

Акционеры не отвечают по обязательствам общества и несут риск убытков, связанных с его деятельностью, в пределах стоимости принадлежащих им акций. Общество является юридическим лицом и имеет в собственности обособленное имущество, учитываемое на его самостоятельном балансе, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Анализ гражданского законодательства показывает, что аналогичные определения акционерного общества встроены в нормы ст. 96 ГК РФ.

Другим нормативно-правовым актом, регулирующим корпоративное право, является Федеральный закон № 14 «Об обществах с ограниченной ответственностью» [6], который совместно с ГК РФ определяет правовое положение общества с ограниченной ответственностью, права и обязанности его участников, порядок создания, реорганизации и ликвидации общества.

Согласно ч. 1 ст. 2 ФЗ № 14 обществом с ограниченной ответственностью (далее — общество) признается созданное одним

или несколькими лицами хозяйственное общество, уставный капитал которого разделен на доли; участники общества не отвечают по его обязательствам и несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, в пределах стоимости принадлежащих им долей в уставном капитале общества. При этом общество несет ответственность по всем своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом. Данные нормы полностью дублируют ст. 87 ГК РФ.

Между тем, несмотря на обилие законодательства, регулирующего деятельность юридического лица, само оно остается весьма абстрактной категорией права. Все дело в его специфической нематериальной природе, благодаря которой физического воплощения юридического лица не имеется, и можно заключить, что юридическое лицо выявляется и определяется по совершенным им гражданско-правовым действиям и актам. Однако правоспособность юридического лица в соответствии с п. 3 ст. 49 ГК РФ возникает с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о его создании и прекращается в момент внесения в указанный реестр сведений о его прекращении. Таким образом, местом возникновения юридического лица и его правоспособности можно считать Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ).

Возникновение и создание юридического лица регулируется еще одним законом — Федеральным законом № 129 «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [4]. Согласно ст. 1 ФЗ № 129 государственная регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей осуществляется уполномоченным органом исполнительной власти путем внесения в соответствующие реестры сведений о новых субъектах предпринимательской и экономической деятельности. Поскольку основной целью деятельности таких субъектов является извлечение прибыли, на которую государство начисляет налог, таким органом исполнительной власти является налоговый орган. Это означает, что для государства предпринимательская деятельность юридических лиц рассматривается исключительно в фискальных и налоговых целях, поэтому с точки зрения государства правовое регулирование предпринимательской деятельности осуществляется не только в гражданско-правовом поле, но и в административно-правовом посредством налогового регулирования. Так, согласно ст. 19 Налогового Кодекса РФ [3] налогоплательщиками, плательщиками сборов, плательщиками страховых взносов признаются организации и физические лица, на которых в соответствии с настоящим Кодексом возложена обязанность уплачивать соответственно налоги, сборы, страховые взносы.

Согласно ст. 9 НК РФ организации и физические лица, признаваемые налогоплательщиками, плательщиками сборов, являются участниками отношений, регулируемых законодательством о налогах и сборах. В соответствии с ч. 1 ст. 38 НК РФ объектом налогообложения является реализация товаров (работ, услуг), имущество, прибыль, доход, расход или иное обстоятельство, имеющее стоимостную, количественную или физическую характеристику, с наличием которого законодательство о налогах и сборах связывает возникновение у налогоплательщика обязанности по уплате налога.

Поскольку все указанные объекты являются прямыми участниками гражданского оборота и предпринимательской активности, все они являются объектами гражданского права, с которыми в своей деятельности постоянно сталкиваются юридические лица, налицо иная составляющая деятельности юридических лиц: они являются субъектами налоговой фискальной деятельности государства в том случае, если их деятельность связана с извлечением прибыли (коммерческие организации). Некоммерческие юридические лица, тем не менее, также признаются созданными лишь после их государственной регистрации, которая осуществляется в общем порядке — через налоговые органы.

Заключение о том, какой из нормативно-правовых актов в отношении юридических лиц все же является определяющим, дает доктрина гражданского права. Так, И. Л. Корнеева замечает, что даже наличие всех четырех основных признаков юридического лица (имущественная обособленность, гражданская процессуальная правоспособность, гражданская деликтоспособность и гражданская правоспособность) не ведет к автоматическому наделению такого субъекта правовым статусом юридического лица [7]. Для этого необходима государственная регистрация как основное условие и главный признак возникновения юридического лица. Это указывает, что доктринальное признание юридического лица субъектом гражданского права напрямую связано с фискально-налоговым признанием государства юридического лица в качестве налогоплательщика. На наш взгляд, подобный подход является неверным. Статус субъекта гражданского права не может ставиться в зависимость от фискальной налоговой обязанности, поскольку возникновение права на участие в гражданских отношениях не может быть поставлено в зависимость от обязанности, поскольку право и обязанность в данном случае имеют различные источники возникновения. Права возникают из гражданской правосубъектности, когда юридическое лицо участвует в гражданском обороте, а обязанности — из фискальных и налоговых правоотношений, связанных с участием в предпринимательской деятельности. Таким образом, налоговая обязанность возникает, исходя из коммерческих целей возникновения юридического лица, однако сделки гражданско-правового характера не могут носить исключительно коммерческий характер и быть связанными только с извлечением прибыли. Следует заключить, что лишь цели получения и извлечения прибыли, которые указывает в своих учредительных документах юридическое лицо, являются основанием рассмотрения его деятельности как основного объекта налогообложения.

Одной из первых теорий возникновения юридического лица в европейской правовой науке стала теории фикции, авторство которой приписывается Ф. К. фон Савиньи. Согласно данному учению юридическое лицо является искусственным фиктивным субъектом, допустимым лишь для юридических целей. Как фикция юридическое лицо не может иметь сознания, воли и дееспособности. Сторонники недееспособности юридического лица приходили к выводу о том, что исполнительные органы юридического лица играют по отношению к нему ту же роль, что и опекуны или попечители по отношению к недееспособному [9, с. 143]. Таким образом, юридическое лицо в данной

теории представляется в качестве фикции, которой на самом деле не существует.

Другой ученый из школы российского права — Е. А. Суханов — определял юридическое лицо как категорию гражданского права, созданную для удовлетворения определенных потребностей гражданского оборота, при этом юридическое лицо может участвовать в гражданских, административных и гражданско-процессуальных правоотношениях, что наделяет юридическое лицо таким качеством, как дееспособность и правоспособность. Между тем, вопрос правосубъектности юридического лица имеет довольно важное значение, и сторонники различных теорий возникновения и правовой природы юридического лица относятся к данному вопросу по-разному. Сторонники теории «фикции» высказывают мнение о недееспособности самого юридического лица, рассматривая дееспособность данного субъекта с точки зрения функции представительства. Е. А. Суханов утверждает, что юридическое лицо является дееспособным [8, с. 123, 249, 303–305].

На наш взгляд проблема правосубъектности и дееспособности напрямую связана с вопросом волеизъявления юридического лица. Поскольку само юридическое лицо не может выражать собственную волю, а его природа является природой абстрактной, то возможно допустить, что воля юридического лица является волей его исполнительных органов — физических лиц. Однако если подходить к вопросу материальной конструкции юридического лица как объединения физических лиц для решения определенных общественных целей и задач, то стоит прийти к выводу о наличии у юридического лица собственной волеизъявления и собственной дееспособности, так как объединение физических лиц должны представлять свое совокупное волеизъявление в виде позиции и волеизъявления чего-то общего, какого-то объединения или общественной группы, которая не признается существующей в правовом поле без наличия необходимых условий. В отношении юридического лица такими условиями является обязательная государственная регистрация юридического лица. Именно поэтому позиция Е. А. Суханова о наличии собственной дееспособности

имеет право на существование, хотя и теория «фикции» имеет свое обоснование.

Между тем, самостоятельное участие юридических лиц в гражданско-правовых актах и сделках наравне с другими субъектами — физическими лицами, которые самостоятельно осуществляют свое волеизъявление в сделках, ставит вопрос об относительном равноправии данных субъектов относительно степени самостоятельности волеизъявления в сделках и иных актах гражданского характера. Поскольку в отношении физического лица таких вопросов не возникает, и физическое лицо как субъект гражданского права совершенно самостоятельно и автономно реализует свое волеизъявление, юридическое лицо, а также публично-правовое образование (ППО) имеют иную природу волеизъявления, которая не может быть выражена столь однозначно, как у физического лица, при этом множественность факторов формирования волеизъявления является главным отличительным фактором юридических лиц и ППО от физических лиц. В этом смысле наиболее близким и наименее отличающимся по характеру волеизъявления с физическим лицом может быть сравнен только индивидуальный предприниматель как специальный субъект предпринимательского права.

При этом юридические лица и ППО должны быть отнесены в отдельную группу субъектов гражданского права с множественной природой факторов, образующих единое волеизъявление. В таком случае может возникнуть юридическая коллизия, связанная с тем, что все юридические лица, состоящие из одного участника, должны быть приравнены к правовому статусу индивидуального предпринимателя. Представляется, что подобное вполне возможно осуществить по принципу аналогии права, поскольку решающим и ключевым фактором в правоспособности, дееспособности и деликтоспособности юридического лица является именно фактор субъективности и правосубъектности волеизъявления. Таким образом, правовое регулирование субъектов предпринимательской деятельности будет зависеть от количества участников и цели создания юридического лица.

Литература:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 г. // СЗ РФ — 21.07.2014 г. — № 31 ст. 4398
2. Гражданский Кодекс РФ от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // РГ — 08.12.1994 г. — № 238–239
3. Налоговый Кодекс РФ часть 1 от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ // РГ — 06.08.1998 г. — № 148–149
4. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // РГ — 10.08.2001 г. — № 153
5. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // РГ — 29.12.1995 г. — № 248
6. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // РГ — 17.02.1998 г. — № 30
7. Корнеева И. Л. Гражданское право РФ: учебник для вузов — М.: Юристъ, 2005 г. 451с.
8. Суханов Е. А. Российское гражданское право: учебник в 2-х т. Т. 1. М.: Статут, 1998 г. 542с.
9. Сабирова Л. Л. Теоретические и правовые основы юридических лиц в российском и зарубежном праве // Вестник экономики, права и социологии — 2014 г. — № 2, с. 142–145

Динамика развития государственной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг

Лучкина Кристина Владимировна, студент магистратуры
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье автор исследует становление и развитие современной государственной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг, а также приоритетные направления совершенствования контрактной системы в сфере государственных закупок.

Ключевые слова: контрактная система, государственные закупки, государственная система в сфере закупок.

Одной из самых динамично развивающихся сфер государственного управления является сфера государственных и муниципальных закупок.

Так, более пятидесяти федеральных законов, вносящих изменения в Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Федеральный закон № 44-ФЗ) [1], было принято с 2013 года.

Одним из значимых периодов становления и развития государственной контрактной системы считается 2014 год, что обусловлено вступлением в силу Федерального закона № 44-ФЗ, который сменил Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».

Такая смена законодательного регулирования расширила количество способов размещения заказов, установила порядок приемки товаров, работ, услуг, ввела институт общественного контроля в сфере закупок, нормирование закупок и др.

Из пояснительной записки можно выделить цели Федерального закона № 44:

— повышение качества обеспечения государственных (муниципальных) нужд за счет реализации системного подхода к формированию, размещению и исполнению заключаемых контрактов;

— обеспечение прозрачности всего цикла закупок — от планирования до приемки и анализа результатов;

— предотвращение коррупции и иных злоупотреблений в сфере обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Г. В. Артамонов и М. А. Храмцова отмечают, что «разработка принципиально нового закона была необходима прежде всего потому, что существующие проблемы в российском госзаказе решить в рамках внесения изменений в действующее законодательство было невозможно» [6].

В настоящее время система государственных и муниципальных закупок характеризуется высоким уровнем открытости и прозрачности, что в первую очередь связано с применением Единой информационной системы в сфере закупок (далее — ЕИС).

Помимо этого, необходимо отметить высокий уровень регламентации закупочного цикла — от планирования закупок до отчетности, четкая регламентация действий участников закупок товаров (работ, услуг).

При этом, несмотря на высокий уровень открытости государственных и муниципальных закупок, государство идет по пути их перевода в электронный формат и автоматизации всего цикла закупочных процедур.

Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [2] заданы количественные и качественные показатели, которые необходимо достичь до 2024 года, в различных сферах, в том числе и в сфере государственных закупок.

Перед сферой государственных закупок стоит такая задача, как совершенствование системы закупок, которые осуществляются крупнейшими заказчиками у субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей.

Необходимо также отметить, что на данный момент для субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций существуют льготы в сфере государственных закупок, однако остается открытым вопрос их эффективности и возможности совершенствования.

Несмотря на значительное число положительных моментов современной контрактной системы, необходимо также упомянуть и ее недостатки, к числу которых относят процедурную перегруженность, маломобильность и длительность процедур. Так, например, процесс государственной закупки путем проведения открытого конкурса составляет приблизительно 50 дней с момента размещения извещения о закупке до момента подписания государственного контракта.

Основные недостатки действующего законодательства о закупках — его нестабильность и сложность для правоприменителей, поэтому общим трендом в его развитии выступает упрощение правил Федерального закона № 44 [5].

При том, что система государственных закупок в России давно переросла в самостоятельную отрасль, она продолжает оставаться несовершенной. Задачи, поставленные государством, остаются нерешенными, нормативная правовая база контрактной системы в сфере закупок основывается на большом количестве подзаконных актов, которые постоянно обновляются. В этой связи потенциальные участники системы государственных закупок не могут приспособиться к эффективной работе на длительный период.

В Отчете о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2019

год» аудиторы Счетной палаты Российской Федерации отмечают, что действующая система закупок не в полной мере способствует обеспечению экономического роста государства.

Сдерживающими факторами повышения эффективности функционирования системы государственных закупок являются:

- сложность и нестабильность законодательства Российской Федерации в сфере закупок;
- направленность усилий на совершенствование процедуры, а не на достижения результативности закупок и обеспечение должного качества товара [8].

В связи со стратегической значимостью государственных закупок как с позиции обеспечения деятельности государства, так и развития экономики страны, реформирование системы закупок выделено в числе приоритетных направлений, которые способствуют повышению эффективности бюджетных расходов в среднесрочной перспективе, утвержденных распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 января 2019 г. № 117-р «Об утверждении Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 гг». (далее — Концепция) [3].

В рамках реализации Концепции осуществляется планомерное совершенствование системы закупок товаров, работ, услуг для государственных нужд, в связи с чем в Федеральный закон № 44 уже был внесен целый ряд комплексных поправок, направленных на оптимизацию и сокращение сроков осуществления закупок, в том числе:

- исключены положения, обязывающие заказчика формировать два плановых документа;
- до 1 дня сокращен срок для размещения в ЕИС принятых изменений плана-графика;
- исключен 10-дневный срок для размещения извещения (начала закупки) после внесения изменений в план-график;
- сняты ограничения для закупки по цене единицы товаров (работ, услуг) (вместо 10 установленных случаев);
- увеличен порог для проведения «короткого» аукциона (с 3 до 300 миллионов рублей);
- установлена возможность проведения электронного аукциона на следующий день после рассмотрения первых частей заявок;
- с 7 до 3 дней сокращен срок рассмотрения первых частей заявок на участие в электронном аукционе;
- предоставлено право заказчику в случае правомерного расторжения контракта заключить контракт с участником, занявшим второе место;
- установлены особенности осуществления закупок, заключения, исполнения и изменения контрактов на выполнение работ строительных, упрощен доступ к таким закупкам при одновременном усовершенствовании требований к квалификации участников закупок;
- участник должен указывать страну происхождения товара (включая товар, который поставляется для выполнения закупаемых работ (оказания закупаемых услуг), если такое требование есть в извещении;
- информация о стране происхождения товара обязательно должна быть включена в проект контракта на осно-

вании сведений из заявки соответствующего участника и направляться в реестр контрактов;

- вводятся требования по обеспечению исполнения гарантийных обязательств, если они установлены условиями контракта;
- исключена необходимость размещения отдельного отчета об исполнении контракта;
- сократились с десяти до пяти дней сроки обжалования итогов закупки и до пяти дней — срок принятия решения о внесении участника в Реестр недобросовестных поставщиков;
- подтверждение дополнительных требований, если они предусмотрены в закупке, направляется участником оператору электронных площадок;
- с 1 января 2020 г. начал работать «Независимый регистратор», который отслеживает работоспособность ЕИС и фиксирует действия участников контрактной системы.

В настоящее время продолжается работа по совершенствованию контрактной системы в сфере закупок, в рамках которой предусматривается дальнейшее упрощение и оптимизация закупок.

Наибольшую актуальность имеют такие задачи, как повышение эффективности закупок путем применения в ЕИС технологий, которые смогли бы обеспечить связанность данных, содержащихся в различных подсистемах ЕИС, например, типовые контракты, размещенные в библиотеке, должны быть автоматически использованы при составлении проектов контрактов, а также должны быть автоматизированы контрольные функции ЕИС за соответствием плана-графика и документации о закупке.

По итогу в сфере государственных закупок должны применяться сквозные технологии, которые обеспечат связанность отдельных последовательно сменяющих друг друга этапов закупки, так как это способствует достижению планируемого результата закупки и повысит прозрачность.

Как упоминалось выше, с 1 января 2020 г. мониторинг доступности (работоспособности) ЕИС, а также электронной площадки и хранение информации стала осуществлять специально созданная ГИС «Независимый регистратор» (ч. 13 ст. 4 Федерального закона № 44).

Данная система позволяет осуществлять фиксацию, в том числе видеофиксацию, действий (бездействий) участников контрактной системы в сфере закупок на электронной площадке и в ЕИС в режиме реального времени.

Для обеспечения целостности информации в ГИС «Независимый регистратор» применяется цифровая технология с использованием алгоритма непрерывной последовательной цепочки блоков, организованной в виде распределенной базы данных.

Необходимо также отметить, что одним из значимых событий в сфере государственных закупок в 2020 году является переход к электронному документообороту документов о приемке товаров (выполнении работ, оказании услуг).

С 1 июля 2020 г. использование данного функционала для участников контрактной системы — право, а с 1 апреля 2021 г. — становится обязанностью.

Внедрение в ЕИС документа о приемке товаров (работ, услуг) в электронной форме служит инструментом достижения достоверности данных об исполнении контракта.

Федеральное казначейство и Федеральная налоговая служба признают документ о приемке, сформированный в ЕИС и подписанный электронными подписями, равнозначным бумажному документу с собственноручными подписями [4].

Таким образом, нельзя отрицать важность контрактной системы в сфере закупок для Российской Федерации с учетом

специфики и значения как одного из главных элементов в целях обеспечения экономической безопасности страны, а соответственно и национальной безопасности.

Сфера государственных закупок с каждым годом совершенствуется, развивается, становится более технологичной. В публичном пространстве появились суждения о внедрении технологии блокчейн в систему закупок [7]. Новые технологии, в свою очередь, приводят к повышению эффективности и результативности закупочных процедур.

Литература:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.
2. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 20. Ст. 2817.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 января 2019 г. № 117-р «Об утверждении Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 гг.» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 6. Ст. 542.
4. Письмо Федерального казначейства от 18.12.2019 № 14-00-06/27476 и Федеральной налоговой службы от 18.12.2019 № АС-4-15/26126@ «Об электронном документообороте документов о приемке товаров (выполнении работ, оказании услуг), сформированных с использованием ЕИС в сфере закупок». [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант-Плюс». Дата обращения: 02.12.2020.
5. Андреева Л. В. Государственные закупки в России: правовое регулирование и меры по его совершенствованию: монография. М.: Проспект, 2019. С. 166–182.
6. Артамонов Г. В., Храмова М. А. Актуальные проблемы реализации федерального законодательства в сфере государственных закупок // Вестник Псковского государственного университета. 2017. № 5. С. 155–160.
7. Изутова О. В. Новое видение контрактной системы // Бюджет. 2019. № 4. С. 54–56.
8. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2019 год». Счетная палата Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/fea/fea86920fc7f4c8b39262ce74beb32d8.pdf>.

Организация пожарной безопасности в условиях риск-ориентированной модели деятельности

Орсаев Аслан Русланович, ведущий специалист
Главное управление МЧС России по Кабардино-Балкарской Республике (г. Нальчик)

В данной статье описывается проблема эффективности применения типовой и риск-ориентированной модели обеспечения пожарной безопасности с учетом безусловного выполнения противопожарных мероприятий направленных на безопасность людей при пожаре и защиту имущества собственника, который вправе им рисковать.

Поиск разумного соотношения между уровнем опасности и уровнем безопасности, предполагает разработку сценариев чрезвычайных ситуаций и применения адекватных им мер пожарной безопасности, что с учетом затрат на противопожарную защиту объекта защиты в условиях допустимых рисков и абсолютной безопасности, направленной на безопасность людей при пожаре, путем разработки адресных систем пожарной безопасности. Сравнение типовых и адресных систем обеспечения пожарной безопасности объекта защиты позволяет сделать вывод в пользу адресных систем противопожарной защиты.

Оценка соотношения уровня угроз и применение мер адекватных уровню пожарной опасности является основой для разработки алгоритма контрольно-надзорной деятельности по управлению пожарной безопасностью, что в свою очередь повысит эффективность риск-ориентированной контрольно-надзорной деятельности.

Ключевые слова: имущество, требования пожарной безопасности, соразмерность, адекватность, контрольно-надзорная деятельность, алгоритм, риск-ориентированная модель, угроза, ущерб.

Система противопожарной защиты объекта находится в непосредственной зависимости от требований норматив-

но-технических документов, выполнение которых обязано обеспечить необходимый уровень пожарной безопасности. Оп-

тимизация противопожарной защиты может быть обеспечена в пределах требований действующего нормативно-технического законодательства или посредством его изменения.

Неотъемлемым элементом государственного управления, позволяющая оценить результативность воздействия государства на общественные отношения является контрольно-надзорная деятельность, от эффективности которой зависит степень свободы реализации конституционного права на свободу предпринимательской деятельности [1].

Государство пытается найти баланс между обязанностью соблюдения требований пожарной безопасности и правом индивидуальных предпринимателей рисковать своим имуществом. Данный баланс нарушается типовыми требованиями пожарной безопасности, которые не учитывают риск причинения вреда от реального пожара, между тем предусматривают «условную модель пожара», без учета и расчетной оценки самого наихудшего сценария чрезвычайной ситуации на объекте защиты.

На современном этапе развития страны, в связи с необходимостью модернизации экономики, снятия излишних административных барьеров в развитии предпринимательской деятельности происходит реформирование нормативно-правовой базы, связанной с техническим регулированием различных аспектов деятельности общества и государства, в том числе и по вопросам пожарной безопасности. Законодательством позволителен уход от жёсткого нормирования конкретных технических решений. Собственник вправе рисковать своим имуществом, не выполняя какие-либо требования норм добровольного применения, если доказано отсутствие угрозы жизни и здоровью людей.

Таким образом, в случае проведения расчетов по установленным нормативным методикам, направленным на безопасность людей при пожаре, которые устанавливают безопасность людей при самом неблагоприятном сценарии развития пожара, лицо принимающее решение оценивает соответствие расчетов нормативному значению пожарного риска, что дает возможность установить минимально необходимые меры, направленные на безопасность людей при пожаре.

К примеру, если по условиям эксплуатации на каком-либо объекте находится ограниченное количество людей, и они располагаются в непосредственной близости от эвакуационных выходов, а технология не предусматривает быстрого развития и распространения пожара, то проведя расчет пожарного риска и доказав отсутствие угрозы людям, можно отказаться от предусмотренного нормами применения дорогостоящих строительных конструкций с большими пределами огнестойкости, сложных серьезных систем противопожарной защиты и тому подобных мероприятий, тем самым снизив издержки на строительство и эксплуатацию объекта, вместе с тем, повысив прибыльность предприятия и в конечном итоге его конкурентоспособность.

Применение же типовых требований пожарной безопасности создает серьезную экономическую проблему, которая выражается в высоких затратах на противопожарную защиту объекта.

Типовой системе мер органы государственного пожарного надзора на любом объекте надзора применяют нормы без

фактической оценки опасности, «слепо» подтверждая версию «пожар покажет», и только после пожара становится понятно правильно ли мы поступили или нет.

Типовые требования пожарной безопасности распространяют свое действие на всех лиц, не выделяя из них собственников, которые имеют право рисковать своим имуществом — т.е. не выполнять требований пожарной безопасности, направленных на защиту их имущества. В то же время они не учитывают риск причинения вреда от реального пожара, но предусматривают какую-то «условную модель пожара», требования к которой предлагается предусмотреть на всех зданиях и сооружениях, без учета динамики опасных факторов пожара.

Несмотря на это, типовые требования пожарной безопасности четко не ориентированы на защиту людей, имущества и окружающей среды. Традиционно считается, что всякое требование пожарной безопасности одновременно решает весь комплекс этих задач, и поэтому все они должны обязательно выполняться.

Вместе с тем, непонятна необходимость (обязательность) оборудования зданий (сооружений) автоматическими установками пожаротушения, повышения огнестойкости зданий (сооружений), устройства внутреннего противопожарного водопровода и наружных сетей водоснабжения и др., если люди успевают эвакуироваться до наступления предельно допустимых значений опасных факторов пожара без применения этих средств защиты.

Основывая на анализах Министерства экономического развития Российской Федерации [2] по применению типовой модели деятельности органов федерального государственного пожарного надзора, можно отметить, что применение типовых требований пожарной безопасности приводит к тому, что затраты на противопожарную защиту превышают ущерб от пожаров в 5 раз, тем самым показывая свою неэффективность и высокозатратность.

К примеру, на территории Кабардино-Балкарской Республики, исходя из анализа объемов расходов, можно увидеть, что с 2014 по 2018 затраты республиканского бюджета на обеспечение пожарной безопасности в среднем более чем 2,5 раза превышают сумму прямого ущерба, причинённого пожарами.

Проведенным анализом отражается необоснованное превышение затрат на пожарную безопасность по отношению к материальному ущербу за 5 лет, не отвечающее целям технического регулирования о разумном соотношении затрат и вреда, соответствующих соотношению угроз адекватной безопасности, подтвержденных риском причинения вреда.

Причём, приведённые объёмы затрат на пожарную безопасность включают в себя лишь расходы бюджета Кабардино-Балкарской Республики, без учёта расходов федерального бюджета, в том числе на обеспечение пожарной безопасности на объектах экономики и территорий, а также без учёта затрат собственников объектов на системы противопожарной защиты.

Действующее законодательство дает право прямого выбора варианта противопожарной защиты объекта (типового либо расчетно-обоснованного).

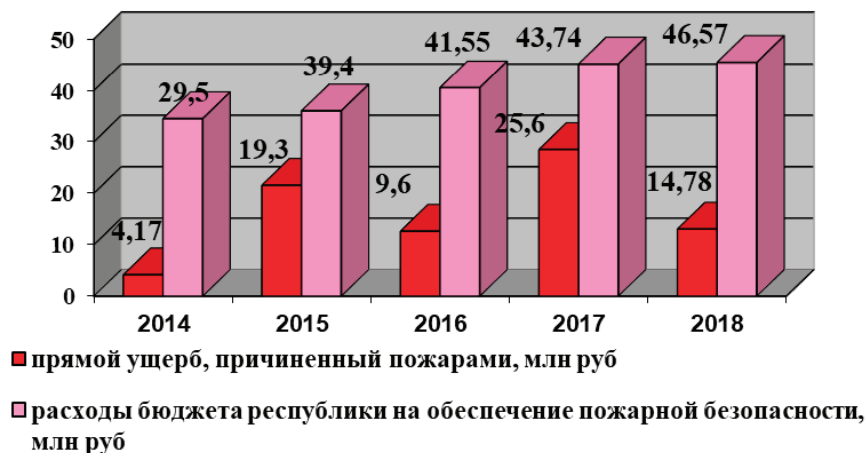

Рис. 1. Диаграмма соотношения расходов бюджета Кабардино-Балкарской Республики на обеспечение пожарной безопасности и прямого ущерба, причинённого пожарами за период 2014–2018 гг.

С целью реализации контрольно-надзорной функции по управлению пожарной безопасностью в условиях риск-ориентированной модели, который должен привести к разумному соотношению затрат на пожарную безопасность и вреда от пожаров с учетом уровня безопасности и уровня угроз, предлагается Алгоритм контрольно-надзорной деятельности в условиях риск-ориентированной модели.

Для объектов защиты, изъявивших желание избирательного применения требований лицо, принимающее решение, должно провести анализ необходимости и достаточности СПЗ. Данный анализ может базироваться на анализе обстановки с пожарами для данной категории объектов защиты и по конкретному объекту.

Далее на основе результатов проведенного анализа определяется перечень обязательных требований в области ПБ, направленных на обеспечение безопасности людей, и возможный круг мероприятий, направленных на защиту имущества собственника, которые могут быть им исполнены в добровольном порядке.

Затем принимается управленческое решение о применении адресной системы обеспечения ПБ (т.е. необходимых и достаточных мер в области ПБ в отношении конкретного объекта защиты), которое должно позволить: сэкономить финансовые ресурсы за счет концентрации на необходимых и достаточных мероприятиях по обеспечению ПБ; снизить административные барьеры за счет достижения прозрачности предъявляемых требований к объекту защиты.

При этом противопожарные мероприятия, направленные на защиту имущества собственника, который вправе им рисковать могут быть квалифицированы как добровольные к применению, направленные на повышение пожарной безопасности имущества собственника и могут быть применены самим собственником. Такая система обеспечения пожарной безопасности относится к адресным и является основой риск-ориентированной деятельности контрольно-надзорной деятельности, направленной на снижение административных барьеров.

Было бы правильнее разработать типовые требования пожарной безопасности для типовых объектов. При этом типовые технические решения должны быть ориентированы характер и размер вреда, который может быть причинен типовым пожаром на типовом объекте. Такие типовые решения могут быть оформлены в виде технических условий на проектирование и эксплуатацию типового объекта или в виде контрольного листа, используемого надзорными органами при проверке объектов защиты.

Только такое решение позволяет правильно идентифицировать объекты технического регулирования при квалификации нарушений типовых требований пожарной безопасности.

К категории нестандартных задач относятся задачи по индивидуальному проектированию, требующему изменений жестких технических решений, установленных типовыми требованиями пожарной безопасности.

Сегодняшние основы государственной политики в области пожарной безопасности [3] содержат положения о переработке нормативной базы, содержащей требования пожарной безопасности.

Рекомендации Министерства экономического развития Российской Федерации [2] стали причиной принятия управленческого решения по проведению реформирования типовой модели деятельности органов Федерального государственного пожарного надзора и перехода на риск-ориентированную модель деятельности, ориентированную на снижение административного давления на бизнес и государственные предприятия. При этом, существующая риск-ориентированная модель представляет собой лишь разделение объектов защиты по категориям рисков и установление для каждой категории объектов периодичности их проверок.

Контрольно-надзорную деятельность необходимо гармонизировать на основе сбалансированного управления пожарными, информационными, исследовательскими, нормативными, квалификационными и исполнительскими рисками в пределах допустимых рисков, предотвращающих саморазрушение социальных систем.

Литература:

1. Федеральный закон от 22.07.2008 N123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности».
2. Министерство экономического развития Российской Федерации «Контрольно-надзорная деятельность», 2015, 2016, 2017 г.г.
3. Указ Президента Российской Федерации № 2 от 1 января 2018 года «Об утверждении Основ государственной политики в области пожарной безопасности на период до 2030 года».
4. Постановление Правительства РФ от 12.04.2012 N290 «Об утверждении положения о федеральном государственном пожарном надзоре».

Пределы корпоративного правотворчества

Пажина Полина Дмитриевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Гусева Татьяна Сергеевна, доктор юридических наук, профессор
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В работе автором рассмотрено корпоративное правотворчество и ограничивающие его законодательные пределы. Проводится разграничение существующих в законодательстве пределов корпоративного правотворчества в зависимости от возникающих в корпорации правоотношений.

Ключевые слова: корпоративное правотворчество, правоотношения, пределы корпоративного правотворчества, корпоративные акты, локальные нормативные акты.

Зарубежной юридической науке давно известно такое правовое явление как корпоративное правотворчество. Корпорации развитых стран на протяжении долгого времени внедряют и применяют в своей деятельности собственные корпоративные акты, которые призваны регулировать возникающие внутри корпорации правоотношения с наибольшей эффективностью. В отечественной литературе вопросам корпоративного правотворчества посвящено не так много исследований и связано это с тем, что изначально правотворчество рассматривалось только как специальная деятельность компетентных органов государственной власти по созданию, изменению и отмене нормативно-правовых актов. Большинство ученых, среди которых В.С. Нерсесянц, А.В. Малько, разделяют это мнение и признают за государством доминирующую роль в правотворчестве. На современном этапе развития правового государства такое понимание правотворчества является ограниченным, поскольку оно не отражает роли институтов гражданского общества и международного сообщества в данной сфере деятельности [1, с. 11].

Тем не менее, стремительное развитие хозяйственных и экономических отношений обусловило появление новых субъектов права — корпораций, которые, являясь хозяйствующими субъектами, нуждались в собственном правовом регулировании. Ученые и практики пришли к выводу, что на централизованном уровне невозможно урегулировать всю палитру отношений, складывающихся в деятельности корпорации. [2, с. 43]. В связи с этим Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ были внесены изменения в 52 статью Гражданского Кодекса Российской Федерации (Далее — ГК РФ) в части возможности утверждения учредителями (участниками) юридического лица внутреннего регламента и иных внутренних документов юри-

дического лица [3]. С этого момента в науке всё больше стали говорить о появлении нового вида правотворчества — корпоративного. Выделение данного вида правотворчества говорит о смене парадигмы в праве, где единственным субъектом правотворчества является государство [4, с. 8]. Расширение полномочий российских корпораций позволило им создавать и применять внутри организаций собственные корпоративные акты, касающиеся организационных, трудовых, социальных и иных отношений.

Говоря о свободе корпораций самостоятельно регулировать свою деятельность собственными корпоративными актами, — нельзя не затронуть вопрос ограничения этой свободы и установления государством на законодательном уровне определенных пределов корпоративного правотворчества. Под установлением пределов корпоративного правотворчества следует понимать процесс целенаправленного, организационного воздействия, осуществляемого государством с помощью системы правовых средств, в целях упорядочения и охраны общественных отношений, возникающих в корпорации. Установление пределов корпоративного правотворчества необходимо рассматривать не только как меру ограничения свободы правотворчества корпораций, но и как ориентир для их правотворческой деятельности. Кроме того, строго очерченные пределы призваны разграничивать круг общественных отношений, регулирование которых и есть цель корпоративного правотворчества.

В данной статье предлагается разграничить существующие в законодательстве пределы корпоративного правотворчества на основании возникающих в корпорации правоотношений.

В связи с её деятельностью в корпорации возникают достаточно разнообразные правоотношения: 1) в сфере органи-

зации управленческой деятельности корпорации; 2) по управлению финансовыми и материальными ресурсами корпорации; 3) в сфере регулирования труда и других социальных вопросов; 4) по регламентации процедуры корпоративного правотворчества; 5) в сфере регулирования информации; 6) в области маркетинга; 7) по формированию корпоративной культуры и повышению образовательного уровня участников корпорации; 8) по разрешению юридических вопросов; 9) по регулированию безопасности внутри корпорации и многие другие [5, с. 34]. Перечисленные правоотношения регулируются принимаемыми в корпорации локальными актами.

Первой и самой значительной группой правоотношений, существующих в корпорации, следует назвать корпоративные правоотношения. К ним относятся все правоотношения, которые связаны с участием и управлением корпорацией. Как уже было сказано ранее, пункт 5 статьи 52 ГК РФ закрепил за корпорациями право принимать регулирующие корпоративные отношения и не являющиеся учредительными документами внутренний регламент и иные внутренние документы юридического лица. В то же время, для правотворчества корпорации устанавливается предел: во внутреннем регламенте и в иных внутренних документах юридического лица могут содержаться положения, не противоречащие учредительному документу юридического лица. Таким образом, законодатель обеспечил соответствие корпоративных актов учредительным документам корпорации — учредительному договору или уставу.

Представляется интересным вопрос двойственной правовой природы устава и учредительного договора корпораций, поскольку, являясь учредительными документами, — они в то же время рассматриваются некоторыми учеными и как корпоративные акты. Так, например, И. С. Шиткина определяет устав акционерного общества как «основополагающий нормативный акт локальной системы правового регулирования деятельности акционерного общества, который создает правовую базу для других внутренних документов общества» [6, с. 40]. Кроме того, положения уставов и учредительных договоров, как и корпоративные акты, принимаются частными лицами, определяют правовое положение корпорации и ее участников, распространяются на определенный круг лиц и являются обязательными для исполнения.

Следующая обширная группа правоотношений, регулируемых корпорацией, — правоотношения в сфере труда. В статье 8 Трудового Кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) предусмотрено, что работодатели, за исключением работодателей — физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, принимают локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового права в пределах своей

компетенции в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективными договорами, соглашениями. В качестве пределов правотворчества работодателей в корпорации в данном случае выступают: объект правового регулирования; круг лиц, на которых распространяется действие локальных нормативных актов; учет (обязательный или факультативный) мнения представительного органа работников.

Можно заметить, что в ТК РФ установлено большее количество пределов корпоративного правотворчества, чем в ГК РФ. Это связано с тем, что локальные нормативные акты появились гораздо раньше корпоративных и сфера их применения обширнее, чем у последних. Тем не менее, в любой корпорации не может обойтись без отношений между работником и работодателем, поэтому корпорация, как и любой другой работодатель, имеет право создавать и применять в своей деятельности акты, содержащие нормы трудового права. В ГК РФ подход законодателя к определению субъекта корпоративного правотворчества остается размытым, не определен круг лиц, на которые должны распространяться принимаемые корпоративные акты, не регламентировано ознакомление участников корпорации с принимаемыми корпоративными актами. Общим недостатком можно признать отсутствие регламентированной структуры корпоративных актов.

Помимо этого, нельзя не обратить внимание на используемую законодателем терминологию. Так, в ГК РФ для обозначения актов корпораций применяются «не являющиеся учредительными документами внутренний регламент и иные внутренние документы юридического лица», а в ТК РФ используется понятие «локальный нормативный акт». В связи с этим, можно говорить о существовании в законодательстве неопределенности относительно наименования актов, принимаемых внутри организаций. На протяжении долгого времени ученые в своих исследованиях, посвященных вопросам корпоративного права и корпоративных норм, повсеместно используют в своих работах термины «корпоративный акт», «локальный акт», «внутренний акт», не придавая особого значения терминологии. Данный факт не может не препятствовать точному определению пределов корпоративного правотворчества.

Таким образом, можно прийти к выводу, что не столько важен вид регулируемых корпоративными актами правоотношений, как важно то, что их объединяет единый субъект правотворчества — корпорация. Уточнение на законодательном уровне терминологии и пределов корпоративного правотворчества необходимо исключительно в целях повышения эффективности корпоративных актов организации и ограничения злоупотреблений их составителей.

Литература:

1. Козырева, А. Б. Корпоративное правотворчество: понятие и факторы влияния // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 8. — С. 9–15.
2. Кирилловых, А. А. Сущность и природа локального регулирования деятельности корпорации // Законодательство и экономика. — 2008. — № 8. — С. 42–46.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. 5 декабря. № 32. Ст. 3301

4. Козырева, А. Б. Корпоративное правотворчество: теория и практика: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Козырева Анна Борисовна; Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина. — Москва, 2016. — 260 с.
5. Лютов Н. Л., Егоров С. А., Игнатенко А. С., Козырева А. Б., Мжаванадзе Э. А., Хаваяшхов А. А. Межотраслевая координация правового регулирования труда в корпоративных организациях: Монография (под ред. Н. Л. Лютова) — М.: Буки Веди, 2016. — 145 с // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2018. № 1.
6. Шиткина, И. С. Правовое регулирование деятельности коммерческих организаций внутренними (локальными) документами: специальность 12.00.03 «гражданское право, семейное право, гражданский процесс, международное частное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шиткина Ирина Сергеевна; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. — Москва, 1997. — 297 с.

Административный правовой аспект защиты прав потребителей

Паршинцева Маргарита Валерьевна, студент магистратуры

Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматривается административно-правовой аспект ответственности юридических лиц за нарушение законодательства в области защиты прав потребителей. Изложены основные проблемы, существующие меры наказания за совершение правонарушений в сфере защиты прав потребителей. Рассмотрены вопросы правового регулирования защиты прав потребителей ответственными органами.

Ключевые слова: защита прав потребителей, потребитель, юридическое лицо, административная ответственность, административный штраф.

Administrative legal aspect of consumer protection

The article deals with the administrative and legal aspect of the liability of legal entities for violations of legislation in the field of consumer protection. The main problems and penalties for committing offenses in the field of consumer protection are outlined. The issues of legal regulation of consumer rights by responsible authorities are considered.

Keywords: consumer protection, consumer, legal entity, administrative liability, administrative fine.

Законодательством Российской Федерации в сфере административных правонарушений в равной степени признается равноправие субъектов как физических лиц, так и юридических.

Когда мы говорим об административных правонарушениях юридических лиц, то имеем в виду в основном правонарушения, связанные с их предпринимательской или иной организационной хозяйственной деятельностью.

В соответствии с КоАП РФ — это административные правонарушения в области охраны собственности, охраны окружающей природной среды и природопользования, промышленности, строительстве и энергетике, сельском хозяйстве, ветеринарии и мелиорации земель, связи и информации, предпринимательской деятельности, финансов, налогов и сборов, рынка ценных бумаг, нарушения таможенных правил и другие установленные иными законодательными актами.

В качестве основания классификации административных правонарушений юридических лиц по видам представляется содержание обязанностей юридических лиц в различных обла-

стях государственного регулирования. Очевидно, что за виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей к юридическим лицам применяются административные взыскания.

Основными видами административных наказаний для юридического лица являются: административный штраф, возмездное изъятие или конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения, административное приостановление деятельности, предупреждение в форме официального порицания юридического лица, которое выносится в письменной форме.

Вид и размер административного наказания налагается на юридическое лицо с учетом характера конкретного правонарушения, имущественного и финансового положения юридического лица, обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность, по общим правилам назначения административного наказания в соответствии со ст. 4.1. КоАП РФ.

Переходя непосредственно к сфере защиты прав потребителей целесообразно было бы заметить, что основные права,

интересы, а также механизмы их реализации закреплены в Законе Российской Федерации «О защите прав потребителей». Безусловно, административное право также стоит на защите указанных прав и интересов.

Свежие тенденции на потребительском рынке товаров и услуг, в том числе, появление новых товаров и услуг, развитие виртуальной торговли, развитие стриминговых платформ и т.д. ставят вопросы защиты прав потребителей на новый уровень. При этом следует учитывать, что российское законодательство представляет собой постоянно меняющийся и обновляющийся механизм. Законодательство в области защиты прав потребителей не является исключением, что подтверждается довольно большим количеством изменений и дополнений, вносимых в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» [1].

Можно говорить о том, что на настоящий момент в Российской Федерации не существует отлаженного механизма обеспечения контроля и надзора за соблюдением норм законодательства в области защиты прав потребителей. Хотя Закон «О защите прав потребителей» и предусматривает необходимость государственного контроля и надзора за соблюдением законов и иных нормативных правовых актов РФ в указанной сфере, однако его масштабы и эффективность не покрывают масштабы нарушений потребительских прав. При этом в течение нескольких лет происходило упразднение подразделений в федеральной антимонопольной службе, отвечающих за данную область, а также сокращение отделов по защите прав потребителей при местных органах власти [2].

В административном праве в рассматриваемой нами области в качестве объекта выступают отношения в сфере предпринимательской деятельности.

В КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за нарушение прав потребителей, в частности обратимся к главе 14, в которой содержатся статьи, которые устанавливают размеры санкций.

Так административное наказание для юридических лиц в форме штрафа от 20–50 тысяч рублей предусмотрено статьей 14.7 КоАП РФ за обмеривание, обвешивание или обсчет потребителей при реализации товара (работы, услуги) либо иной обман потребителей.

Кроме того, статья 14.7 предусматривает наложение административного штрафа на юридических лиц от 100 до 500 тысяч рублей за введение потребителей в заблуждение относительно потребительских свойств или качества товара (работы, услуги) при производстве товара в целях сбыта либо при реализации товара (работы, услуги). Стоит заметить, что в указанной статье предусмотрены исключения, к которым данные меры не применяются. Такими исключениями являются случаи, предусмотренные статьей 14.10 в части правонарушений в области производства в целях сбыта либо реализации товара, содержащего незаконное воспроизведение чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров. Исключения также недобросовестная конкуренция и нарушение требований законодательства о предоставлении гостиничных услуг.

Статья 14.8 КоАП РФ предусматривает санкции за нарушение права потребителя на получение необходимой и достоверной информации о товаре (работе, услуге), об изготовителе, о продавце, об исполнителе и о режиме их работы, включение в договор условий, ущемляющих права потребителя, непредоставление потребителю льгот и преимуществ, установленных законом, неисполнение обязанности связанных с оплатой товаров (работ, услуг), отказ потребителю в предоставлении товаров (выполнении работ, оказании услуг) либо доступе к товарам (работам, услугам) по причинам, связанным с состоянием его здоровья, или ограничением жизнедеятельности, или его возрастом. За нарушение данных пунктов предусмотрено наложение административных штрафов от 5 до 500 тысяч рублей в зависимости от позиции.

Орган, который занимается рассмотрением административных дел в области защиты прав потребителей определен статьей 23.49 КоАП РФ. Таким органом является Роспотребнадзор. Роспотребнадзор осуществляет свою деятельность непосредственно и через свои территориальные органы, которые создаются в субъектах РФ [3].

Примером применения норм КоАП РФ в сфере защиты прав потребителей может служить следующее административное дело. Николаевская-на-Амуре транспортная прокуратура в связи с поступившими обращениями граждан проверила исполнение законодательства о защите прав потребителей.

Установлено, что агентство по продаже билетов оформляло льготные авиабилеты для лиц, постоянно проживающих в районах Крайнего Севера Хабаровского края и местностях, приравненных к ним. При этом с граждан без их уведомления удерживался сбор за услугу по подбору маршрута, которая агентством фактически не оказывалась, так как пассажиры только выкупали билеты, забронированные ими самостоятельно.

С целью устранения нарушений прокурор руководителю агентства внес представление, по результатам рассмотрения которого организация изменила критерии предоставления дополнительных услуг, виновное должностное лицо привлечено к дисциплинарной ответственности. Заявителям и членам их семей возвращены незаконно взысканные денежные средства.

Кроме того, по постановлениям прокурора Управление Роспотребнадзора по Хабаровскому краю признало юридическое лицо и его руководителя виновными в совершении административных правонарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ (включение в договор условий, ущемляющих права потребителя) и привлекло к ответственности в виде предупреждений [4].

Однако, стоит отметить, что участие Роспотребнадзора в судах по делам о защите прав потребителей в настоящее время ограничивается дачей заключения по делу.

Снижая свое надзорное присутствие, государство не обеспечивает исполнение судебных решений в пользу потребителей. В отношении Российской Федерации Европейским судом по правам человека выносятся значительное количество решений. Большая часть обращений граждан в ЕСПЧ связана с неисполнением судебных решений, в частности, с нарушением статьи 6

Конвенции о защите прав человека и основных свобод — права на справедливое судебное разбирательство, права на доступ к правосудию и исполнение решений суда.

При этом отметим, что ведется работа по совершенствованию законодательства и общей системы контроля, и надзора в сфере защиты прав потребителей.

Так, в декабре 2020 года состоялось 29-е заседание Консультативного совета по защите прав потребителей Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, где были поставлены проблемы в сфере защиты прав потребителей.

Это в первую очередь проблемы реализации полномочий в области защиты прав потребителей высшими исполнительными органами государственной власти субъектов РФ, касающиеся разработки и реализации региональных программ по защите прав потребителей. Далее, проблемы судебной защиты прав потребителей, включая правовые аспекты взыскания штрафов, возмещения судебных расходов общественным объединениям потребителей, перспективах внесудебного урегулирования потребительских споров на основе специализированных онлайн-платформ.

Литература:

1. Кратенко М. В. Защита прав потребителей услуг. М.: Проспект, 2019.
2. Плахова Е. С. Защита прав потребителей в России: административно правовой аспект / Е. С. Плахова // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2020. — Т. 8, № 3. — URL: [https:// esj.pnzgu.ru](https://esj.pnzgu.ru). — DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-3-20.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.02.2021) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002.
4. В результате вмешательства Николаевской-на-Амуре транспортной прокуратуры восстановлены права граждан, с которых при покупке авиабилетов взималась плата за непредоставленные дополнительные услуги // Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт. — URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1862370/> (дата обращения: 16.02.2021).
5. Протокол 29-го заседания Консультативного совета по защите прав потребителей // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека: официальный сайт. — URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/deyatelnost/zpp/?ELEMENT_ID=16588 (дата обращения: 16.02.2021).

Выделение уголовных дел о преступлениях, не связанных между собой

Петрова Татьяна Николаевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Шайхлисламов Эдуард Робертович, кандидат юридических наук, доцент
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

В статье рассматриваются вопросы выделения и возбуждения уголовных дел по фактам новых преступлений, выявленных при расследовании основного уголовного дела, высказываются предложения по изменению законодательства в целях разрешения имеющихся проблем.

Ключевые слова: выделение уголовного дела, возбуждение уголовного дела, уголовное преследование, новое преступление.

Материалы о преступлениях, не находящихся в связи с преступлением, по поводу которого было возбуждено уголовное дело, подлежат обязательному выделению в отдельное производство. Напрямую данное правило не прописано ни в одной норме УПК РФ. Однако анализ уголовно-процессуаль-

Кроме этого, были затронуты вопросы реализации добросовестных деловых практик взаимодействия продавцов с потребителями и вопросы разработки национальной целевой программы обеспечения и защиты прав потребителей [5].

При этом стоит заметить, что в условия пандемии коронавируса, бизнес все больше переходит в интернет-торговлю, что может привести к возрастанию проблем, связанных с донесением до потребителя достоверной информации о товаре (работе, услуге). В связи с этим потребитель нуждается в точном толковании и реализации правовых норм, предусмотренных законодательством в сфере защиты прав потребителей.

Таким образом, на сегодняшний момент в сфере защиты прав потребителей существует проблема несовершенства механизма контроля и надзора за соблюдением норм законодательства, уровень административной ответственности несоизмерим с масштабом правонарушений.

В связи с этим целесообразно увеличить ответственность за правонарушения в указанной сфере, а также рассмотреть возможность внесения поправок, касающихся сфере интернет-торговли. При этом следует увеличить роль Роспотребнадзора в судах по делам о защите прав потребителей.

ного законодательства говорит нам о том, что выделение уголовного дела является обязательным.

Согласно ч. 2 ст. 21 УПК РФ в каждом случае обнаружения признаков преступления следователь, дознаватель, орган дознания принимают предусмотренные меры по установлению

события преступления, избобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Таким образом, при обнаружении в ходе расследования признаков иного преступления, правоохранные органы обязаны инициировать уголовное преследование по выявленному факту преступления, то есть возбудить уголовное дело для расследования. Основанием для возбуждения уголовного дела согласно ч. 2 ст. 140 УПК РФ является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Эти основания содержатся в материалах расследуемого уголовного дела, которые необходимо выделить, при этом одновременно возбудить уголовное дело по факту вновь выявленного преступления. Независимо от того, в чьих действиях (бездействии) усматриваются признаки нового преступления (обвиняемого, подозреваемого или иного лица) стадия возбуждения уголовного дела по факту вновь выявленного преступления является обязательной.

Данная позиция неоднократно озвучивалась Конституцией Судом РФ, например в определении от 21.10.2008 № 600-О-О, постановлениях от 14.01.2000 № 1-П, от 23.03.1999 года № 5-П, от 27.06.2000 года № 11-П и ряде других,) согласно которым стадия возбуждения уголовного дела является обязательной.

Нарушение указанных правил влечет за собой обоснованное возвращение уголовного дела на дополнительное расследование.

Так постановлением Гагаринского районного суда г. Москвы от 13 декабря 2016 года уголовное дело в отношении К. и С. возвращено прокурору Юго-Западного административного округа г. Москвы для устранения препятствий его рассмотрения судом в связи с нарушениями, допущенными на стадии возбуждения уголовного дела. Апелляционным постановлением Московского городского суда от 22.02.2017 по делу № 10-3198/2017 указанное постановление районного суда оставлено без изменения.

Многие исследователи полагают, что одновременное возбуждение уголовного дела при его выделении необходимо только при выделении нового факта преступления по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 154 УПК РФ, в остальных случаях выделения уголовных дел (п. 1–2, 4–5 ч. 1 ст. 154 УПК РФ) возбуждение уголовного дела не требуется.

О.А. Зеленина считает, что уголовное дело возбуждается по факту события преступления вне зависимости от того, насколько исчерпывающе установлен круг лиц, совершивших преступление, поскольку в ч. 2 ст. 146 УПК РФ, определяющей содержание постановления о возбуждении уголовного дела, не предусмотрено требования указывать данные о лице, совершившем преступление [1, с. 87].

Такой же точки зрения придерживался М. С. Строгович, который утверждал, что уголовное дело всегда возбуждается не в отношении определенного лица, а в отношении факта, события преступления [2, с. 11]. Аналогичное мнение об отсутствии необходимости принятия решения о возбуждении самостоятельного уголовного дела в отношении «нового лица» высказывает А. Г. Калугин [3, с. 11].

В. М. Быков полагает, что не следует возбуждать новое уголовное дело даже в той ситуации, когда уголовное дело возбуж-

дено в отношении конкретного лица, а в ходе расследования доказана вина другого субъекта, поскольку это уже сделано по факту совершения преступления — хотя и ошибочно — в отношении другого субъекта [4, с. 40].

В этой связи довольно странным является положение ч. 3 ст. 154 УПК РФ, согласно которому, если уголовное дело выделено в отдельное производство для производства предварительного расследования нового преступления *или в отношении нового лица* (выделено нами), то в постановлении о выделении должно содержаться решение о возбуждении уголовного дела в порядке, предусмотренном статьей 146 УПК РФ. Из этого требования закона следует, что в случае установления факта участия в преступлении ранее неизвестного соучастника, в отношении которого имеются основания для выделения уголовного дела, необходимо при выделении дела возбудить уголовное дело в отношении этого соучастника по тому же факту, по которому уже возбуждено основное уголовное дело.

Таким образом положение ныне действующего законодательства о необходимости возбуждения уголовного дела при его выделении в отношении нового лица противоречит теории уголовного процесса и может нарушить уголовную статистику о количестве зарегистрированных преступлений в случае возбуждения двух уголовных дел по одному и тому же факту, поскольку учет преступлений ведется, исходя из количества возбужденных уголовных дел.

В этой связи целесообразным было бы исключить из ч. 3 ст. 154 УПК РФ требование о необходимости возбуждении уголовного дела при выделении дела в отношении нового лица, оставив такое требование лишь для выделения дела по факту вновь выявленного преступления.

При такой неопределенности между теорией и требованием закона практические работники соблюдают положения ч. 3 ст. 154 УПК РФ и в постановлении о выделении уголовного дела прописывают решение о возбуждении уголовного дела в отношении вновь выявленного лица, даже при имеющемся уголовном деле, возбужденном по тому же факту. Однако в официальной статистике такое выделенное уголовное дело должно учитываться отдельно, чтобы решение о его возбуждении не влияло на общие статистические сведения о количестве зарегистрированных преступлений. Согласно п. 4 Правил нумерации уголовных дел и материалов проверок сообщений о преступлениях, по которым вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, утвержденных Приказом Генерального прокурора РФ от 28 декабря 2016 года № 824, подобному уголовному делу должен присваиваться номер, начинающийся с цифры «4», что означает уголовное дело, выделенное из другого уголовного дела в отдельное производство в отношении подозреваемых или обвиняемых, совершивших преступления в соучастии. Такие уголовные дела не учитываются в общей статистике преступности. Согласно п. 5 этих же Правил, в случае выделения уголовного дела из другого уголовного дела в отдельное производство в порядке п. 3 ч. 1 ст. 154 УПК РФ для производства предварительного расследования нового преступления в первом разряде регистрационного номера указывается кодовое значение «1». При этом кодовом значении уголовное дело учитывается как вновь

возбужденное и влияет на статистику преступности. Как видно из п. 5 Правил, код «1» присваивается лишь при выделении уголовного дела о новом преступлении, но не о новом лице.

Выделение дел по мотивам отсутствия связи между лицами, совершившими преступление, может иметь место на стадии предварительного расследования. Может ли уголовное дело быть выделено в стадии назначения дела к слушанию или в самом судебном заседании, вопрос дискуссионный. Согласно ч. 1 ст. 154 УПК РФ полномочиями по выделению уголовного дела наделены следователь и дознаватель. Сама норма закона располагается внутри главы 21 «Общие условия предварительного расследования». При этом согласно ст. 239.1 УПК РФ, по поступившему уголовному делу суд при наличии оснований, предусмотренных УПК РФ, вправе принять решение о выделении уголовного дела в отдельное производство и направлении его по подсудности в соответствии со ст. 31 УПК РФ, если раздельное рассмотрение судами уголовных дел не отразится на всесторонности и объективности их разрешения. Из изложенного следует, выделение уголовного дела судом возможно

в целях направления выделенного уголовного дела по подсудности, а не в целях инициирования уголовного преследования по новому преступлению.

Исходя из принципа разделения властей, предусмотренного ст. 10 Конституции Российской Федерации, суд не наделен полномочиями по возбуждению уголовного преследования, в связи с чем, стоит признать, что в случае установления в ходе судебного разбирательства признаков иного преступления, суд не имеет полномочий по выделению уголовного дела по этому факту для направления его в органы расследования и дальнейшего инициирования уголовного преследования. Данную функцию должен выполнить сотрудник прокуратуры, участвующий в судебном процессе в качестве государственного обвинителя. Реализовать данную обязанность прокуратура может путем направления в орган расследования соответствующих материалов в порядке, предусмотренном п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Как правило, подобным образом возбуждаются уголовные дела по фактам дачи свидетелями заведомо ложных показаний (ст. 307 УК РФ).

Литература:

1. Зеленина О. А. Некоторые вопросы возбуждения уголовного дела в случае выявления нового преступления или нового лица в стадии предварительного расследования // Российский юридический журнал. 2018. № 3 (120).
2. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2.
3. Калугин А. Г. Обоснованность выделения в отдельное производство уголовных дел в отношении неустановленных сбытчиков наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Наркоконтроль. 2010. № 2.
4. Быков В. М. Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица // Уголовный процесс. 2006. № 6.

Бюджетно-правовая ответственность за нарушение бюджетного законодательства

Прудников Александр Антонович, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье рассмотрена тема бюджетно-правовой ответственности за нарушение бюджетного законодательства в Российской Федерации, порядок привлечения к ответственности и бюджетные меры принуждения за бюджетные нарушения. Указаны недостатки правового регулирования вопросов привлечения к ответственности и разработаны предложения по совершенствованию бюджетного законодательства, регулирующего вопросы привлечения к ответственности за нарушение бюджетного законодательства.

Ключевые слова: бюджетное право, бюджетное законодательство, Бюджетный кодекс Российской Федерации, бюджетное нарушение, бюджетно-правовая ответственность, ответственность за нарушение бюджетного законодательства, правовые нормы, юридическая ответственность, судебный акт.

В связи с большим ростом правонарушений в сфере образования и расходования бюджетных средств важной проблемой функционирования бюджетной системы Российской Федерации является проблема ответственности за нарушение бюджетного законодательства.

Однако ответственность за нарушение бюджетного законодательства недостаточно разработана в российском праве.

И это несмотря на то, что бюджет является средством государственного управления, а также решения текущих и перспективных задач, стоящих перед обществом: задачи обороны,

сохранения окружающей среды, поддержки экономических субъектов, развития духовной сферы общества, поднятия уровня жизни бедных слоев населения [4].

И только включение в БК РФ Части IV, которая посвящена правовому регулированию ответственности за нарушение бюджетного законодательства, поможет эффективнее решить данный вопрос.

Проблема эффективного использования бюджетных средств, по мнению кандидата юридических наук Вершило Т. А., связана не только с неэффективностью института ответ-

ственности за нарушение бюджетного законодательства, предусмотренного БК РФ, но и с усилением борьбы с коррупцией в бюджетной сфере [3].

Поэтому очень актуальны на сегодняшний день вопросы, касающиеся правового регулирования ответственности за нарушение бюджетного законодательства, решить которые можно только путём совершенствования бюджетного законодательства.

Бюджетно-правовая ответственность выступает главным гарантом реализации бюджетного обеспечения, социальной стабильности в бюджетной сфере, «механизмом охраны правопорядка, соблюдения финансовой дисциплины» [10], охраны общества от нарушений бюджетного законодательства.

Нормативно-правовой основой бюджетной ответственности является БК РФ, законы о бюджете.

Бюджетно-правовая ответственность заключается в применении бюджетных мер принуждения к субъектам бюджетных правоотношений, которые допустили нарушение бюджетного законодательства и несут определенные отрицательные последствия финансового характера.

Субъектами бюджетной ответственности являются органы государственной власти, местного самоуправления, организации, предприятия, учреждения.

Цель бюджетно-правовой ответственности — наказание нарушителя бюджетного законодательства и восстановление правопорядка в бюджетной сфере Российской Федерации.

Но в БК РФ отсутствуют нормативное определение «бюджетная ответственность», однако разработаны бюджетные нарушения и государственные бюджетные меры принуждения. Исходя из этого,

Бюджетно-правовую ответственность можно рассмотреть в двух аспектах: ретроспективном (за совершённые негативные действия, за неисполнение бюджетно-правовой ответственности) и позитивном, то есть перспективном (за последующие действия).

Позитивная бюджетная ответственность — это положительное отношение субъектов бюджетных правоотношений к правовым предписаниям, к исполнению своих обязанностей, установленных БК РФ [1].

Прав Маркелов Ф.В., который считает, что «для обеспечения и развития ответственного отношения субъектов к своим правам и обязанностям в рамках бюджетных правоотношений немаловажное значение имеет развитие положений о стимулах» [8].

По его мнению, стимулировать нужно получателей бюджетных средств, которые имели высокую эффективность в использовании бюджетных средств за предыдущий финансовый год, а также необходимо снижать процентные ставки при бюджетном кредитовании.

Бюджетное нарушение является фактическим основанием бюджетной ответственности. Необходимо отметить, что в БК РФ нет определения состава бюджетного нарушения.

Но, чтобы привлечь к ответственности за совершение бюджетного нарушения, применить бюджетные меры принуждения, надо установить наличие состава бюджетного нарушения. Однако все правонарушения, в том числе и бюджетные,

имеют свой состав, хотя БК РФ не конкретизирует состав бюджетных нарушений. Но учёные в своих исследованиях выделяют такие элементы состава бюджетного нарушения: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона.

Объектами нарушения бюджетного законодательства выступают бюджетная система, бюджетный процесс Российской Федерации и перераспределение бюджетных средств между бюджетами разного уровня.

Объективной стороной нарушения бюджетного законодательства является совершение противоправных действий (бездействий) субъектами бюджетных правоотношений.

Однако у учёных-исследователей нет единого мнения относительно субъектов бюджетного нарушения. Например, Карпов Э.С. считает, что субъектом бюджетных нарушений может быть только юридическое лицо. И должностные лица, виновные в совершении правонарушений, при наличии оснований могут быть привлечены к административной или уголовной ответственности [5].

Маркелов Ф.В. субъектами бюджетных нарушений считает государство, органы государственной власти и местного самоуправления, Банк России, кредитные организации, бюджетные организации, физические лица. Автор отмечает недостатки действующего бюджетного законодательства, подчеркивая при этом, что оно при определении субъектов бюджетных нарушений не учитывает предметности правового регулирования, а всё это оказывает негативное влияние на эффективность соответствующего института бюджетного права [9].

Но, несмотря на разногласия исследователей по данному вопросу, БК РФ всё-таки в какой-то мере конкретизирует круг субъектов бюджетного нарушения.

Субъективной стороной бюджетного нарушения является вина, которая может быть выражена как в форме умысла, так и в форме неосторожности.

Но бюджетная ответственность может наступить даже при отсутствии субъективной стороны состава бюджетного нарушения. Однако такой подход законодателя не в полной мере соответствует принципам бюджетной ответственности. Ведь бюджетное нарушение должно быть признано только тогда, когда есть все признаки его состава: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона.

БК РФ предусматривает бюджетную ответственность за следующие бюджетные нарушения: — нецелевое использование бюджетных средств (статья 306.4.); — невозврат либо несвоевременный возврат бюджетного кредита (статья 306. 5.); — неперечисление либо несвоевременное перечисление платы за пользование бюджетным кредитом (статья 306. 6.); — нарушение условий предоставления бюджетного кредита (статья 306.7.).

Надо отметить, что чаще всего совершаются бюджетные нарушения, предусмотренные статьёй 306.4. — нецелевое использование бюджетных средств. На это особо обратил своё внимание Президент Российской Федерации в своём Послании Федеральному Собранию. Он считает, что нецелевое использование бюджетных средств в некоторых отраслях — это «прямой удар по национальной безопасности» [2].

За совершение бюджетного нарушения применяются бюджетные меры принуждения к субъектам бюджетного процесса согласно статье 306.2. Часть. IV Бюджетного кодекса Российской Федерации.

Однако относительно бюджетных мер принуждения у законодателей также нет единого мнения.

Карпов Э. С. считает, что совершение бюджетного нарушения влечет применение к нарушителю мер бюджетной ответственности [6].

Макарова Н. С. бюджетные меры принуждения классифицирует на пресекательные, предупредительные, правостановительные и меры бюджетно-правовой ответственности [7].

Бюджетные меры принуждения за совершение бюджетного нарушения согласно статье 306.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации применяются к субъектам бюджетного процесса.

За совершение бюджетных нарушений привлечение к бюджетным мерам принуждения производится в особой процессуальной форме и осуществляется в том порядке, который закреплён бюджетным законодательством РФ.

В результате проведённого исследования бюджетно-правовой ответственности необходимо внести ряд предложений по совершенствованию бюджетного законодательства.

Во-первых, в связи с тем, что в БК РФ отсутствует понятие бюджетной ответственности, надо закрепить дефиницию «бюджетной ответственности» в БК РФ.

Во-вторых, чтобы привлечь к ответственности за совершение бюджетного нарушения, применить бюджетные меры принуждения, надо установить наличие состава бюджетного нарушения. Но БК РФ не использует термин «состав бюджетного нарушения». Поэтому необходимо внести в БК РФ специальное понятие «состав бюджетного нарушения».

В-третьих, надо устранить правовые коллизии, имеющиеся в БК РФ, противоречия не только внутренним нормам БК РФ, но и другим НПА, которые регулируют бюджетные отношения в бюджетной сфере Российской Федерации.

А также необходимо расширить и ужесточить меры бюджетно-правовой ответственности за каждое нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации в целях финансовой безопасности государства.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации. Москва. Проспект. 2019.
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию на 2015 год от 04.12.2014 г. РФ. № 278. 05.12.2014.
3. Вершило Т. А. К вопросу о правовых проблемах эффективного использования бюджетных средств. Москва. Финансовое право. 2013. № 12. С. 21–25.
4. Горбунова О. Н., Селюков А. Д., Другова Ю. В. Бюджетное право России. Учебное пособие. Москва. КноРус. 2002. С. 7.
5. Карпов Э. С. Государственный финансовый контроль в уголовно-исполнительной системе (финансово-правовой аспект). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва. 2009.
6. Карпов Э. С. К вопросу о самостоятельности бюджетной ответственности. Современная юриспруденция: тенденции развития. Новосибирск. Сборник материалов международной заочной научно-практической конференции. 2012. С. 90.
7. Макарова Н. С. Виды и особенности применения бюджетно-правовых санкций за бюджетные правонарушения. Москва. Российский судья. 2004. № 6. С. 32.
8. Маркелов Ф. В. Ответственное использование бюджетных средств как позитивная составляющая бюджетно-правовой ответственности. Москва. Финансовое право. 2006. № 4. С. 29–31.
9. Маркелов Ф. В. Проблемы формирования института бюджетно-правовой ответственности. Москва. Право и государство. 2006. № 2. С. 95–104.
10. Пешкова Х. В. Принципы бюджетного права и бюджетное устройство России. Москва. Финансовое право. Юрист. 2010. № 11.

Специальная миссия как принцип пространственного действия уголовного закона в Российской Федерации

Радионов Игорь Иванович, кандидат юридических наук, доцент;
Азаматов Рушен Эскендерович, студент магистратуры
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

Происходящие изменения в социально-экономических, политических отношениях, вовлеченность Российской Федерации в процессы всемирной глобализации оказали существенное влияние на определение принципов пространственного действия, а также механизма применения уголовно-правовых норм, их регламентирующих. Одним из таких принципов, которому посвящено настоящее исследование, является принцип специальной миссии, именуемый в науке также принципом специального режима или покровительственным принципом. Необходимость исследования указанного принципа определена следующим. Во-первых, принцип специальной миссии введен в сферу действия российского уголовного права сравнительно недавно, поэтому его теоретический аспект требует

анализа, а практический аспект — оценки. Во-вторых, рассматриваемый принцип представляет актуальность для нашего государства ввиду того, что значительная часть военнослужащих пребывает на территории иностранных государств с целью решения поставленных задач, а наука, в свою очередь, располагает недостаточным количеством работ по исследуемой теме, что требует освещения проблемных вопросов и их научного осмысления.

Ключевые слова: принцип, специальная миссия, действие уголовного закона в пространстве, военнослужащий, уголовная ответственность.

В последние годы четко прослеживается тенденция сближения и взаимодействия различных национально-правовых систем, что обусловлено вовлеченностью государств в международно-правовые отношения. Российская Федерация является активным участником международных отношений [1, с. 94] по различным вопросам социального, экономического, политического и военного характера, среди которых, первостепенными, являются вопросы обеспечения безопасности как нашего государства, так и всего мирового сообщества.

Ключевой составляющей безопасности Российской Федерации остается военная безопасность. Для обеспечения последней наше государство прибегает к разнообразным возможностям, осуществляя постоянный поиск наиболее эффективных путей и способов ее обеспечения. В числе таких возможностей — использование воинских формирований как на территории государства, так и за его пределами, что связано с необходимостью мониторинга внутригосударственной и международной обстановки с целью принятия своевременных мер по отражению различных, по своему содержанию, угроз. Основная нагрузка в указанном аспекте возлагается на военнослужащих путем постоянной целенаправленной подготовки к вооруженной защите целостности и неприкосновенности территории нашего государства.

Если с правовым статусом военнослужащих, особенностями привлечения их к уголовной ответственности за преступления, совершенные на территории Российской Федерации правовые положения достаточно определены, то для настоящего исследования интерес представляют особенности правового статуса военнослужащих, их привлечения к уголовной ответственности за преступные посягательства, совершенные за пределами Российской Федерации, то есть на территории иностранных государств, ввиду недостаточной изученности и проблемности рассматриваемого вопроса.

В связи с тем, что преступность военнослужащих Российской Федерации представляется крайне негативным явлением, оказывающим влияние на положение нашего государства в мировом сообществе, внутреннюю политику и уровень безопасности государства, вопросы правового статуса военнослужащих и их уголовной ответственности приобретают важное теоретическое и практическое значение.

Нет сомнений в том, что каждое преступление, совершенное военнослужащим, независимо от тяжести, вызывает широкий общественный резонанс, не говоря уже о преступлениях, совершенных на территории иностранного государства.

Так, одним из принципов пространственного действия уголовного закона является принцип действия уголовного закона в отношении военнослужащих, совершивших преступление вне пределов территории Российской Федерации и пребыва-

ющих на территории иностранного государства. Ответственность военнослужащих, находящихся в составе вооруженных частей, дислоцирующихся на территории иностранного государства, в случае совершения ими преступления определяется согласно принципу специальной миссии, получившему закрепление в ч. 2 ст. 12 Уголовного кодекса Российской Федерации [2].

Общие условия уголовной ответственности граждан Российской Федерации, совершивших преступления на территории иностранных государств, раскрываются в ст.ст. 11–13 Уголовного кодекса Российской Федерации [2]. Вместе с тем, в указанных нормах нашла отражение специфика уголовной ответственности военнослужащих. Обращаясь к содержанию ст. 12 Уголовного кодекса Российской Федерации, отметим, что на военнослужащих воинских частей Российской Федерации, дислоцированных за пределами Российской Федерации, за преступления, совершенные на территории иностранного государства может устанавливаться уголовная юрисдикция в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации либо в соответствии с международным договором, что исходит из смысла уголовно-правовой нормы [1], [2], [4, с. 89].

Сущность рассматриваемого принципа состоит в том, что военнослужащие воинских частей Российской Федерации, дислоцирующихся за пределами Российской Федерации, за преступления, совершенные на территории иностранного государства, несут уголовную ответственность по Уголовному кодексу Российской Федерации, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации [6, с. 113].

Рассматриваемый принцип распространяет свое действие на военнослужащих двух категорий, то есть на военнослужащих, проходящих военную службу в воинских формированиях Российской Федерации, дислоцированных на территории иностранных государств и на военнослужащих, исполняющих функциональные обязанности или находящихся по иным причинам на территориях иностранных государств [4, с. 96].

И первый, и второй случаи требуют анализа и уточнения особенностей действия принципа специальной миссии и уголовной ответственности в отношении каждого из них. Кратко осветим основные положения.

В первом случае, военнослужащие пребывают на территории иностранного государства в связи с военным временем или боевой обстановкой.

Содержание международных договоров предполагает, что объем уголовной юрисдикции в отношении данной категории военнослужащих, по большому счету, обусловлен местом совершения преступления, которым является территория иностранного государства, объектом преступного посягательства, мотивом совершения преступления, состоянием военнослужа-

щего в момент совершения преступления (речь не идет о психическом или физическом состоянии лица, скорее, о том исполнял ли военнотружущий обязанности военной службы). С иностранными государствами Российская Федерация подписала довольно большое число договоров, каждый из которых имеет свои индивидуальные особенности и, как правило, устанавливает неодинаковые объемы уголовной юрисдикции Российской Федерации в отношении ее граждан. Полагаем, что стремление международного сообщества к индивидуализации международных договоров, путем включения положений отличных от положений, содержащихся в аналогичных договорах, приводит к различному толкованию, содержащихся в них норм, а в данном случае и вовсе к нарушению принципа справедливости относительно российских граждан.

Что касается второй категории военнотружущих, то они, как правило, пребывают на территории иностранного государства по особому поручению или иным причинам, не подпадающим под содержание задач, отведенных для первой категории военнотружущих. Продолжительное время таким поручением остается противодействие терроризму.

Анализ действующего законодательства Российской Федерации и международных договоров в рассматриваемой сфере относительно распространения уголовной юрисдикции Российской Федерации на военнотружущих, участвующих в борьбе с терроризмом на территории иностранного государства, аналогично первому случаю, не в полной мере отвечает интересам Российской Федерации [7]. Сказанное определяется следующим. Российская Федерация осуществляет ограниченную уголовную юрисдикцию в отношении рассматриваемой категории военнотружущих, что связано с правовым статусом конкретной группы военнотружущих, что нашло отражение в некоторых двусторонних и международных договорах.

Содержание некоторых двусторонних и международных договоров противоречит интересам Российской Федерации, в связи с чем, представляется необходимой унификация международных договоров в рассматриваемой сфере и соотнесение их содержания, в частности, с интересами Российской Федерации.

Изложенное является свидетельством того, что действие принципа специальной миссии, в большинстве случаев, осуществляется при вводе войск на территорию иностранного государства по согласованию с государством, в которое планируется вводить эти войска. Мы солидарны с позицией Я.Н. Ермоловича относительно того, что уголовное законодательство Российской Федерации применяется к военнотружущим за совершение следующих альтернативных категорий преступлений: преступлений против военной службы, преступлений против интересов Российской Федерации либо интересов ее граждан, преступлений, совершенные в пределах дислокации вооруженных сил [3, с. 7].

Уголовная ответственность военнотружущих, а равно членов их семей, за иные преступления предусмотрена уголовным законодательством страны пребывания. Иными словами, во всех остальных случаях применим территориальный принцип пространственного действия уголовного закона, что обеспечивает и провозглашает суверенитет соответствующего государства.

При всем сказанном, имеют место изъятия из этого правила. Уголовная юрисдикция государства пребывания не распространяется на определенные подразделения или формирования того государства, чьи военнотружущие, по согласованию между этими государствами, пребывают на территории. В научном сообществе, описанное правило именуется специфическим иммунитетом специальной миссии [6, с. 115].

Рассматриваемый принцип специальной миссии не устанавливает конкретных целей пребывания военнотружущих одного государства на территории другого. С нашей позиции, это связано с обширностью понятия «военная безопасность». Анализируя его сущность, необходимо сказать, что целей для ее обеспечения и поддержания достаточно много, начиная от поддержания порядка и общественной безопасности в государстве пребывания и, заканчивая проведением исследований в сфере космических технологий.

Принцип специальной миссии может варьироваться в зависимости от его регламентации в двусторонних соглашениях и договорах. К сожалению, практика богата случаями, когда возникают проблемные вопросы относительно распространения уголовной юрисдикции государства на своих военнотружущих. В большинстве случаев, такое положение вещей обусловлено «мнимой однотипностью» договоров, что связано с поверхностным изучением его содержания. В связи с чем, прежде чем, применять данный принцип в действие важно не просто подписать соответствующий договор или соглашение, а тщательно изучить его, в рассматриваемом контексте, — на предмет действия уголовной юрисдикции каждого государства, являющегося стороной такого договора или соглашения.

Примером сказанного могут послужить положения отдельных международно-правовых актов, регулирующих рассматриваемую сферу. Так, в большинстве подобных договоров прописывается правило, согласно которому уголовная юрисдикция государства, направляющего своих военнотружущих на территорию другого государства, носит ограниченный характер. То есть, уголовная юрисдикция принимающего государства не распространяется на преступления, совершенные на ее территории военнотружущими военных баз направляющего государства, когда преступления связаны с исполнением обязанностей воинской службы либо направлены против интересов своего государства или своих граждан, а также в случае их совершения в пределах дислокации вооруженных сил [5, с. 146]. Такая позиция способствует укреплению суверенитета направляющего государства, провозглашая действие территориального принципа в подобных случаях.

Имеет место и обратная ситуация, когда уголовная юрисдикция направляющего государства носит ограниченный характер в отношении военнотружущих, находящихся на территории военной базы иностранного государства. В данном случае, положения договоров установлено, что преимущество над распространением уголовной юрисдикции принадлежит принимающему государству.

Изложенное позволяет заключить, что обеспечение военной безопасности и привлечение российских военнотружущих к решению общемировых задач имеет первостепенное значение. С целью урегулирования вопросов направления российских

военнослужащих на территорию иностранных государств, обеспечения условий для надлежащего выполнения ими поставленных задач и уголовной ответственности за совершение ими преступлений, необходимо пересмотреть проблему соотно-

шения российского и иностранного законодательства в исследуемом вопросе. Это позволит учесть ряд интересов Российской Федерации и приведет к единому толкованию аналогичных, по своему содержанию, положений.

Литература:

1. Федоренко Н. А., Богатырева Е. Д. Посредничество как способ внешнеэкономического конфликта // Наука и образование: хозяйство и экономика, предпринимательство, право и управление. — 2020. — № 9 (124). — С. 94–96.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования от 1 июля 2020 года) // СПС «Консультант Плюс». — URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 11.01.2021).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020). — URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (Дата обращения: 11.01.2021).
4. Ермолович Я. Н. Уголовная ответственность военнослужащих воинских частей Российской Федерации, дислоцирующихся за пределами Российской Федерации // Серия «Право в Вооруженных Силах — консультант». — М.: «За права военнослужащих», 2003. — № 12. — 24 с.
5. Ермолович Я. Н. Уголовная ответственность военнослужащих Российской Федерации за преступления, совершаемые на территориях иностранных государств // Серия «Право в Вооруженных Силах — консультант». — М.: «За права военнослужащих», 2010. — Вып. 111. — 292 с.
6. Иванченко А. Ю. Международно-правовое положение воинских формирований и военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, находящихся на территории государств-участников СНГ: дисс. ... канд. юр. наук. — М. — 2000. — 229 с.
7. Князев А. Г. Действие уголовного закона в пространстве: Дис. ... канд. юрид. наук. — Ульяновск, 2006. — 179 с.
8. Принцип специальной миссии (уголовной ответственности военнослужащих воинских баз, дислоцирующихся на территории иностранного государства) // Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. — URL: https://studref.com/614135/pravo/printsip_spetsialnoy_missii_ugolovnoy_otvetstvennosti_voennosluzhaschih_voinskih_dislotsiruyuschihsva_territo (Дата обращения: 23.01.2021).

Состояние, динамика, структура организованной преступности в Российской Федерации и Иркутской области

Романова Ольга Борисовна, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

В статье отражены статистические данные организованной преступности по России и Иркутской области, дан их краткий анализ и сравнение.

Ключевые слова: *организованная преступность, динамика организованной преступности, состояние организованной преступности, структура организованной преступности.*

Организованная преступность обладает повышенной степенью общественной опасности, так как включает не только преступную деятельность как таковую, но и деятельность, направленную на легализацию денежных средств, полученных преступным путем, сокрытие следов преступлений, воспрепятствование деятельности правоохранительных органов, сращивание в государственными органами и т.д., это явление как принципиально отличное по своим качественным криминологическим характеристикам принято изучать отдельно от других видов групповой преступности. Согласно данным Генеральной прокуратуры России за период с января по декабрь 2019 года, на территории России 16290 преступлений совершено организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) [1].

Удельный вес организованной преступности в России за указанный период составил 1,5%, что на 0,1% больше чем в 2018. Анализ динамики организованной преступности за 2019 год показывает прирост на 4,2%, в то же время в 2018 данный прирост составлял 18,1%. Следовательно, за 2019 год не отмечается столь резкого скачка организованной преступности, как в 2018. Изменение основных количественных показателей преступности в России за последние десять лет выглядит следующим образом (таблица 1; рисунок 1).

В структуре организованной преступности по категории тяжести преобладают тяжкие и особо тяжкие преступления (по совокупности 15615 деяний) — 95,9% от преступлений, совершаемых организованными группами и преступными сообществами и 3,3% от всех тяжких и особо тяжких престу-

Таблица 1. Количественные показатели организованной преступности в России (2010–2019 гг.)

Год	2010	2011	2012	2013	2014
Объем	22251	17691	18016	17266	13771
Динамика	-29,7%	-20,5%	1,8%	-4,2%	-20,3%
Удельный вес	1,6%	1,3%	1,4%	1,4%	1,2%
Год	2015	2016	2017	2018	2019
Объем	13735	12581	13232	15628	16290
Динамика	-0,5%	-8,4%	5,2%	18,1%	4,2%
Удельный вес	1,1%	1,1%	1,2%	1,4%	1,5%

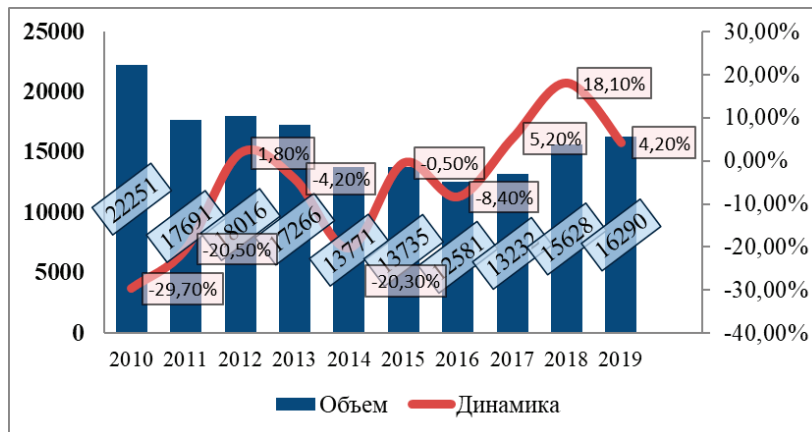

Рис. 1. Объем и динамика организованной преступности в России (2010–2019 гг.)

плений, совершенных на территории Российской Федерации за 2019 год. Согласно данным уголовной статистики, опубликованным Генеральной прокуратурой Российской Федерации за 2019 год, структурное распределение преступлений, совершенных организованной группой, выглядит следующим образом (рисунок 2).

Предварительно расследовано преступлений, совершенных организованной группой в 2019 году в России: особо тяжких — 5664; тяжких — 8468; средней тяжести — 372; небольшой тяжести — 143.

Географическое (территориальное) распределение организованной преступности по субъектам Российской Федерации характеризуется ее преобладанием на территории Москвы и Московской области, Челябинской области, Калужской области, Оренбургской области и Чувашской республики (Рисунок 3).

Структура организованной преступности по объекту преступного посягательства характеризуется преобладанием преступлений, предусмотренных ч. 1–5 ст. 228.1 УК РФ (незаконные

производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества).

Необходимо сделать выводы, что статистика фиксирует улучшение общей криминальной и криминогенной обстановки — количество регистрируемых преступлений стабильно уменьшается. В то же время не так однозначна динамика деятельности организованных преступных групп и преступных сообществ (преступных организаций).

С 2010 г. по 2011 г. активность преступных формирований снизилась в 1,3 раза — с 22251 преступлений до 17691, а затем организованная преступная деятельность пять лет уменьшалась незначительно — до 12581 преступления в 2016 г. Затем показатель уверенно стремился вверх, увеличившись в 2018 г. на 3 тыс. выявленных преступлений — до 15628. В 2019 продолжил

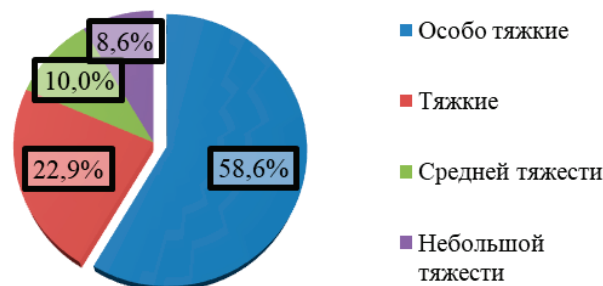

Рис. 2. Структура организованной преступности по категории тяжести преступлений

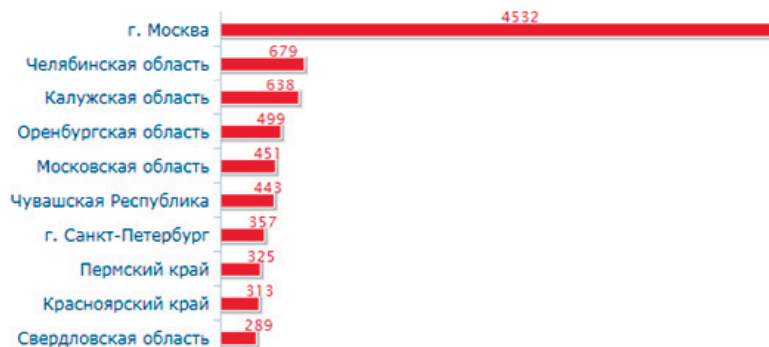

Рис. 3. Рейтинг 10 регионов, лидирующих по числу предварительно расследованных преступлений, совершенных организованной группой

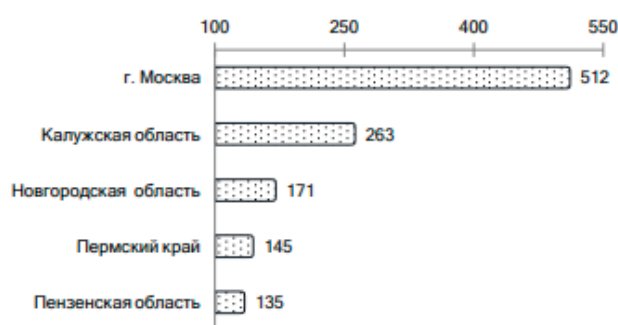

Рис. 4. Отражение 5 регионов с наибольшим увеличением показателя преступлений, совершенных организованной группой и преступным сообществом

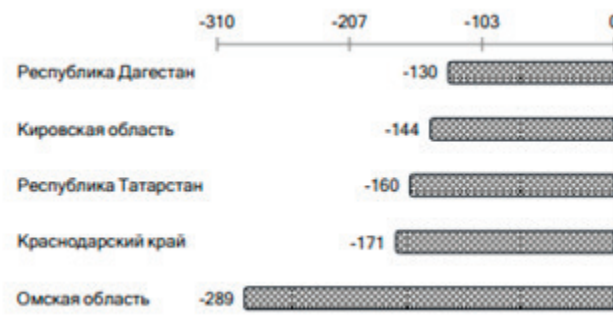

Рис. 5. Отражение 5 регионов с наименьшим увеличением показателя преступлений, совершенных организованной группой и преступным сообществом

расти, достигнув цифры 16290. Количество членов преступных сообществ (преступных организаций) последовательно увеличивалось: в период с 2012 г. по 2018 г. их стало больше в два раза, соответственно — 482 и 1070.

Таким образом, на фоне улучшения в Российской Федерации за последние 10 лет, с 2009 г. по 2019 г., общей криминальной обстановки фиксируются определенная стабильность организованной преступной деятельности и некоторое снижение активности специализированных организованных преступных формирований. При этом отмечается усугубление качественного показателя данного вида преступности.

В силу высокой латентности и несовершенства статистического учета зарегистрированная часть указанных преступлений

ежегодно измеряется величиной менее в 2% от всех выявляемых преступлений. На фоне снижения преступности, когда количество зарегистрированных преступлений во всем мире уменьшается, в том числе и в России, в последние три года наблюдался рост абсолютных показателей организованной преступности.

В 2019 г. сохранялись негативные тенденции, присущие организованной преступности. В их числе: транснационализация, высокая латентность преступной деятельности, широкое использование последних достижений науки, техники, высоких технологий, позволяющих усложнять и маскировать совершаемые преступления, а также вести в сетевой социальной среде криминальную пропаганду и расширять сферы влияния, отход от насильственных способов достижения преступных целей в пользу

иных методов, связь с экстремистскими и террористическими организациями; связь с коррумпированными должностными лицами различного уровня; формирование этнократических элит, смещение деятельности организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций) в экономическую сферу.

Учитывая изложенное, прогнозируется рост количества организованных форм совершения преступлений в сфере экономической деятельности и незаконного оборота наркотиков. В связи с этим необходимо совершенствование общесоциальных и специальных мер предупреждения, более эффективное взаимодействие правоохранительных органов и международное сотрудничество.

Согласно данным, предоставленным отделом правовой статистики Прокуратуры Иркутской области за период с января

по декабрь 2019 года, на территории Иркутской области 133 преступления совершено организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией).

Удельный вес организованной преступности в России за указанный период составил 0,6%, что на 0,2% меньше чем в 2018, а также 0,9% меньше, чем по всей территории Российской Федерации. Динамика организованной преступности за 2019 год — 31,8%, в то же время в 2018 данное число было — 5,8%. Следовательно, за 2019 год не отмечается столь резкого скачка организованной преступности, как в 2018. Изменение основных количественных показателей преступности в Иркутской области за последние три года выглядит следующим образом (таблица 2).

Таблица 2. Количественные показатели организованной преступности в Иркутской области (2017–2019 гг.)

Год	2017	2018	2019
Объем	207	195	133
Динамика	48,9%	-5,8%	-31,8%
Удельный вес	0,8%	0,8%	0,6%

В 2019 организованными группами или преступными сообществами совершено 126 (2018–167, — 24,6%) тяжких и особо тяжких преступлений, их удельный вес в общем числе расследованных преступлений данных категорий снизился с 3,9% до

2,9%. Структурное распределение преступлений, совершенных организованной группой в 2019 году, выглядит следующим образом (Рисунок 6).

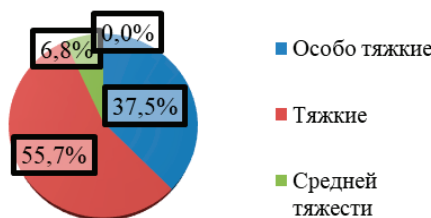

Рис. 6. Структура организованной преступности по категории тяжести преступлений

Предварительно расследовано преступлений, совершенных организованной группой в 2019 году в Иркутской области:

особо тяжких — 33; тяжких — 49; средней тяжести — 6; небольшой тяжести — 0.

Рис. 7. Динамика предварительно расследованных преступлений, совершенных организованной группой в Иркутской области

При этом, следует отметить, что в рейтинге регионов по числу предварительно расследованных преступлений, совершенных организованной группой, Иркутская область находится на 37 месте [1].

Литература:

1. Состояние преступности [Электронный ресурс]: статистика и аналитика. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 25.03.2020 г.).

Таким образом, на основе статистических данных, приведенных выше, наблюдаем снижение в течение последних трех лет числа официально зарегистрированных преступлений, совершенных в рамках организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций) на территории Иркутской области.

Судебная защита отдельных видов алеаторных сделок. Азартные сделки

Савенко Александр Михайлович, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В данной статье будет рассмотрена тема «Судебная защита отдельных видов алеаторных сделок. Азартные сделки». Актуальность данного исследования выражается в неполноте правового регулирования некоторых видов алеаторных сделок. А также будет предложено решение данной проблемы.

Ключевые слова: алеаторная сделка, рискованная сделка, договор, правоотношения.

Всю свою историю человек испытывал страсть и интерес к различным азартным играм. В Древнем Риме впервые были выведены такие понятия, как алеаторность (от латинского *alea* — игральная кость; *aleator* — игрок в кости, *aleatorius* — зависимый от бросания кости), что, в свою очередь, в более широком понимании означает заключение сделки, основанной на риске. Первые законы по отношению к алеаторным сделкам были предприняты также законодателями Рима, одним из краеугольных текстов принято считать *Lex aleatoria* (закон, направленный на регулирование игр), который, в свою очередь, позволял делать пари на спортсменом.

В отечественном же праве алеаторности уделялось не столь много внимания. В дореволюционной России алеаторность не выступала предметом специального изучения. В Советском Союзе же ситуация не особо изменилась, а наоборот, так как азартные игры имели негативный характер и по своему смыслу несли негативный отпечаток на образ советского человека. Хотя стоит признать, что именно в советской цивилистической науке были представлены первые теоретические положения о «риске», что в свою очередь легло в развитие современного российского законодательства.

Что касается современного положения азартных игр в России, то тут ситуация выглядит весьма неполно. Как такового полного запрета на проведение азартных игр нет, даже есть специальная глава в гражданском кодексе (далее — ГК) 58, которая регулирует проведение игр и пари, а также Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2006 N244-ФЗ (далее 244-ФЗ), но ни в одном из них не урегулирован вопрос о судебной защите участников этих игр. А точнее, в статье 1062 ГК РФ го-

ворится, что требования граждан и юридических лиц, связанные с организацией игр и пари или с участием в них, подлежат судебной защите, за исключением требований лиц, принявших участие в играх или пари под влиянием обмана, насилия, угрозы или злонамеренного соглашения их представителя с организатором игр или пари, а также требований, указанных в пункте 5 статьи 1063 настоящего Кодекса. Если принять во внимание, что в РФ на проведение азартных игр установлена, так скажем, «монополия» с выделением специальных игорных зон (Краснодарский край, Ростовская область и т.д.), то по своему смыслу статьи из ГК представляют не прямое ограничение прав лиц, то есть неравноправие, по отношению к игрокам, где одни могут обращаться за защитой (в случае обмана и т.д.), а другие нет.

То есть имеется ввиду, что независимо от обстоятельств, при которых и как была проведена игра либо же пари, каждый субъект должен иметь право на судебную защиту.

Если рассмотреть законодательства других стран, то станет видно, что и другие страны в целом негативно относятся к данному проявлению.

Например, правовое регулирование игр и пари в США осуществляется федеральными законами и законами штатов. К числу первых относятся, в частности, «антилотерейные законы». Закон об игровых судах (*GamblingShipAct*) имеет очень строгие запреты. Неодинаковой степени ограничения для игр и пари введены в рамках законодательства отдельных штатов. Так, Конституция Калифорнии содержит общий запрет выдачи законодательными органами штата разрешений на проведение лотерей и продажу лотерейных билетов (исключение составляют игры бинго, конные бега, проводимые самим штатом, лотереи, по условиям которых не менее 90% выручки будут направлены на благотворительные цели). На законодательные

органы Калифорнии возлагается обязанность запрещения на территории штата деятельности казино типа тех, которые существуют теперь в Неваде и Нью-Джерси. В самой Неваде с учетом того, что территория этого штата представляла собой пустыню, малонаселенную и бедную полезными ископаемыми, после многолетних споров законодательные органы штата установили особый, свободный режим для создания казино в двух городах — Лас-Вегас и Рино. Это способствовало резкому подъему экономики штата.

В свою очередь, если перенести данный опыт на территории РФ, то можно тоже добиться весьма неплохих экономических результатов, например на территории Дальнего Востока разрешить проведение азартных игр и создать для этого отдельную правовую базу, что будет и стимулировать законодательную деятельность в области алеаторных сделок.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016)
2. Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ (ред. от 01.05.2016) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»
3. Брагинский, М. И. Правовое регулирование игр и пари // Хозяйство и право. 2004. № 11, 12.
4. Асяева, М. В. Судебная защита игр и пари в российском и зарубежном законодательстве / М. В. Асяева. — Текст: электронный // [сайт]. — URL: <https://novainfo.ru/article/2054> (дата обращения: 08.01.2021).

Психологические особенности деятельности прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде с участием коллегии присяжных заседателей

Саленко Виктория Павловна, студент магистратуры
Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»

Ключевые слова: *государственный обвинитель, судебный процесс, прокурор, психология поведения, участие присяжных заседателей, отправление правосудия.*

Психология в переводе с древнегреческого языка означает «учение о душе». Психология — это наука, которая занимается изучением закономерностей того, как возникает, развивается и функционирует психика и психическая деятельность людей. Психологические особенности участников уголовного судопроизводства всегда являлись для юридической психологии одним из традиционных направлений её исследования. Вопросы и проблемы психологических аспектов поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей на сегодняшний день пока не решены полностью, и остаются актуальными.

Каждая профессия требует от человека психологической устойчивости в большей или меньшей мере, так как стрессовые ситуации воздействуют на их психологическое состояние, что напрямую влияет на их работоспособность и здоровье в целом. Публичный характер выступления прокурора в суде с участием присяжных заседателей предъявляет к нему особые требования качества его внешнего вида, убедительной и красивой речи, а также

В целом, подводя итоги вышеуказанного, можно сделать вывод, что в РФ не все могут допускаться к обращению в суд за защитой, возникающим по поводу проведения игр и пари. В свою очередь, я считаю данный опыт негативным, так как если полного ограничения на данную деятельность нет, то и должны быть нормы, закрепляющие полное и законное обращение граждан для своей защиты. А именно предлагаю внести в часть 1 статьи 1062 ГК РФ положение, по которому все граждане и юридические лица, которые участвовали в сделках по проведению игр, могут обращаться в суд за судебной защитой. Стоит взять во внимание, что я не призываю к полной легализации азартных игр, но снятие определенных мер и пересмотр некоторых вещей, указанных выше, хорошо отразится на финансовом состоянии государства, а также простимулирует интерес к алеаторным сделкам, о которых в последнее время идет много разговоров.

требует от него определённой модели поведения. Многие авторы считают, что для того, чтобы государственный обвинитель был успешен в судебном процессе с участием присяжных, он должен иметь представление о том, как присяжные воспринимают информацию, оценивают и переосмысливают её, чтобы принять какое-то решение по делу. Всё это в совокупности приводит к тому, что прокурор должен решить несколько немало важных вопросов по поводу: установления и поддержания психологического контакта с коллегией присяжных во время судебного процесса; создания определённого эмоционального настроя у заседателей; отбора и предоставления доказательств, и их разъяснения. Во время процесса формирования коллегии присяжных, является его первичное установление контакта с ними. Но очень часто значимость данного этапа недооценивается, что в следствии ведёт к негативному взаимодействию государственного обвинителя и сформированной им коллегии.

Особо пристальное внимание присяжные уделяют именно прокурору, и поэтому крайне важно установить нужный психо-

логический контакт с коллегией на стадии их отбора, и благодаря этому у них в голове образуется реальная основа, и тогда у них сложится убеждение о том, что государственный обвинитель объективен, стремиться установить истину по конкретному делу с целью наказать действительно виновного, и оправдать невиновного. На первом этапе уголовного судопроизводства-отбор присяжных заседателей, государственный обвинитель должен в ходе их опроса выяснить необходимую информацию, носящую субъективный характер, он должен выявить те особенности, присущие человеку которые позволят тому обоснованно предположить, что присяжные при разбирательстве дела будут непредвзяты и объективны к суждениям, ведь от их решения зависит отправление правосудия. Проанализировав информацию о каждом из потенциальных участников коллегии позволит прокурору заявлять мотивированные и немотивированные отводы кандидатам для формирования коллегии, которая была бы способна вынести справедливый вердикт.

В психологии существует такой термин как «групповая деятельность», то есть совместная деятельность людей, собранные в одну группу, которая происходит между людьми в условиях их общения. В нашем случае этот термин относится к присяжным заседателям, которые оказывают сильное моральное воздействие на государственного обвинителя. Раньше дела рассматривались судом, который был юридически подкован и беспристрастен к сторонам судопроизводства. В настоящее время особую роль в отправлении правосудия отдали двенадцати избранным людям-присяжным заседателям. Когда прокурор выступает перед коллегией присяжных, он должен уделить внимание не только доказательствам, но и своей речи, ведь учёными психологами доказано, что люди оценивают человека и складывают мнение о нём по его речи. Присяжные заседатели обычные люди, занимающиеся разной профессиональной деятельностью, собранные в суде по ходатайству стороны защиты-подсудимого для более, как ему кажется, справедливого решения по уголовному делу. Все люди руководствуются своими чувствами, всегда и в любой ситуации, и присяжные заседатели не исключение. В связи с этим судебное заседание становится немного театральным. Их участие в отправлении правосудия требует от прокурора профессионального мастерства. Присяжные, в отличии от суда и некоторых других участников процесса не владеют профессиональной терминологией, поэтому прокурору нужно тщательно обдумывать свои слова, чтобы они были ими поняты, так как в противном случае они должны приложить не малые интеллектуальные способности чтобы понять о чём идёт речь. От присяжных требуется немалая собранность и повышенная концентрация, которую нельзя сохранить надолго. Если же стороны будут по старой привычке говорить специальной терминологией, то эти двенадцать человек начнут теряться в произнесённых словах, терять смысл предложений. Со временем они начнут уставать от напряжённой умственной работы, что вызывает раздражение и даже неприязнь к человеку, говорящему на непонятном им языке, и эта ненависть будет сказываться на их решении, и справедливым его тогда уже точно не назовёшь. Не стоит прокурору забывать и о том, что в судебном разбирательстве участвуют и свидетели, у которых показания не всегда совпадают с показаниями потерпевшего.

«Значительная часть речи прокурора должна быть посвящена анализу показаний потерпевших и свидетелей. Следует ещё раз подчеркнуть, что этот анализ должен основываться на показаниях, данных в процессе судебного следствия. Если имеют место противоречия между показаниями потерпевшего и свидетеля, данные ими на предварительном следствии и в суде, прокурору необходимо объяснить присяжным заседателям причину возникновения таких противоречий. При этом прокурор должен акцентировать внимание присяжных на той части показаний, которые подтверждаются исследованными в суде другими доказательствами и в силу этого могут быть положены в основу обвинения» [2, с. 70], то есть выступление должно быть заранее и тщательно подготовлено. По мимо речи, существенную роль в судебном процессе играют формы представления доказательств по делу. Главным фактором, который облегчит восприятие и запоминание необходимой информации, которая повышает психологическое воздействие на коллегию будет являться наглядность. В связи с этим, психологи предлагают представлять материалы в виде схем, слайдов и т.д.

На последнем этапе судебного разбирательства стороны процесса осуществляют психологическое воздействие на коллегию наиболее интенсивно. Нередко победу в процессе одерживает сторона. Которая предоставила более вещественные материалы по делу в обосновании своей позиции. Но когда это всё имеет одинаковую значимость, которая может поставить присяжных в тупик, так как не понятно кто же виновен, а кто нет. Вот здесь то, преимущество отдаётся тому, кто превзошёл оппонента в коммуникативной компетенции, сумел вызвать нужное расположение к себе, акцентировал особое внимание присяжных к представленным доказательствам, подтверждающим его правоту. Как рекомендует нам Генеральная прокуратура РФ: «В ходе выступления в прениях прокурор должен поддерживать коммуникативную связь с присяжными. Для этого, прежде всего, необходимо помнить, что речь адресуется именно присяжным. В ходе первых процессов государственный обвинитель иногда забывал об этом и по привычке начинал обращаться и к председательствующему. В результате внимание заседателей начинало рассеиваться. Недопустимы реплики, жесты прокурора, которые хотя бы косвенно могут свидетельствовать о его неуважительном отношении, например, к защитнику подсудимого, либо поведение, наводящее на мысль о том, что прокурору всё по делу ясно и судебную процедуру он считает формальной». [2, с. 74] И при всём при этом обвинитель должен следить за состоянием коллегии присяжных, за их настроением, и учитывая всё это подстраивать свою речь так чтобы корректировать отдельные аспекты произносимой им речи.

Согласно приказу Генерального прокурора РФ от 25.12.2012 № 465: «Поддержание государственного обвинения по делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, необходимо поручать прокурорам, обладающим соответствующими личностными и профессиональным качествам» [5, п. 4.1]. И здесь мы сталкиваемся ещё с одной проблемой-большая нагрузка. Большая нагрузка очень сильно сказывается на психологической моральной стабильности государственного обвинителя, что влияет и на физическое здоровье. Молодые прокуроры часто зажаты из-за страха сделать что-то не так перед таким количеством людей и опозориться публично, что

уже с первого судебного заседания их моральное состояние подвергается атакам стресса и страха. Всё это связано с тем, что у них нет ещё профессионального опыта в этом. Именно поэтому вся нагрузка переходит к более опытным прокурорам, что снижает их работоспособность, что отражается на ведении и представлении дела в судебном разбирательстве.

Подводя итог выше сказанного, можно прийти к выводу, что государственный обвинитель владея умением приме-

нять разнообразные психологические приёмы коммуникативного воздействия на участников судебного процесса, и умением применять разнообразные психологические приёмы коммуникативного воздействия на участников судебного процесса и умение справляться со стрессовыми ситуациями является важным фактором, который повышает эффективность его профессиональной деятельности в суде при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей.

Литература:

1. Аллан и Барбара Пиз «Язык телодвижений»/перевод с англ.-М.: ООО «Торговый дом »Издательство Мир книги», 2005.-120 с.
2. Генеральная Прокуратура РФ. Прокурор в суде присяжных (метод. Пособие)-М. 1995–131 с.
3. Гулевич О. А. Психология в суде присяжных (аналитический обзор).-М., 2003 год-259 с.
4. Дейл Карнеги «Как выступать публично»-Москва.2006 год-98 с.
5. Приказ Генерального прокурора РФ от 25.12.2012 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» (п. 4.1)//Российская газета 2012 г.
6. Психологические особенности деятельности прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде с участием коллегии присяжных заседателей: метод.рекомендации/ (Ратинова Н.А); Ген. Прокуратура РФ; Акад. Ген. Прокуратуры РФ-М.: 2015 г.

Правовая охрана окружающей среды от вредного биологического загрязнения

Саленко Виктория Павловна, студент магистратуры
Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»

Ключевые слова: *окружающая среда, биологическое загрязнение, объекты биологического загрязнения, основные виды загрязнения, ЮНЕП, федеральный закон, международно-правовые акты, средства содействия реализации в борьбе с загрязнением.*

Экологическое право существовало на протяжении всего развития человечества. Впервые оно зародилось в первобытном обществе, когда человек жил в гармонии с природой и по её законам. Он не относился к земле и её дарам потребительски, а использовал ровно столько, сколько нужно для выживания. В связи с развитием общества стали появляться различные проблемы в сфере экологии, для решения которых стали придумывать нормативно-правовые акты, положения которых изменялись в зависимости от развитости государства и общества. Особо остро встал вопрос об обеспечении экологической безопасности окружающей среды с переходом населения Земли от мануфактуры, которая характеризовалась ручным трудом к крупной промышленности. Это случилось в 60-е годы 18 века, когда Великобритания начала активно переходить от мануфактуры, которая характеризовалась ручным трудом к крупной промышленности. В 19–20 веках эту тенденцию подхватили и другие страны. К началу 20-х веков Германия и Соединённые Штаты Америки обошли по темпам развития саму Великобританию. Вопрос о безопасности экологии и, как следствие здоровье людей тогда не был так актуален, как в нынешнее время, потому что никто не догадывался и не предполагал во что это выльется в будущем.

Окружающая нас природа перестала быть для жителей Земли безопасной, и у правительств разных стран возник вопрос о том, как можно уменьшить негативное воздействие на

природу, и сохранить то, что осталось. Первой страной, в которой возник данный вопрос, был РСФСР, и он же придумал решение этой проблемы. В 1963 году был принят первый закон РСФСР «Об охране природы», который претерпел не одно изменение с тех времён, и эти изменения продолжают, из-за негативного отношения людей к природе. Через 9 лет после принятия закона 1963 года в 1972 году с 5 по 16 июня состоялась Конференция Организации Объединённых Наций, на которой был поставлен вопрос о том, как сохранить окружающую человека среду. Итогом этой конференции стала Стокгольмская декларация, в которой были установлены 26 принципов для охраны окружающей среды. Через 20-ть лет после конференции, состоялась ещё одна в 1992 году в Рио-де-Жанейро. На территории Российской Федерации 20 декабря 2001 года Государственной Думой Российской Федерации был принят Федеральный Закон № 7 «Об охране окружающей среды». Данный закон был принят с целью определить правовые основы политики государства в области охраны окружающей среды, которое бы обеспечивало сохранение биологического разнообразия нашей планеты и её природных ресурсов для того, чтобы удовлетворить потребности людей, а также для укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

Согласно ФЗ РФ «об охране окружающей среды» окружающая среда — это совокупность компонентов природной

среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов [9, ст. 1]. Существует множество причин, обуславливающих загрязнение окружающей среды. Оно может быть следствием выбора технологии при осуществлении крупных инвестиций, например, в промышленные ресурсы, разработки продукции и её упаковки, вкусов и привычки потребителей, отсутствия регулирования и правоприменения, неосведомлённости о воздействии загрязнения на здоровье человека и экосистемы или игнорирования этого воздействия. Вооружённые конфликты и промышленные аварии с экологическими последствиями могут приводить к серьёзному загрязнению окружающей среды, а также способны резко снижать возможности страны в решении уже существующих проблем, связанных с загрязнением. Такое загрязнение называется «биологическое загрязнение».

Биологическое загрязнение — это возникновение в окружающей среде химического или биологического загрязнения, или превышение их среднего многолетнего уровня в различной среде, которое приводит к негативным последствиям. Биологическое загрязнение порождает экологическую опасность, понятие которой сформулировали в своей статье «Условия обеспечения экологической безопасности в Кузбассе: нокологический подход» Борис и Тимур Невзоровы: «экологическая опасность-вероятность разрушения природной среды обитания растений и животных, в том числе человека, в результате неконтролируемых развитий экономики, отставания технологий, техногенных аварий и катастроф, вследствие чего нарушается приспособляемость живых систем к условиям существования». [11, стр.5]. Данное понятие характеризуется тем, что загрязнение остаётся серьёзнейшей проблемой, которая может усугубиться в результате высокого потребления природных ресурсов населением планеты. Химические вещества обеспечивают многочисленные выгоды для человечества, однако они также могут

быть источником значительных пагубных последствий для людей, других живых организмов и экосистем. Из десятков тысяч имеющихся на рынке химических веществ лишь относительно небольшое количество было тщательно изучено на предмет их неблагоприятного воздействия на здоровье человека и окружающую среду. Загрязнители, в том числе синтетические химические вещества, бытовые и промышленные отходы ухудшают качество воздуха, которым мы дышим, воды, которую мы пьём, почвы, в которой мы выращиваем наше продовольствие, и океанов, от которых зависит существование миллионов людей. Объектами биологического (экологического) загрязнения являются почва, которую мы травим различного рода химикатами, атмосфера, в которую выделяются вредные газы, водоёмы, в которые сбрасывают промышленные отходы.

Согласно международным соглашениям четырьмя основными видами загрязнения являются:

1. Загрязнение воздушной среды. Оно возникает главным образом в результате сжигания ископаемых видов топлива и является источником наибольшего экологического риска для здоровья на нашей планете. От загрязнения воздуха в гораздо большей степени страдают наиболее уязвимые группы насе-

ления, включая лиц с умственными ограниченными возможностями. Помимо воздействия атмосферных загрязняющих веществ на здоровье человека, они приводят к изменению климата и влияют на экосистемы.

2. Загрязнение земель и почв. Это загрязнение является результатом применения неудовлетворительных методов ведения сельского хозяйства, неправильного управления ликвидацией твёрдых отходов, включая небезопасное хранение устаревших запасов опасных химических веществ и радиоактивных отходов, а также осуществления широкого спектра промышленной, военной и добывающей деятельности. Наибольшую озабоченность вызывают такие загрязнители, как пестициды и противомикробные препараты, используемые при выращивании сельскохозяйственных культур и в животноводстве.

3. Загрязнение пресной воды. Пресные водоёмы и водотоки, от которых зависит жизнь миллиардов людей в плане водоснабжения, питания и транспорта, серьёзно страдают от смыва питательных (биогенных) веществ при ведении сельскохозяйственных работ, от химических веществ, содержащихся в неочищенных сточных водах. Загрязнение может оказывать серьёзное воздействие на рыб и другое биоразнообразие в таких «чувствительных» пресноводных экосистемах, как реки, озёра и водно-болотистые угодья, и загрязнённые пресные воды могут далее загрязнять земли и почвы и прибрежные воды. Они служат средой обитания различных переносчиков болезней.

4. Загрязнение морской и прибрежной среды. В морские и прибрежные воды поступают отходы и загрязнители, в том числе мусор, нефтепродукты, радиоактивные отходы из наземных источников и, в результате морского судоходства, рыболовства и добывающей деятельности. Питательные (биогенные) вещества, образующиеся в результате ведения сельскохозяйственных работ, являются причиной появления «мёртвых зон» в прибрежных водах, наносящих вред местному рыбному промыслу. Различные загрязнители накапливаются в морской пищевой цепи, создавая риски для птиц, млекопитающих и людей. Ежегодно в океаны поступают и распространяются в них миллионы тонн отходов пластмасс, что создаёт опасности для экосистем и здоровья человека, которые пока ещё не изучены в полной мере.

Для борьбы с подобным рода видами загрязнений в 1972 году была разработана программа ЮНЕП «United Nations Environment Programme», целью которой должна являться организация и проведение различного рода мер, которые направлены на защиту и улучшение окружающей среды для блага нынешнего и будущих поколений. ЮНЕП публикует большое количество отчётов и докладов, относящихся к окружающей среде. Один из таких отчётов был предоставлен в 2017 году на Ассамблее ООН по окружающей среде который был озаглавлен как «На пути к планете без загрязнения», в котором описываются проблемы, связанные с глобальным загрязнением, излагаются текущие условия по борьбе с загрязнением и предполагает 50 действий по решению проблемы. Доклад был представлен исполнительным директором Программы ООН по окружающей среде. Так же ЮНЕП оказывает помощь в области охраны окружающей среды тем, что помогает разрабатывать международные конвенции, направленные на её сохранение.

Помимо этого, правительствами разных стран в попытках решить конкретные вопросы, касаемо загрязнения, были заключены различные соглашения, которые включают: Базельскую конвенцию о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением, Роттердамскую конвенцию о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле, Стокгольмскую конвенцию о стойких органических загрязнителях, Конвенцию о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния, которая охватывает вопросы, касающиеся, в частности, кислотных дождей, Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой, помогающий обратить вспять тенденцию к истощению озонового слоя, и, таким образом, защитить людей, растения и животных от пагубного солнечного излучения. Минаматская конвенция о ртути, вступившая в силу 16 августа 2017 года, направлена на решение проблем загрязнения окружающей среды во взаимосвязи с вопросами охраны здоровья.

Парижское соглашение об изменении климата, которое побуждает многие страны к резкому сокращению выбросов парниковых газов в результате сжигания ископаемого топлива, представляет собой важный шаг вперед в борьбе с загрязнением воздуха и глобальным потеплением. Конвенция о биологическом разнообразии в Айтинских задачах в области биоразнообразия призывает к уменьшению загрязнения с целью замедления процессов сокращения глобального биоразнообразия. Проблема загрязнения прибрежных зон и пресноводных ресурсов, затрагивающего несколько стран, решается в рамках региональных соглашений. Для решения подобных вопросов большинство стран приняли национальную политику и сформировали правовую базу, которые регулируют вопросы загрязнения. Сто шестьдесят семь стран имеют внутреннее законодательство, направленное на решение вопросов, охватываемых Базельской конвенцией. Из них 142 страны имеют законодательство, касающееся конкретных химических веществ или отходов. По данным за 2015 год, более чем 100 стран гарантируют своим гражданам право на здоровую окружающую

среду. По состоянию на 2015 год в 109 странах приняты и применяются стандарты качества воздуха, в 73 странах действуют конкретные стратегии, законодательные акты или нормы по обеспечению качества воздуха, в 104 странах приняты нормы выбросов для транспортных средств.

В попытках решить проблему биологического загрязнения ЮНЕП предлагает следующие средства содействия реализации: поощрение участия граждан с помощью эффективных систем экологической информации на основе сбора данных, мониторинга и открытого доступа, создание экономических инструментов на основе надлежащего ценообразования ресурсов, введение налоговых льгот для стимулирования системных и поведенческих изменений с целью предотвращения и сокращения загрязнения, введение платежей и сборов за загрязнение, инвестирование в развитие сетей мониторинга качества воздуха, систем оценки, институционального потенциала и раскрытие информации для широкой общественности с целью устранения пробелов в создании потенциала, доступе к данным, информированности и осведомленности, Принятие и обеспечение исполнения национальных директивных документов по регулированию пресноводных экосистем в целях защиты и восстановления водно-болотных угодий и других природных систем, обеспечивающих очистку воды, восстановление загрязненных площадок, создание систем сбора отходов в прибрежных районах и учреждение программ мониторинга морского мусора с целью получения информации для принятия мер на начальном этапе цикла. [10, стр. 43]

Меры по борьбе с загрязнением успешно осуществляются, однако их содержание, масштаб и эффективность все еще носят ограниченный характер. Многие многосторонние природоохранные соглашения не столь эффективны, как они могли бы быть, из-за отсутствия институционального потенциала или ресурсов. Кроме того, в некоторых случаях, даже когда имеются научные доказательства опасности химических веществ или материалов для здоровья и экосистем, необходимые глобальные или национальные стратегические меры пока еще не разработаны.

Литература:

1. Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (Базель, 22 марта 1989 г.): [//www.un.org](http://www.un.org)
2. Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния (13 ноября 1979 года): [//www.un.org](http://www.un.org)
3. Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года): [// www.un.org](http://www.un.org)
4. Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой (Монреаль, 16 сентября 1987 год): [//www.un.org](http://www.un.org)
5. Минаматская конвенция о ртути (10 октября 2013 год): [//www.un.org](http://www.un.org)
6. Парижское соглашение об изменении климата (Париж, 30 ноября 2015 год): [//www.un.org](http://www.un.org)
7. Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях (Стокгольм, 22 мая 2001 года): [//www.un.org](http://www.un.org)
8. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N7-ФЗ: [//www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
9. UNEP Towards a pollution-free planet: Report of the Executive Director 15 октября 2017: [//www.unenvironment.org](http://www.unenvironment.org)
10. Борис и Тимур Невзоровы «Условия обеспечения экологической безопасности в Кузбассе: нокологический подход»/ Кемеровский государственный университет 2017 год.

Патентные права: особенности правового регулирования в сфере цифровой экономики

Сивак Инна Алексеевна, студент

Южный университет (Институт управления, бизнеса и права) (г. Ростов-на-Дону)

Актуальность данной темы обусловлена приоритетностью реализации национальной программы «Цифровая экономика» в РФ для повышения конкурентоспособности страны в мировом масштабе, посредством совершенствования цифровой отрасли и внедрения её в привычные процессы для их оптимизации. Особенностью регулирования патентного права в цифровой экономике выступает отсутствие четкой законодательной базы, так как сфера не изучена до конца и реализации программы находится в процессе. Помимо прочего, для цифровой экономики свойственны изменения, ввиду чего, регулирование её должно быть гибким и способным к изменениям.

Ключевые слова: цифровая экономика, интеллектуальная собственность, патент, патентные права, национальный проект, нормативно-правовое регулирование, нормативно-правовой акт.

Patent rights: features of legal regulation in the digital economy

The relevance of this topic is due to the priority of implementing the national program «Digital economy» in the Russian Federation to increase the country's competitiveness on a global scale, by improving the digital industry and introducing it into the usual processes for their optimization. A special feature of patent law regulation in the digital economy is the lack of a clear legal framework, since the field is not fully studied and the implementation of the program is in progress. Among other things, the digital economy is characterized by changes, which means that its regulation should be flexible and capable of change.

Key words: digital economy, intellectual property, patent, patent rights, national project, legal regulation, legal act.

В настоящее время одной из наиболее динамично развивающихся отраслей экономики является цифровая экономика, в значительной степени обуславливающая экономическое развитие страны в перспективе. Активное развитие цифровой экономики влияет не только на рынок информационных товаров и услуг, но и в целом, цифровизация экономики привносит изменения во все привычные сферы жизни устоявшегося общественного строя, вызывая необходимость адаптироваться к ним как со стороны потребителей, так и с государственной стороны, со стороны бизнеса и промышленности.

Развитие цифровой экономики и её внедрение в разных сферах общества способствует образованию более эффективного экономического поведения, способного значительно увеличить экономический потенциал страны. Но, в то же время, отсутствие четкой базы правового обеспечения в этой сфере может привести к тому, что потенциальные возможности данной сферы экономики будут воплощены не в полной мере или к образованию других рисков [1, с.26].

Основой цифровой экономики выступает использование информационных технологий, для внедрения цифровой экономики в привычный строй какой-либо отрасли, организации или проекта необходимо создание определенных информационных ресурсов, которые в свою очередь, подлежат регистрации в качестве объекта интеллектуальной собственности, особенности регулирования которых мы и рассмотрим в данной статье.

В условиях современного функционирования экономики, нематериальные активы и объекты интеллектуальной собственности невозможно переоценить по их значимости, так как они являются катализатором развития большинства экономических отраслей. [2, с. 34].

Наличие права на владение интеллектуальной собственностью является инновационным стимулом для владельца, поскольку дает возможность пользования исключительными правами на изобретения и результаты творческой деятельности для организаций или отдельных лиц. Получение патента на изобретение позволяет владельцам извлекать прибыль от использования своих уникальных проектов, ограничивая возможность свободного использования конкурентами данных активов.

Однако, в сфере патентного регулирования в цифровой экономике существует значительный нюанс: с одной стороны, наличие патента на изобретение позволяет правообладателю иметь исключительные права на временное монопольное пользование созданным продуктом, с другой стороны — одной из функций патентной системы является раскрытие технических решений изобретения, что подразумевает наличие возможности со стороны конкурентов усовершенствовать технологию и создать более перспективный продукт, что стимулирует технический прогресс.

Как известно, в настоящее время активно происходит реализация программы «Цифровая экономика», утвержденной президентом РФ в 2017 году, и одной из сфер её реализации является план мероприятий «Нормативное регулирование». Этот план мероприятий отвечает за внесение ряда изменений в нормативно-правовые акты и пункты ГК РФ для должного регулирования интеллектуальной собственности в цифровой экономике [3, с.67].

План мероприятий включает в себя устранение правовой неопределенности с помощью добавления информации к объектам гражданского права, что послужит более эффективному использованию результатов интеллектуальной деятельности.

В планах также и уточнение порядка осуществления программ для ЭВМ и корректировка таких понятий, как «программа» и «программное обеспечение». Помимо прочего, планируется обеспечение равной правовой охраны различных видов программ, вне зависимости от их назначения, особенностей создания и эксплуатации [4, с.20].

В рамках эффективного использования интеллектуальной собственности внедрено обеспечение возможности описывать их в виде цифровых моделей и получать патенты и свидетельства в электронной форме.

В отношении нормативного регулирования, согласно плану, будет произведено уточнение особенностей отношений владельцев исключительных прав на объекты, и установлены возможности признания совершения сделок с правами на результаты интеллектуальной деятельности.

По мнению экспертов, одной из проблем, связанных с патентами в цифровой экономике, является непосредственная регистрация патентного права. Проблема связана с отсутствием адаптации со стороны государства к реальным требованиям индустрии в условиях быстрых изменений и цифровизации. По результатам инженерных разработок, объект интеллектуальной деятельности приобретает форму трехмерной модели и мгновенно направляется на производство, в то время как защиты патента приходится ждать не один месяц, что образует проблему. Патентное ведомство в качестве монополиста на регистрацию патента создает барьер для роста сферы цифровой экономики, вынуждая её работать в неудобной форме, ввиду

чего необходима реорганизация процесса и его адаптация к текущему функционированию развивающейся цифровой среды.

Однако со слов главы патентного ведомства, причинами стагнации патентной активности является отсутствие гарантированной достойной суммы вознаграждения за изобретение при его патентовании, недостаточный уровень финансирования НИОКР, нехватка специалистов в сфере интеллектуальных разработок, отсутствие четко скоординированной системы трансфера технологий, отсутствие системы управления интеллектуальной собственностью на всех уровнях.

Несмотря на существующие недостатки, патентное ведомство стремится соответствовать требованиям рынка цифровой экономики, ввиду чего совершенствуются электронные сервисы, использует элементы искусственного интеллекта при осуществлении экспертизы по входящим заявкам, обновляет программное обеспечение с использованием отечественных разработок. Также осуществлен запуск сервиса, объединившего в себе поисковые разработки российских специалистов информационной сферы и экспертные компетенции патентного ведомства [5].

Согласно задачам и результатам национальной программы федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды», в рамках реализации программы «Цифровая экономика», формирование правовых условий для наиболее эффективного использования результатов интеллектуальной деятельности в условиях цифровой экономики планируется не ранее 31 декабря 2020 года [6].

Литература:

1. Беликова К.М. Особенности правового регулирования цифровой интеллектуальной экономики // Современная жизнь в науке.— 2018.— № 8. с. 26–30. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-tsifrovoy-intellektualnoy-ekonomiki/viewer> (дата обращения: 03.11.2020).
2. Миронов В.Н. Особенности патентования в цифровой экономике // Цифровая экономика.— 2019.— № 3(7). с. 34–43. [Электронный ресурс]. URL: <http://digital-economy.ru/stati/osobennosti-patentovaniya-v-tsifrovoy-ekonomike> (дата обращения: 03.11.2020).
3. Лопатин В.Н. Правовые риски интеллектуальной собственности при переходе к цифровой экономике в ЕАЭС // ПРАВО. ВУ.— 2018.— № 6(56). с. 64–70. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36983675> (дата обращения: 03.11.2020).
4. Усольцева С.В. Правовое регулирование интеллектуальной собственности в условиях цифровой экономики (Обзор законопроектной работы) // Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет.— 2018.— № 1. с. 19–25. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-intellektualnoy-sobstvennosti-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki-obzor-zakonoproektnoy-raboty-statya> (дата обращения: 03.11.2020).
5. Цифровой патент: Министр экономического развития оценил работу Федеральной службы по интеллектуальной собственности // Федеральная служба по интеллектуальной собственности «Роспатент». [Электронный ресурс]. URL: <https://gospatent.gov.ru/ru/news/itogi1-kollegia-22032019> (дата обращения: 03.11.2020).
6. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. N16) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/72190282/> (дата обращения: 03.11.2020).

Понятие ипотечного жилищного кредитования и его гражданско-правовое регулирование

Старицина Анастасия Андреевна, студент
Тольяттинский государственный университет

Необходимость изучения такого института как ипотечное жилищное кредитование является очень актуальной. В Российской Федерации вопросу обеспечения граждан жильем уделяется повышенное внимание, поэтому необходимо комплексное и системное рассмотрение не только понятия данного института, но и источников гражданского права Российской Федерации по данной теме.

Ключевые слова: ипотечное жилищное кредитование, гражданско-правовое регулирование, ипотека, ипотечное кредитование.

В России в последние годы стал активно развиваться такой правовой институт как ипотечное жилищное кредитование (далее — ИЖК). Интерес к ИЖК обусловлен не только относительной новизной для правоотношений, возникающих в России в экономической и правовой сфере, но и не разрешенными вопросами теоретического и практического порядка, возникающие при реализации прав, вытекающих из залога.

Следует отметить, что современное понятие «ипотечное» появилось не сразу. Развитие товарно-денежных отношений и экономических потребностей граждан сподвигло появлению данного определения. Данное понятие появилось еще в Древней Греции, а многовековое развитие ипотечного кредитования только укрепило его. Изучением данного вопроса на сегодняшний день занимается множество. В первую очередь рассмотрим понятие «ипотечное кредитование», данное различными авторами.

Яковлев А. А. и Благих И. А. считают, что ипотечный кредит — это кредит, отличающийся рядом особенностей, связанных с необходимостью обеспечения дополнительной защиты прав залогодержателя посредством государственной регистрации залога и его способностью сохранять в течение длительного срока потребительские свойства как объекта недвижимости [3].

Чибисова Д. Е. раскрывает данное понятие как экономические отношения, связанные с образованием и движением ссуженной стоимости [10], а Леошина А. А. как особый банковский продукт, который позволяет более быстрым способом разрешить жилищный вопрос [6].

Наиболее полное определение дал Волков А. А. По его мнению, ипотечное кредитование — это предоставление долгосрочных кредитов специализированными организациями (коммерческие банки, АИЖК, жилищно-потребительские кооперативы и т. д.) под залог недвижимого имущества на строительство или приобретение недвижимости. В своем определении Волков А. А. учел то, что кредитором может являться не только коммерческий банк, но и другие специализированные организации [4].

По моему мнению, под ипотечным кредитованием мы будем понимать предоставление долгосрочного кредита специализированными организациями, выданный под залог недвижимости на приобретение или строительство жилой недвижимости. Таким образом кредит, выданный под залог недвижимости будет являться основной особенностью и специфической чертой ипотечного жилищного кредитования.

ИЖК в России долгое время не имело активного развития и сдерживалось отсутствием нормативно правовой базы, которая регулирует сделки с залоговым недвижимым имуществом, а также отсутствием законодательных актов, регламентирующих деятельность организаций, занимающихся недвижимостью. В настоящее время ипотечное жилищное кредитование регулируется гражданским законодательством, федеральными законами, а также другими нормативно правовыми актами.

Основополагающим нормативно правовым актом, регулирующим сделки с недвижимостью в Российской Федерации, является Конституция, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г. Ст. 40 Конституции Российской Федерации закрепляет права граждан на жилище, а ст. 35 закрепляет права граждан на частную собственность, что дает гражданам возможность свободно владеть, пользоваться и распоряжаться своим жильем, выступать с ней на рынке недвижимости, а также создавать капитал в виде недвижимой жилой собственности [5].

Следующим шагом в развитии ипотечного законодательства стало принятие первой и второй части Гражданского кодекса Российской Федерации 30.11.1994 г. и 26.01.1996 г. соответственно.

Общие правила о залоге содержатся в параграфе 3 главы 23 ГК РФ.

Ст. 128 ГК РФ закрепляет виды объектов гражданских прав, ст. 131 ГК РФ говорит об обязательности государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, глава 7 регулирует права, связанные с ценными бумагами, глава 9 закрепляет понятия, виды и формы сделок, а главы 13, 14, 15 регулируют общие положения о праве собственности и другие вещные права, их приобретение и прекращение.

Глава 23 ГК РФ закрепляет общие положения об обязательствах, включая залог, а также обращения взыскания на заложенное имущество.

ГК РФ в п. 1 ст. 334 законодательно закрепляет понятие «ипотека», где кредитор по обеспеченному залогом обязательству (залогодержатель) имеет право в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества (предмета залога) преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит заложенное имущество (залогодателя) [2].

27 глава ГК РФ ввела понятие договора и правила его заключения, а 30 глава отобразила основные положения, связанные с куплей-продажей [1].

Нормами гражданского кодекса РФ было предусмотрено создание и принятие других специальных федеральных законов. Так, в 2015 г. был принят Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» [8].

Одним из основных нормативно-правовых актов, регулирующих систему отношений ипотечного жилищного кредитования, является Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» принятый 16.07.1998 г. Данный закон способствовал расширению возможности использования ипотечного жилищного кредитования в качестве надёжного средства для обеспечения кредита. Закон устанавливает основания возникновения ипотеки, ее регулирование, порядок заключения договора об ипотеке и др. В отдельных главах раскрыты положения о закладной, порядок государственной регистрации ипотеки, переход прав на имущество, заложенное по договору об ипотеке, уступке прав по договору об ипотеке, а также передача и залог закладной. Особое внимание следует уделить главе, посвященной обращению взыскания на имущество, заложенное по договору об ипотеке [9].

С принятием Концепции развития ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации в 2000 г. ипотечное жилищное кредитование начало приобретать законодательно-урегулированные черты. Данный документ стал основополагающим при создании системы долгосрочного ипотечного кредитования в России. Он включает в себя предоставление

долгосрочных ипотечных кредитов, а также концепцию совершенствования законодательной и нормативной базы долгосрочного ипотечного жилищного кредитования [7]. Также ИЖК регулируются и другими нормативно-правовыми актами.

Подводя итог, следует отметить, что в настоящее время ипотека занимает огромное место в развитии России, обладает таким свойством как интеграция, ведь банки, занимающиеся ИЖК, работают в тесном союзе с застройщиками, риелторами и брокерами, кроме того, свойство унифицированности говорит нам о том, что в настоящее время формируются единые стандарты в ипотечном кредитовании. Формирование системы ипотечного жилищного кредитования является приоритетной задачей для государства, для этого была создана Концепция развития системы ипотечного жилищного кредитования, которая ориентирована на нормативное регулирование и создание правовой базы ипотечного жилищного кредитования для повышения доступности жилья для граждан и минимизации финансовых рисков кредиторов. Совершенно ясно, что законодательная база в части ипотечного кредитования недостаточно полна и имеет противоречия, что влияет на эффективное участие банков в ипотечном кредитовании. Поэтому принятое Постановление может помочь устранить некоторые препятствия на пути развития ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ. (ред. от 27.12.2019) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант.Плюс» — Режим доступа: <http://consultant.ru/>.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // Справочно-правовая система «Консультант.Плюс» — Режим доступа: <http://consultant.ru/>.
3. Благих И. А., Яковлев А. А. Ипотечное кредитование в Российской Федерации // Проблемы современной экономики, 2010. № 3. С. 227–231
4. Волков А. А. Ипотечное кредитование: сущность, функции и классификация // Вестник академии знаний, 2020. С. 324–334
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993.) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2017 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант.Плюс» — Режим доступа: <http://consultant.ru/>.
6. Леошина А. А. Развитие ипотечного кредитования в России // Наука и образование: Новое время. 2019. № 1 (30). С. 242–245.
7. Постановление Правительства РФ от 11.01.2000 № 28 (ред. от 08.05.2002) «О мерах по развитию системы ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации» (вместе с «Концепцией развития системы ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации», «Планом подготовки проектов нормативных правовых актов, обеспечивающих развитие системы ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации») [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант.Плюс» — Режим доступа: <http://consultant.ru/>.
8. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О государственной регистрации недвижимости» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант.Плюс» — Режим доступа: <http://consultant.ru/>.
9. Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант.Плюс» — Режим доступа: <http://consultant.ru/>.
10. Чибисова Д. Е. Ипотечное кредитование: сущность и принципы построения // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых-2019 Сборник научных статей 8-й Международной молодежной научной конференции, в 6-х томах. Ответственный редактор Горохов А. А. 2019. С. 468–471.

Какие изменения ждут Конституционный суд РФ

Суббочев Денис Олегович, студент магистратуры

Среднерусский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Орел)

Статья посвящена вопросам развития судебной власти функционирования судебной системы

Ключевые слова: судебная система, Конституционный суд, законодательство.

За все время самой крупной реформой в судебной системе являются поправки в Федеральный конституционный закон о Конституционном суде РФ. Данный закон содержит 117 статей, большую часть в той или иной степени изменения коснулись, осталась лишь одна неприкосновенная глава (XI), регулирующая процедуру рассмотрения в Конституционном Суде дел по спорам о компетенции.

После судебной реформы 2020 года произошло уменьшение численности судей с 19 до 11 (включая Председателя Конституционного Суда и его заместителя); меняется порядок прекращения полномочий судей, теперь только Советом Федерации по представлению главы государства; изменен состав структуры руководства Суда раньше было два заместителя, а сейчас один.

Конкретизируется компетенция Конституционного суда, изменятся устройство и правовое положение судьи по отдельным вопросам конституционного судопроизводства.

Так, сокращение численности судей уменьшает рабочий состав до 8, соответственно уменьшается и кворум в заседании. Судебные решения принимаются, если в нем участвуют 6 судей.

Из Закона исключено положение о том, что председатель КС и его заместитель назначаются «из числа судей Конституционного Суда». Это открывает возможность наделения нового лица руководящими полномочиями одним действием — одновременно с назначением его судьей. Кстати, депутаты Госдумы и члены Совета Федерации впредь не смогут выдвигать предложения о кандидатуре судьи — это правомочно делать комитеты палат парламента [4].

Снизится загруженность судей, так как определения Конституционный Суд не будут подлежать разъяснению (ч. 1 ст. 83).

За судьями Конституционного Суда сохранятся несменяемость и независимости, но утрачивается — право на публичное особое мнение (ч. 4 ст. 76). Но появляется запрет на критику, как в средствах массовой информации так и во всех сетях интернет на решения Суда (ч. 4 ст. 11) и обнародование своего несогласия с решением (ч. 3 ст. 43, ч. 5 ст. 70) [2]. Судьям Конституционного суда запрещается вступать в дискуссию, опубликовывать или разглашать результаты голосования из закрытого совещания.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации // СЗ РФ, — 01.07.2020, — № 31, Ст. 4398.
2. О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ от 21.07.1994 (в ред. от 09.11.2020) // СЗ РФ. — 1994. — № 13. — Ст. 1447; 2020. — № 1. — Ст. 2.
3. Ветрова, О. А. Судебная система РФ: новеллы и перспективы // Наука и практика. — 2015. — № 4 — С. 30–33.
4. Сергеев, С. Л. Судебная власть и конституционное правосудие в контексте принципа разделения властей // Журнал конституционного правосудия. — 2020. — № 2 (26). — С. 9–13.

Если имеются сомнения в объективности судебного решения и беспристрастности судьбы, то его могут отстранить от участия в рассмотрении дела или прекратить полномочия судей включая Председателя суда и его заместителя ссылаясь на невозможность осуществления судьей своих полномочий.

Согласно новым поправкам в Конституционный Суд по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод могут обращаться граждане, юридические лица, а также Уполномоченный по правам человека, общероссийские организации и иные органы и должностные лица в соответствии с федеральным законом предоставляющие интересы первых.

В соответствии с изменениями в Конституции Конституционный Суд получает в том числе право проверки на соответствие нормам основного закона страны не вступивших в силу законодательных актов.

К началу 2023 года планируется упразднить все региональные конституционные (уставные) суды. А регионы получают право принимать «решение о создании конституционных (уставных) советов», действующих при законодательных органах власти. Поэтому суды не будут рассматривать новые дела, а будут завершать рассмотрение уже принятых дел, в такие суды не будут назначать новых судей, а судьям, вышедшим в отставку из-за новых норм, сохранятся все их социальные гарантии. Новые судьи в регионах также не будут назначаться после вступления законопроекта в силу. Судьи, которые будут работать в этих судах на момент их упразднения, сохранят гарантии, включая материальное и социальное обеспечение.

Это негативно скажется на проблеме защиты прав и свобод граждан, охране конституционной законности в регионах. В своих публикациях о проблеме он писал, что при необходимости снижения финансовой нагрузки на бюджеты регионов из-за финансирования Конституционного Суда, власти могли бы дать судьям возможность совмещать должности. Сейчас, согласно закону, такие судьи замещают государственные должности и в этом случае могут заниматься только преподавательской, творческой или научной деятельностью, а вот другими видами — нет. Также такие судьи не могут одновременно работать в Конституционном суде и в федеральном. Отсюда и их высокая зарплата.

Договор розничной купли-продажи. Вопросы гражданско-правового регулирования

Татарина Татьяна Владимировна, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В данной статье рассмотрен договор розничной купли-продажи, а именно вопросы толкования и применения отдельных норм российского гражданского законодательства о договоре розничной купли-продажи.

Ключевые слова: договор розничной купли-продажи, розничная торговля, консенсуальный договор.

Договор купли-продажи является одним из самых известных и распространенных видов договоров. Согласно п. 1 ст. 45 ГК РФ по этому договору, одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель — принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену) (п. 1 ст. 45 ГК РФ). В связи с этим возникают обязательственные правоотношения между продавцом и покупателем, так же покупатель получает абсолютное вещное право, то есть право собственности на имущество, которое он купил.

Такой вид договора купли-продажи как розничная купля-продажа весьма часто используется среди других разновидностей договора купли-продажи. Данный договор находится на первом месте в сфере удовлетворения потребностей граждан. Суть купли-продажи в розницу заключается в продаже отдельных экземпляров товара или в малом количестве, достаточном для удовлетворения повседневных нужд. Определение розничной торговли закреплено в Федеральном законе «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации». Розничная торговля это вид торговой деятельности, связанный с приобретением и продажей товаров для их последующего использования в личных, семейных, домашних и иных целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности [1]. В гражданском законодательстве отношения связанные с куплей-продажей регулируются в главе 30 второй части Гражданского кодекса Российской Федерации. В частности, статьей 492, где сказано, что по договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать другой стороне (покупателю) товар. Отсюда можно сделать вывод, что отношения покупателя и продавца относят такой договор к взаимному договору. Взаимность обязанностей покупателя и продавца выявляет возмездность и двухсторонний характер договора [2].

Согласно Закону Российской Федерации «О защите прав потребителей» на стороне покупателя всегда находится гражданин-потребитель, который имеет цель приобрести заказ товара (работы, услуги) только лишь для личных, домашних и других нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности [3]. Данный момент связан с тем, что этот закон не регулирует приобретение товаров юридическими лицами. Далее следует указать на то, что продавцом согласно вышеуказанному закону является организация, в независимости от ее организационно-правовой формы, и индивидуальный предприниматель, осуществляющий свою деятельность посредством договоров купли-продажи. Следовательно, из вышеизложенного можно выделить признак того, что существует неравное положение между продавцом и покупателем. Покупатель не обладает достаточными знаниями или опытом в тор-

говой деятельности, в отличие от продавца. Отсюда очевидно, что покупатель является слабой стороной.

Возвращаясь к договору купли-продажи, стоит отметить, что он является публичным и заключается лишь посредством оферты, то есть заключается лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность или иную приносящую доход деятельность, по аналогичной цене для всех категорий потребителей, без установления преимуществ для отдельных лиц [6]. Также стоит учитывать такую особенность договора розничной купли-продажи как то, что он является консенсуальным. Это означает, что стороны подходят к его заключению посредством согласования условий данного договора. В своей работе Б.Л. Хаскельберг утверждает: «консенсуальность обеспечивается в силу указания в законе на обязанность, в связи, с чем в таких договорах одна сторона обязуется совершить в пользу другой стороны необходимое действие, при этом такая обязанность может быть как при совершении договора, так и в более позднее время» [7]. Что касается законной обоснованности консенсуальности, то тут возникают некие противоречия. Так, согласно 492 статьи ГК РФ, продавец обязуется передать товар, а согласно статье 493 ГК РФ момент заключения розничной купли-продажи состоит в выдаче продавцом покупателю кассового или товарного чека, которые подтверждают факт оплаты. В данном случае оплата выступает способом выражения воли к заключению договора, что является собой показатель консенсуальности.

Договор розничной купли-продажи, по способу заключения, является договором присоединения и является, как уже было отмечено, заключенным в надлежащей форме с момента выдачи продавцом покупателю кассового или товарного чека [8]. Однако, если у покупателя нет данных документов, это вовсе не означает, что он не сможет доказать заключение договора, у него есть возможность привлечь свидетельские показания.

В договорах розничной купли-продажи законно закрепляются преддоговорные обязанности, что считается ключевым моментом. Так согласно ст. 495 ГК РФ, продавец обязан предоставить покупателю необходимую и достоверную информацию о товаре, предлагаемом к продаже, соответствующую установленным законом, иными правовыми актами и обычно предъявляемым в розничной торговле требованиям к содержанию и способам предоставления такой информации [2]. Что касается покупателя, то он имеет право до заключения договора розничной купли-продажи, провести осмотр товара, потребовать произвести проверку свойств или демонстрации использования товара, при условии, что это не исключено ввиду характера товара и не будет противоречить правилам, принятым в розничной торговле [4]. Договор розничной купли-продажи

может быть заключен в устной или простой письменной форме. Во многих юридических работах прослеживается утверждение о том, что все-таки более частой формой заключения данных договоров является его заключение в устной форме. Так, в своей работе В.В. Витрянский утверждает: «Договор розничной купли-продажи, как правило, заключается устно, так как его исполнение происходит одновременно с совершением» [5].

Таким образом, договор розничной купли-продажи — это приглашение, согласно которому продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность по продаже товаров в розницу, обязуется передать покупателю товар, предназначенный для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью. Является консенсуальным, публичным и заключается лишь посредством оферты.

Литература:

1. Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 дек. 2009 г. № 381-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010 № 1. Ст. 2.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон Российской Федерации от 21 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Федеральный Закон от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (с изм. от 1 января 2010 г.) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 3. — Ст. 140; Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 23. — Ст. 2776.
4. Смирных, А. Г. Защита интересов добросовестного приобретателя / А. Г. Смирных. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2001. — № 11.
5. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: договоры о передаче имущества. — 2-е издание — М.: Статут, 2005.
6. Договорное право. Особенная часть: учебник для бакалавриата и магистратуры / Е. В. Иванова. М., 2016. 394 с.
7. Хаскельберг Б. Л. Гражданское право: Избранные труды. Томск, 2008.
8. Пахаруков, А. А. О некоторых проблемных вопросах гражданско-правового регулирования розничной торговли / А. А. Пахаруков. — Текст: непосредственный // Современная наука: теория и практика. — 2014.
9. Иванова. Е. В. Гражданское право. Особенная часть: учебник / Е. В. Иванова. — Москва: Юрайт, 2015.

Соотношение задатка и аванса: доктринальные позиции и судебная практика

Татарина Татьяна Владимировна, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В данной статье рассмотрены такие способы обеспечения исполнения обязательств как задаток и аванс. Исследуются их определения и функции, а также сходства и различия.

Ключевые слова: *способы обеспечения исполнения обязательств, задаток, аванс, стороны соглашения, неисполнение договора.*

Задаток является способом обеспечения исполнения обязательств. Так как одно вытекает из другого, то следует дать определение и обязательству. Оно закреплено в статье 307 Гражданского кодекса Российской Федерации — «В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности [1, ст. 307]. Исходя из этого определения, можно сделать вывод, что у должника существуют лишь обязанности, но на самом деле законодательство также наделяет должника и правами, защищая его интересы на равных с кредитором. Наряду с задатком, существующий гражданский кодекс устанавливает некоторые другие способы исполнения обязательств. Это следующие закрепленные в законодательстве способы: неустойка, залог, удержание, поручительство, банковская гарантия и сам задаток. Тем не менее, данный перечень не является исчерпывающим, так

как законом или договором могут быть предусмотрены другие способы обеспечения исполнения обязательств [1, ст. 329, п. 1]. В доктрине способы обеспечения исполнения обязательства именуется акцессорными, что означает дополнительными, так как они зависят от факта нарушения основного обязательства.

В данной статье ключевое внимание будет уделяться таким способам обеспечения исполнения обязательств, как задаток и аванс, их соотношению и доктринальным позициям. Итак, согласно гражданскому кодексу задатком признается денежная сумма, выдаваемая одной из договаривающихся сторон в счет причитающихся с нее по договору платежей другой стороне, в доказательство заключения договора и в обеспечение его исполнения [1, ст. 380]. Что касается аванса, то тут возникают небольшие трудности, которые связаны с тем, что в законодательстве нет точного определения понятия аванса. Несмотря на это, данное понятие все же употребляется в некоторых нормативных актах, к примеру, в налоговом кодексе. Также понятие аванса звучит и в судебной практике, к примеру, в постановлении АС Московского округа от 17.03.2015 по делу

№ А40–64439/14, в котором прописывается, что аванс, так же как и задаток, выполняет платежную функцию.

Исходя из определения понятия задатка, можно выделить его неотъемлемые функции. Во-первых, это платежная функция. Согласно этой функции задаток может быть выдан только той стороной по договору, на которой лежит обязанность осуществлять денежные платежи за предоставление, осуществляемое контрагентом по договору [4]. Далее мы выделяем доказательственную функцию, что означает, что задаток выдается только по существу договора. Следующая функция — обеспечительная, суть которой составляет потеря задатка одной стороной или возвращение его другой в двойном размере. Более того задаток имеет ряд особенностей, его содержание четко выражено в законодательстве. Задаток должен быть возвращен, при прекращении обязательства до начала его исполнения по соглашению сторон либо вследствие невозможности исполнения (ст. 416 ГК РФ). Сторона, являющаяся ответственной за неисполнение договора, обязана возместить другой стороне убытки с учетом суммы задатка, если в договоре не предусмотрено иное. К тому же закон указывает, что соглашение о задатке независимо от его суммы должно быть оформлено письменно (п. 2 ст. 380 ГК РФ). Отсюда очевидно, что ситуация зависит от воли сторон и договор о задатке может быть включен сам текст документа, может быть оформлен в качестве дополнительного документа к договору либо может быть заключенным посредством обмена документами между сторонами с использованием различных видов связи. За неисполнение договора ответственной стороной, получившая задаток обязана уплатить другой стороне двойную сумму задатка. Также, за неисполнение договора ответственной стороной, давшая задаток оставляет задаток у другой стороны. В случае сомнения в плане того, является ли сумма, уплаченная в счет причитающихся со стороны по договору платежей, задатком, а именно в результате несоблюдения нормы, установленной п. 2 ст. 380 ГК РФ, эта сумма считается уплаченной в качестве аванса, если не доказано иное. Однако, как уже было сказано выше, закон не дает раскрытия понятия и смысла аванса, но предлагает исходить из определения задатка.

В общей сложности, задаток и аванс, безусловно, имеют сходства, однако наряду со сходствами, есть и существенные отличия. Для начала, в отличие от задатка аванс не выполняет обеспечительной функции. В связи с этим сторона, которая выдавала аванс, имеет право истребовать его возвращение в случае прекращения обязательства по соглашению сторон до начала его исполнения, а также в случае неисполнения договора. Отличием является то, что согласно п. 1 ст. 381 ГК задаток должен быть возвращен только при прекращении обеспечиваемого обязательства до начала его исполнения, по соглашению сторон либо вследствие невозможности исполнения, то есть если получившей стороной, ранее были произведены какие-либо правомерные траты по данному обязательству (ст. 416 ГК). Далее,

как было отмечено выше, соглашение о задатке должно быть принято в письменной форме. Что касается аванса, то в гражданском кодексе РФ не содержится каких-либо определенных требований, относимых к форме соглашения об авансе. Однако согласно п. 3 ст. 380 ГК РФ, при несоблюдении письменной формы соглашения о задатке сумма, уплаченная в счет причитающихся по договору платежей, считается авансом, если не доказано иное. Исходя из этого, соглашение об авансе может быть заключено в устной форме (ст. 159 ГК РФ). Тем не менее в п. 2 ст. 161 ГК РФ указано, что простая письменная форма соглашения об авансе является обязательной для физических лиц, если сумма аванса превышает 10 МРОТ, а для юридических лиц — в независимости от суммы сделки (ст. 808 ГК РФ). Несоблюдение данной нормы ведет к невозможности стороны в случае спора сослаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но в то же время не отнимает у них права приводить письменные и другие доказательства (п. 1 ст. 162 ГК РФ).

Переходя к следующему пункту, стоит отметить, что за неисполнение договора ответственной стороной, которая получила задаток, обязана уплатить другой стороне двойную сумму задатка. Что касается аванса, то он не является способом обеспечения исполнения обязательств и не является доказательством заключения договора, а носит лишь платежную функцию. Во всех случаях неисполнения договора сторона, которая выдавала аванс, имеет право требовать его возвращения в одинарном размере, в то время как, виновная в крахе сделке сторона не несет никаких штрафов. Однако есть исключения — это ситуации, когда стороны в соглашении об авансе предусмотрели уплату неустойки (ст. ст. 330, 331 ГК РФ). Следующим существенным отличием является то, что отказ от возврата аванса признается неосновательным обогащением и подлежит возврату в соответствии с п. 1 ст. 1102 ГК РФ. Так как плата аванса является денежным обязательством, в соответствии с п. 1 ст. 395 ГК РФ, сторона, которая уклоняется от его возврата, несет ответственность за необоснованное пользование чужими денежными средствами в форме оплаты процентов на сумму этих средств.

Согласно доктринальным позициям, мнение ученых расходятся. Например, А. Медведев считает, что задаток и аванс следует рассматривать с точки зрения исчисления налога на добавленную стоимость (НДС) [5]. Он полагает, что термины гражданского права и налогового права не совсем совпадают, в связи с чем, в законодательстве существуют расхождения в толковании понятия задатка и аванса. Мнение Медведева совпадает с А. А. Серветника, который в свою очередь высказывает ту же мысль, что невозможно согласиться с расхождениями в понятиях задатка и аванса в налоговом и гражданском кодексах, так как они составляют единый слаженный механизм российского законодательства, следовательно, расхождения недопустимы [6].

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019)
2. Постановление АС Московского округа от 17.03.2015 по делу № А40–64439/14

3. Определение Верховного Суда РФ от 13.11.2012 № 11-КГ12–20
4. Суханов, Е. А. Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Том II. Обязательственное право / Отв. ред. Е. А. Суханов. / Е. А. Суханов. — Москва: Статут, 2011. — 1208 с.
5. Медведев, А. А. Чем является задаток с точки зрения начисления НДС? / А. А. Медведев. — Текст: непосредственный // Хозяйство и право. — 2016.
6. Серветник, А. А. Аренда нежилых помещений: применение органами государственной службы гражданско-правовых норм / А. А. Серветник. — Текст: непосредственный // Реформирование государственной службы: проблемы кадровой политики и пути их решения: материалы межрегиональной научно-практической конференции. — Саратов, 2002.

Проблемы, существующие на практике при привлечении к административной ответственности за фиктивное или преднамеренное банкротство

Ульянова Ангелина Александровна, студент магистратуры

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

На практике возникает достаточно много проблем при привлечении виновных лиц к административной ответственности за фиктивное или преднамеренное банкротство. Также хотелось бы отметить, что самой практики катастрофически мало по статье 14.12 Кодекса об Административных правонарушениях Российской Федерации (далее по тексту — КоАП РФ).

Рассмотрим некоторые из существующих проблем при привлечении к административной ответственности за фиктивное или преднамеренное банкротство.

1. А. С. Яценко выделяет фактор, усложняющий применение существующего законодательства, — недостаточный уровень подготовки специалистов правоохранительных органов, расследующих неправомерные действия при банкротстве. Квалифицированный специалист должен быть компетентен как в вопросах юриспруденции, так и в вопросах экономики. При этом кадровые ресурсы зачастую не обладают знаниями в обеих областях [13].

Данная позиция применима также и к арбитражным управляющим, которые составляют заключение о наличии (отсутствии) признаков преднамеренного или фиктивного банкротства должника. В соответствии с ч. 3 ст. 20.2 Федерального закона от 26.10.2002 N127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту — Закон о банкротстве) конкурсный кредитор или уполномоченный орган, являющиеся заявителями по делу о банкротстве, либо собрание кредиторов вправе выдвигать к кандидатуре арбитражного управляющего в деле о банкротстве следующие дополнительные требования: наличие высшего юридического или экономического образования либо образования по специальности, соответствующей сфере деятельности должника. Без должной профессиональной подготовки арбитражный управляющий попросту не сможет проделать квалифицированной работы.

Анализ практики по выявлению и расследованию преступлений, связанных с незаконным банкротством, свидетельствует о низкой эффективности работы правоохранительных органов. На фоне значительного числа хозяйствующих субъектов, признаваемых арбитражными судами несостоятельными (банкротами), только сотни дел передаются в суды для

рассмотрения по существу. Такие результаты свидетельствуют о существующих проблемах как в механизме правового регулирования в сфере банкротства, так и в практике выявления и расследования преступлений данной категории. Наряду с несовершенством законодательной базы, нехваткой специалистов и другими проблемными аспектами деятельности правоохранительных органов, это обусловлено также увеличением разрыва между наукой и практикой выявления преднамеренных и фиктивных банкротств.

В соответствии с официальными данными Единого федерального реестра сведений о банкротстве за все время существования статьи о несостоятельности предприятия было удовлетворено не более 5% поданных заявлений о преднамеренных банкротствах.

2. Проблема отсутствия федеральных стандартов анализа финансового состояния должника. Целесообразна разработка таких стандартов на законодательном уровне и создание единой детально проработанной методики выявления признаков фиктивного и преднамеренного банкротства на основе существующих правил [9].

Как отмечает Р. Н. Власенко: «пункты 11–13 Временных правил устанавливают порядок выявления признаков фиктивного банкротства. Определение признаков фиктивного банкротства производится только в случае возбуждения производства по делу о банкротстве по заявлению должника. Однако на практике недобросовестному должнику не составляет труда вступить в сговор с «дружелюбными» кредиторами либо сформировать «свою» кредиторскую задолженность, поэтому было бы правильным осуществлять такое исследование вне зависимости от заявителя по делу о банкротстве» [8].

Зачастую арбитражному управляющему по разным причинам не удается установить, какой именно из показателей финансовой деятельности предприятия в большей мере указывает на тот факт, что поведение руководителя юридического лица или лиц, его контролирующих, можно признать недобросовестным. Помимо этого действующее законодательство не содержит четкого определения, позволяющего установить, какие действия, приводящие к несостоятельности можно оценивать

как недобросовестные. В связи с этим в большинстве случаев решения по подобным делам принимаются в соответствии со сложившейся судебной практикой.

3. Основопологающей проблемой привлечения виновных лиц к ответственности за преднамеренное банкротство является сложная доказуемость состава противоправного деяния. Специалисты обращают внимание на то, что ситуацию усложняет отсутствие детально проработанного регламента, позволяющего выявить главные признаки преднамеренного банкротства [10]. Экспертное мнение большинства исследователей базируется на том, что основной причиной этого является недостаточное нормативно-правовое регулирование признаков преднамеренного банкротства.

Также нельзя упускать из вида тот факт, что в действующем законодательстве в качестве субъекта преступления рассматриваются руководитель юридического лица или лицо, его контролирующее, не фигурируют иные лица, ответственные за принятие решений: заместители руководителя предприятия, главные бухгалтеры, члены временной администрации, члены совета директоров, конкурсные управляющие и т.д., которые могут напрямую оказывать существенное влияние на сделки и процессы, происходящие в рамках преднамеренного банкротства [11].

4. Зачастую должники уклоняются от предоставления документов, необходимых для проведения анализа, что позволяет им уйти от ответственности. Примеров данного явления в практике достаточно много. Должник, руководители должника не идут на контакт с арбитражным управляющим, не предоставляют ему документы, в связи с чем затягивается процесс по написанию заключения о признаках фиктивного или преднамеренного банкротства. Арбитражные управляющие прибегают к таким процессуальным действиям, как истребование документов через Арбитражные суды. Но, к сожалению, даже с определением суда об истребовании доказательств по делу, не всегда арбитражному управляющему удается собрать полный пакет документов и грамотно проанализировать финансово-экономическую составляющую деятельности должника в результате которой наступила неплатежеспособность.

5. Еще одной проблемой привлечения лиц к административной и даже к уголовной ответственности является аффилированность между должником и арбитражным управляющим.

Данный факт очень тяжело доказать и зачастую он остается без должного внимания. Это явление имеет место быть чаще все при банкротстве граждан, когда должник подает на банкротство самого себя.

Для проведения процедуры банкротства в соответствии с действующим законодательством обязательно нужен арбитражный управляющий. Должники обращаются в саморегулируемую организацию для предоставления кандидатуры арбитражного управляющего. На этом этапе и начинается коррумпированная составляющая сторона процедуры банкротства. В соответствии со ст. 20.6 Закона о банкротстве арбитражный управляющий имеет право на вознаграждение в деле о банкротстве, а также на возмещение в полном объеме расходов, фактически понесенных им при исполнении возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве. Вознаграждение в деле о банкротстве выплачивается арбитражному управляющему за счет средств должника, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом. Вознаграждение, выплачиваемое арбитражному управляющему в деле о банкротстве, состоит из фиксированной суммы и суммы процентов. Размер фиксированной суммы такого вознаграждения составляет для:

- 1) временного управляющего — тридцать тысяч рублей в месяц;
- 2) административного управляющего — пятнадцать тысяч рублей в месяц;
- 3) внешнего управляющего — сорок пять тысяч рублей в месяц;
- 4) конкурсного управляющего — тридцать тысяч рублей в месяц;
- 5) финансового управляющего — двадцать пять тысяч рублей единовременно за проведение процедуры, применяемой в деле о банкротстве.

Саморегулируемые организации, к сожалению, не берутся вести дела за фиксированную сумму вознаграждения. Обратившимся к ним должникам СРО АУ разъясняет всю суть процедуры банкротства и обещает решить все накопившиеся проблемы с задолженностью, но с условием дополнительной платы, которая проходит вне ведения Арбитражного суда. Как гласят рекламные вывески арбитражных управляющих: «100% освобождение от долгов».

Банкротство физических лиц

Спишем ваши долги и предотвратим потерю имущества. Закажите звонок!

● ARISTOKRAT-NSK.RU

Банкротство с оплатой за результат

Списание долга от 300 т.р. Гарантия от арб.упр. Рассрочка. Оплата по факту. Свои...

● AZJURIST.RU

Дополнительные расходы арбитражные управляющие обосновывают несоразмерностью установленной законом суммы вознаграждения и периодом работы арбитражного управляющего по делу о несостоятельности (банкротстве) должника. Не кривя душой, они также открыто психологически загоняют должника в рамки неизбежного смирения с условиями СРО, в связи с тем, что при отсутствии кандидатуры арбитражного управляющего, суд прекращает дело о несостоятельности (банкротстве) должника. Считаю, что этот произвол является огромным пробелом в законодательстве о банкротстве.

Согласно позиции, изложенной в определении Верховного Суда Российской Федерации от 28.01.2019 № 301-ЭС18-13818 такой пробел в праве можно преодолеть, но об этом знает мало юристов, а про неосведомленность обычных должников и говорить не стоит вообще. Согласно данному судебному акту суды первой, апелляционной и кассационной инстанции не приняли во внимание при прекращении дела о несостоятельности (банкротстве) должника, в связи с отсутствием кандидатуры арбитражного управляющего, что право на судебную защиту, гарантированное статьей 46 Конституции Российской Федерации, включает в себя не только возможность гражданина обратиться в суд с заявлением о собственном банкротстве, но и предполагает обеспечение со стороны государства реальных условий для использования им всего механизма банкротства.

В рассматриваемом случае по делу № А28-3350/2017 суды фактически лишили должника Котряхова Ю.М. данного права исходя из поведения иных субъектов, на которых должник не мог и не должен был влиять, — членов пяти саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, не пожелавших исполнять функции финансового управляющего за определенное законом вознаграждение. Такой поход следует признать ошибочным.

Согласно п. 1 ст. 213.9 Закона о банкротстве участие финансового управляющего в деле о банкротстве гражданина является обязательным. Пункт 4 ст. 213.4 Закона о банкротстве предусматривает, что в заявлении гражданина о признании его банкротом указывается саморегулируемая организация, из числа членов которой утверждается финансовый управляющий.

Коль скоро право на банкротство закреплено в законе и оно не может быть осуществлено гражданином без участия финансового управляющего, суд обязан обеспечить условия для реализации названного права. Это означает, что в ситуации, когда неоднократные попытки гражданина, предлагающего саморегулируемые организации предусмотренным законом способом — путем подачи нескольких ходатайств с указанием известных ему организаций — не приводят к положительному результату, суд должен занять активную позицию в решении вопроса об утверждении арбитражного управляющего, в частности, с согласия гражданина, при сохранении у него интереса к дальнейшему ведению дела о банкротстве одновременно направлять запросы во все оставшиеся саморегулируемые организации. При поступлении ответов с указанием претендентов из нескольких организаций суд утверждает арбитражного управляющего, кандидатура которого указана в ходатайстве, поступившем в суд первым, если для этого нет установленных Законом о банкротстве препятствий (пункт 1 статьи 6 ГК РФ, абзац третий пункта 7 статьи 45 Закона о банкротстве).

Реестр саморегулируемых организаций арбитражных управляющих ведет УФРС РФ (статья 29 Закона о банкротстве, Постановление Правительства Российской Федерации Российской Федерации от 03.02.2005 № 52 «О регулирующем органе, осуществляющем контроль за деятельностью саморегулируемых организаций арбитражных управляющих»). Содержащиеся в упомянутом реестре сведения, в частности о месте нахождения саморегулируемых организаций, размещаются на официальном сайте службы в сети «Интернет», доступны для всеобщего ознакомления без взимания платы и иных ограничений (приложения № 1 и № 4 к Приказу Минэкономразвития России от 08.07.2010 № 284).

Как видно из общедоступного реестра саморегулируемых организаций, в настоящее время соответствующим статусом обладают порядка пятидесяти организаций.

При этом в Верховный Суд Российской Федерации поступило обращение Общероссийского профсоюза арбитражных управляющих, действующего от своего имени и на основании доверенности от имени арбитражного управляющего Дектерева Александра Сергеевича, являющегося членом союза «ЭКСПЕРТ» — Крымского союза профессиональных арбитражных управляющих «ЭКСПЕРТ». В этом обращении указано на согласие Дектерева А.С. быть утвержденным финансовым управляющим имуществом Котряхова Ю.М. Должник и арбитражный управляющий Дектерев А.С. проживают в одном субъекте Российской Федерации — Кировской области.

Вопреки выводам суда первой инстанции общие положения пункта 9 статьи 45 Закона о банкротстве о таком основании прекращения производства по делу о несостоятельности, как непредставление суду кандидатуры арбитражного управляющего в течение трех месяцев, не подлежали применению к отношениям, вытекающим из потребительского банкротства, поскольку они противоречат смыслу и целям законодательного регулирования в этой специальной сфере.

Трехмесячный срок, отведенный суду на разрешение вопроса о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом, установленный пунктом 5 статьи 213.6 Закона о банкротстве, носит организационный характер. Само по себе его истечение не является основанием для прекращения производства по делу.

С учетом изложенного, производство по делу о банкротстве Котряхова Ю.М. не подлежало прекращению по приведенным судами мотивам.

Допущенные судами нарушения норм права являются существенными, без их устранения невозможны восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов Котряхова Ю.М., в связи с чем определение суда первой инстанции, постановления судов апелляционной инстанции и округа следует отменить на основании части 1 статьи 291.11 АПК РФ, дело — направить на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Должники не знающие о данной позиции Верховного Суда и оказавшись в условиях, при которых СРО АУ рисуют им перспективу не введения процедуры банкротства, естественно, оплачивают дополнительные расходы саморегулируемой организации, вне процедуры банкротства, а также оплачивают фикс-

сированную сумму вознаграждения арбитражного управляющего, внося 25 000 рублей на депозитный Арбитражного суда.

При таких договоренностях, сложившихся между СРО АУ и должником, естественно, арбитражные управляющие закры-

вают глаза на правильность составления заключения о признаках фиктивного и преднамеренного банкротства. Тем самым, препятствуя привлечению лиц к административной или уголовной ответственности за противоправное деяние.

Всероссийский центр банкротств

Адрес: 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Итальянская дом 12
Тел. моб. 8(921)422-34-50 (есть "whatsApp", "viber")
Эл. адрес: 7bankrot7@gmail.com

Здравствуйте !

Мы представляем объединение действующих Арбитражных Управляющих при СРО ААУ Содружество.

Для Вас мы подготовили краткую инструкцию, что важно знать для экономии денег и времени по процедуре банкротства физических лиц:

- ! Пожалуйста, прочитайте внимательно! -

1) Процедура банкротства физических лиц проводится с **обязательным участием арбитражного управляющего** (финансового управляющего).

Для суда требуется его **личное письменное согласие**, а также СРО в котором он состоит должно направить в суд **протокол об его избрании, мотивировочное заключение о его соответствии и протокол о его утверждении** на вашу процедуру банкротства.

Обязательно уточните у СРО которое вы указали в заявлении о банкротстве позвонив в него (<http://bankrot.fedresurs.ru/SroList.aspx> здесь все официальные контактные данные СРО указаны) :

- направлены ли вышеуказанные документы в суд (попросите у СРО их копии чтобы точно убедиться)
- ФИО и контактные данные вашего будущего управляющего (также уточните уже у него стоимость его работы и порядок рассрочки, чтобы не было потом недоговоренностей)

2) При не предоставлении соответствующей СРО кандидатуры финансового управляющего, арбитражный суд обязан в течении 3-х месяцев прекратить производство по Вашему делу (п.9 ст.45 ФЗ №127 "О несостоятельности (банкротстве)").

3) **Обязать суд принудительно** управляющего вести процедуру банкротства и само СРО представить кандидатуру в управляющие не может.

4) Юристы, адвокаты берут 30-60 т.р. за составление и подачу заявления о банкротстве гражданина в суд, при этом, обычно у них отсутствует договоренность с соответствующим Арбитражным Управляющим и его приходится клиенту искать самостоятельно и доплачивать за его работу.

Поэтому, советуем вам обращаться напрямую к Арбитражному Управляющему, т.к. все тоже самое он сделает гораздо дешевле и заодно проведёт процедуру банкротства.

5) Кроме оплаты 25 т.р. вознаграждения управляющего за процедуру и 300р госпошлины за подачу заявления о банкротстве в суд, гражданин обязан оплатить все расходы финансового управляющего в ходе процедуры, составляющие в среднем 16-40

Всероссийский центр банкротств

т.р. (п.3 ст.20.6, пп.1,2 ст.20.7, п.4 ст.213.7 ФЗ №127 "О несостоятельности (банкротстве)")

6) Однако Арбитражные Управляющие за вознаграждение **25 т.р. + расходы** не работают, т.к. объем работы в 9-12 месяцев несоизмерен с установленным законом вознаграждением.

Реальная цена на процедуру банкротства в целом по Российской Федерации составляет 80-200 т.р.

7) Для экономии денег Вам необходимо ориентироваться на среднюю **цену в 55-90 т.р. под ключ** и по такой цене искать себе арбитражного управляющего.

Например, мы в таких ценовых диапазонах работаем.

Рассрочка обычно составляет 5-10 т.р. в месяц. Начало оплаты возможно после введения процедуры банкротства и утверждения нашего управляющего.

8) Арбитражного управляющего можно искать:

- в СПО арбитражных управляющих: <http://bankrot.fedresurs.ru/SroList.aspx> (здесь все официально зарегистрированные СПО управляющих указаны)
- на личных сайтах управляющих
- на форумах: <https://www.9111.ru> <http://bankrot.org/forums/> (это крупнейшие форумы по банкротству)
- с нами можно связаться любым удобным способом (мы придерживаемся средних цен **55-90 т.р.** с учетом рассрочки).

9) **Наши арбитражные управляющие:** Налбандян Ю.Ю., Афанасьев В.А., Платонов А.Ф., Новицкая Е.С., Пахомов В.В., Мудрова Т.Х.

(успешно завершили более 200 дел с полным списанием долга гражданам)

10) Для мотивации - примеры первых вынесенных судебных актов о завершении процедуры банкротства и освобождении гражданина от долгов (подробная информация по номеру дела через сайт kad.arbitr.ru): А45-20897/2015 А45-20574/2015

11) Процедуру банкротства арбитражный управляющий может провести **дистанционно** из любого города без потери качества и дополнительных расходов при ряде условий.

Мы рады будем ответить на любые вопросы по процедуре банкротства, в том числе:

- 1) по вопросу утверждения арбитражного управляющего на вашу процедуру
- 2) по вопросу устранения допущенных нарушений при подаче вашего заявления о банкротстве или подачи его заново в случае его возврата судом.

по телефону 8(921)422-34-50 (есть "whatsApp", "viber")

электронной почте 7bankrot7@gmail.com

Контактное лицо – арбитражный управляющий

Афанасьев Вячеслав Александрович (<https://vk.com/id1160699>)

С уважением, Всероссийское объединение Арбитражных Управляющих.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 4 февраля 2021 г. № 4-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.
2. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 8 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
3. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52 (часть II). Ст. 5519.

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 03 февраля 2005 г. № 52 «О регулирующем органе, осуществляющем контроль за деятельностью саморегулируемых организаций арбитражных управляющих» // Собрание законодательства РФ. 2005, № 6, ст. 464.
5. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 февраля 2020 г. № 18АП-173/20 [электронный ресурс] СПС Гарант.
6. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 января 2019 г. N301-ЭС18-13818 по делу N A28-3350/2017 [электронный ресурс] СПС Гарант.
7. Судебная практика. Акты высших судебных органов по делам по экономическим спорам и другим делам, связанным с осуществлением экономической деятельности: учебное пособие / составитель В.И. Астахов. — Москва: СТАТУТ, [б. г.]. — Часть 2—2015. — 912 с. — ISBN978-5-8354-1110-8. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/61624> (дата обращения: 23.02.2021). — Режим доступа: для авториз. пользователей.
8. Власенко Р.Н. Правовые основы и методы выявления признаков фиктивного и преднамеренного банкротства // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 76.
9. Добровлянина О.В., Кондратьева К.С., Патырбаева К.В. Виды незаконных банкротств в Российской Федерации: некоторые проблемы правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 76.
10. Зинковский М.А. Преднамеренное банкротство в условиях национального экономического кризиса // Соврем. право. 2015. № 6. С. 137–140.
11. Локтева А.С. Ответственность за преднамеренное банкротство юридических лиц в российском законодательстве // Развитие территорий. 2019. № 4. С. 36.
12. Суходольский И.М. Меры государственного регулирования в сфере несостоятельности (банкротства) // Законодательство. 2020. № 9. С. 50–54.
13. Яценко А.С. Преднамеренное банкротство: проблемы квалификации и разграничения смежных составов преступлений // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 3. С. 178–181

Исторические этапы формирования института несостоятельности (банкротства), его правовые особенности и основные принципы регулирования

Ульянова Ангелина Александровна, студент магистратуры

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

В статье автор пытается определить исторические этапы формирования института несостоятельности (банкротства).

Ключевые слова: банкротство, этапы формирования института банкротства.

В научной литературе нет четкого ответа, когда зародился институт несостоятельности (банкротства). Одни авторы придерживаются мнения, что он появился еще в древние времена, когда должник мог продать свою личность на торгах, взамен на распределение вырученных средств между кредиторами [10]. Другие же авторы полагают, что институт несостоятельности (банкротства) зародилось тогда, когда объектом взыскания была не личность должника, а его имущество и исполнение данных норм было возведено под надзор государства [24].

Развитие российского законодательства о несостоятельности (банкротстве) можно разделить на несколько этапов:

— Дореволюционный (до 1917 года). Первыми нормативными актами, закрепляющими нормы о несостоятельности (банкротстве) были Русская Правда, Судебники XV–XVI вв., Соборное уложение 1649 г. Позже в 1740 г. был написан Устав о банкротах, который так и не вступил в силу. Но уже в 1800 г. появился новый и вступивший в законную силу Устав о банкротах, а также Устав о торговой несостоятельности 1832 г. Данные нормативные акты разделяли несостоятельность на

торговую и неторговую, что позволяло определить подсудность дел. В первом случае дела рассматривали коммерческие суды, во втором — общие. В связи с этим отличалась процедура признания банкротом, а также правовые последствия. Также нужно отметить, что дореволюционное право о несостоятельности (банкротстве) содержало в основном нормы в отношении физических лиц.

— Советский (с 1917 года по 1992 год). В самом начале данного периода исключались какие-либо торговые отношения, но начиная с 1921 г., после введения новой экономической политики, появилась потребность принятия норм о несостоятельности (банкротстве). В ГК РСФСР 1922 г. появились нормы, регулирующие вопросы несостоятельности физических лиц, а также гражданских и торговых товариществ [6]. В 1927 года ГПК РСФСР был дополнен главой 37 «О несостоятельности частных лиц, физических и юридических», а в 1929 г. появились еще две главы 38 «О несостоятельности государственных предприятий и смешанных акционерных обществах» и 39 «О несостоятельности кооперативных организаций». В отличие от

дореволюционного периода, на данном этапе развития законодательства о банкротстве, правом обращения в суд с заявлением о признании несостоятельным (банкротом) обладали не только кредиторы и должники, но и суд, прокуратура, ведомства. Сам процесс был упрощен, кредиторы практически не участвовали, активно проявляли себя лишь государственные органы. Разграничений между торговой и неторговой несостоятельностью не проводилось, а сами дела рассматривались разными инстанциями, в зависимости от государственной заинтересованности, величины конкурсной массы, а также значения предприятия [7].

В результате проведенных реформ в 1960-х гг. нормы о несостоятельности (банкротстве) были упразднены из ГК РСФСР и ГПК РСФСР. Но до начала 1990-х гг. всё же принимались нормы, в которых содержалась ссылка на банкротство, как на основание прекращения деятельности юридического лица, хотя действие этих правил не было обеспечено процессуальными нормами.

— Современный (с 1992 года). С возникновением рыночных отношений появилась проблема отсутствия института банкротства. Первым нормативным актом считается Указ Президента от 14 июня 1992 г. № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении и применении к ним специальных процедур» [8]. Однако на практике этот указ не применялся, в связи с тем, что предусматривал исключительно административные меры борьбы с неплатежеспособными предприятиями.

19 ноября 1992 года принимается Закон «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». В преамбуле было сказано, что должниками могут являться лишь предприниматели: «занимающиеся предпринимательской деятельностью юридическое лицо, или не образующие юридического лица предприниматели, или гражданин-предприниматель». Однако, хотелось бы подчеркнуть, что за весь период действия этого закона не было возбуждено ни одного дела о банкротстве индивидуального предпринимателя.

В 1998 года был принят новый Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» [19]. Данный закон намного подробнее определил лиц, которые могут быть признаны несостоятельными, регулировал отношения между этими лицами, а также регламентировал особенности рассмотрения данной категории дел судами. В результате принятия данного Федерального закона количество банкротных дел начало исчисляться тысячами. Но данный закон был доработан не до идеального, имел много недостатков, такие как недостаточное обеспечение и защита интересов должников, государства; не закреплял нормы о независимости арбитражных управляющих и их ответственность и т.д. [9].

Вместе с Законом о банкротстве 1998 года, были также приняты Федеральный закон от 25 февраля 1999 года № 40-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» [20] и Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 122-ФЗ «Об особенностях несостоятельности (банкротства) субъектов естественных монополий топливно-энергетического комплекса» [21].

После принятия в 2002 году нового Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту —

АПК РФ), который содержал в себе главу 28 «Рассмотрение дел о несостоятельности (банкротстве)», возникла необходимость создания и принятия нового Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту Закон о банкротстве), которые действует по сей день.

Настоящий Закон о банкротстве расширил круг лиц, которые могут быть признаны несостоятельными (банкротами) — это все юридические и физические лица, кроме политических партий, религиозных организаций и казенных предприятий/учреждений, а также публичных компаний и фондов. Появились новые институты, такие как институт саморегулируемых организаций арбитражных управляющих (далее по тексту — СРО АУ); банкротство стратегических организаций; процедура финансового оздоровления; процедура наблюдения; переход из конкурсного производства во внешнее управление; были практически уравнианы права конкурсных кредиторов и уполномоченного органа; детально регламентированы правила созыва и проведения собрания кредиторов и т.д.

Целью любого государства является развитие экономической системы, поддержание экономического роста. Процедура несостоятельности (банкротства) является механизмом правового регулирования этих экономических целей. В послании президента Российской Федерации В.В. Путина к Федеральному собранию Российской Федерации было сказано: «России надо быть сильной и конкурентоспособной. Мы обязаны сделать механизм проведения процедуры банкротства и оздоровления предприятий прозрачным, рыночным, а значит — невосприимчивым к коррупции» [5]. К сожалению на практике достичь такой цели весь тяжело.

Неспособность отвечать по своим обязательствам вследствие недостаточности имущества является оборотной (негативной) стороной процесса любой торговой деятельности. Это может быть вызвано различными причинами.

Традиционно различают два вида причин:

— Объективного характера, т.е. когда лицо отвечает признакам несостоятельности и признается банкротом вне зависимости от предпринимаемых им действий по предотвращению такого исхода событий. Например, в Арбитражном суде Новосибирской области рассматривается дело № А45-17440/2018 в отношении должника — общества с ограниченной ответственностью «Сибуглепереработка» (ОГРН 5137746007504, ИНН 7713778710). С заявлением о признании несостоятельным (банкротом) должника обратилось общество с ограниченной ответственностью «Сибуглеснаб» (ИНН 4217175469). Определением Арбитражного суда Новосибирской области от 23.08.2018 в отношении должника была введена процедура наблюдения. В процедуре наблюдения временным управляющим был составлен отчет, проведено первое собрание кредиторов на основании которых, конкурсными кредиторами и уполномоченным органом было решено о введении в отношении должника внешнего управления. Как следует из положений статьи 93 Закона о банкротстве, основной целью внешнего управления является восстановление платежеспособности должника и возврат долгов кредиторам при условии сохранения бизнеса, рабочих мест, обеспечение функ-

ционирования производства и после окончания процедуры внешнего управления. Должник на протяжении всего времени старался восстановить платежеспособность, конкурсные кредиторы шли на компромиссы, но 03.09.2019 Решением Арбитражного суда Новосибирской области в отношении должника была введена процедура конкурсного производства в связи с объективными причинами невозможности восстановления платежеспособности должника, а именно: собранием кредиторов от 19.06.2019 был утвержден план внешнего управления должника. Утвержденный план внешнего управления стал неактуальным и не отражал фактически производственные показатели должника, так как был разработан на основе имеющихся в распоряжении внешнего управляющего данных, в том числе информации об объемах сырья, планируемых к переработке силами должника в 2019–2020 гг., предоставленной от основного контрагента общества с ограниченной ответственностью «Промугольсервис», в марте 2019 г. контрагент прекратил завоз сырья для переработки. По данному факту были организованы и проведены неоднократные рабочие встречи, которые не дали положительного результата — работа не возобновилась. Заключение договоров с иными контрагентами, способными обеспечить загрузку производственных мощностей должника и получение им дохода, не представляется возможным [18].

— Субъективного характера, т.е. наступившие благодаря действиям лица и по его воле. Процедура несостоятельности (банкротстве) используется как инструмент уклонения от финансовых последствий неплатежеспособности и денежных обязательств. Как отмечает М.В. Михайловский, в современной России преднамеренное банкротство, равным образом как и фиктивное, является одним из наиболее часто встречающихся способов уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами [12]. Для примера можно сказать о деле № А45–24580/2015 о несостоятельности (банкротство) должника — Овсянникова В. А. Определением Арбитражного суда Новосибирской области от 24.03.2016 завершена процедура реализации имущества гражданина, в отношении должника не применены правила об освобождении от исполнения обязательств. Суд при вынесении данного определения, основывался на том, что в пункте 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве введен перечень обстоятельств, при установлении которых суд в определении о завершении реализации имущества гражданина указывает на неприменение в отношении гражданина правила об освобождении от исполнения обязательств. Так, освобождение гражданина от обязательств не допускается в случае, если доказано, что при возникновении или исполнении обязательства, на котором конкурсный кредитор или уполномоченный орган основывал свое требование в деле о банкротстве гражданина, гражданин действовал незаконно, в том числе совершил мошенничество, злостно уклонился от погашения кредиторской задолженности, уклонился от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица, предоставил кредитору заведомо ложные сведения при получении кредита, скрыл или умышленно уничтожил имущество.

Таким образом, законодатель предусмотрел механизм освобождения гражданина, признанного банкротом от обяза-

тельств, одним из элементов которого является добросовестность поведения гражданина, в целях недопущения злоупотребления в применении в отношении гражданина правила об освобождении от исполнения обязательств как результата банкротства. Исходя из установленного законодателем условия применения механизма освобождения гражданина, признанного банкротом от обязательств, следует отметить, что освобождение должника от исполнения обязательств не является правовой целью банкротства гражданина, напротив данный способ прекращения исполнения обязательств должен применяться в исключительных случаях. Иное толкование противоречит основным началам гражданского законодательства, закрепленным в статье 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ). Согласно пункту 3 статьи 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. В силу пункта 4 статьи 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Согласно разъяснениям, данным в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [4], оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. По общему правилу пункта 5 статьи 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное. Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. Из приведенных разъяснений указанного постановления также следует, что если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично.

Суд, изучив материалы дела и ознакомившись с отчетом финансового управляющего, установил, что должник принял на себя заведомо неисполнимые обязательства, что явно свидетельствует о его недобросовестном поведении в ущерб кредиторам. Обращаясь с заявлением о признании его банкротом, должник преследовал цель освобождения от долгов.

В настоящее время в российском праве, говоря о действиях, специально направленных на создание видимости несостоятельности (банкротства), называют преднамеренным или фиктивным банкротством.

Порядок и условия осуществления мер по предупреждению несостоятельности (банкротства), порядок и условия проведения процедур, применяемых в деле о банкротстве, установлены Законом о банкротстве.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 4 февраля 2021 г. № 4-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30 декабря 2020 г. № 543-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 8 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
4. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // [электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/
5. Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. — 2002. — 19 апреля. — С. 6.
6. ГК РСФСР, ст. 219, 260, 289, 294.
7. Васильев Е.А. О законодательном регулировании признания несостоятельности предприятия // Сов. государство и право. 1988. № 3. С. 40
8. Ведомости РФ. 1992. № 25. Ст. 1419.
9. Витрянский В. В. Пути совершенствования законодательства о банкротстве // Вестник ВАС РФ. 2001. № 3. С. 91
10. Гольмстен А. Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб., 1888. С. 1.
11. Дудина, К. А. Административно-правовые проблемы функционирования института несостоятельности (банкротства) физических лиц в Российской Федерации / К. А. Дудина; Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I. — Воронеж: б.и., 2019. — 90 с.
12. Михайловский М. В. Преднамеренное и фиктивное банкротство // Административное право. 2017. № 2. С. 21–31.
13. Наука. Общество. Государство / гл. ред. В. В. Гошуляк; учред. Пензенский государственный университет. — Пенза: Пензенский государственный университет, 2019. — № 2 (26). — 192 с.
14. Несостоятельность (банкротство): учебник: в 2 томах: [16+] / Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, А. З. Бобылева и др.; под ред. С. А. Карелиной; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Юридический факультет. — Москва: Статут, 2019. — Том 2. — 848 с.
15. Несостоятельность (банкротство): учебное пособие / Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, А. З. Бобылева и др.; под ред. С. А. Карелиной; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Юридический факультет. — Москва: Статут, 2019. — Том 1. — 926 с.
16. Попондопуло, В. Ф. Банкротство: правовое регулирование / В. Ф. Попондопуло. — Москва: Проспект, 2015. — 432 с.
17. Попондопуло В. Ф. Конкурсное право. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства). М., 2001. С. 327.
18. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 03.09.2019 по делу № А45–17440/2018. [электронный ресурс] А45–17440–2018_20190903_Reshenie.pdf (arbitr.ru)
19. СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 222.
20. СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1097.
21. СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3179.
22. Суходольский И. М. Меры государственного регулирования в сфере несостоятельности (банкротства) // Законодательство. 2020. № 9. С. 50–54.
23. Трофимов К. Т. Особенности российского законодательства о банкротстве // Законодательство и экономика. 1995. № 9–10. С. 32.
24. Тушкевич Д. В. Что есть торговая несостоятельность. СПб., 1896. С. 7.

Понятие аффекта и его проявление

Фагат Марина Владимировна, студент магистратуры

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В рамках уголовного права институт аффекта имеет давнюю историю своего становления. В российском уголовном праве этот институт во многом схож с подобными институтами в зарубежных государствах, при этом он призван не освободить

виновное лицо от несения уголовной ответственности, а ограничить определенным образом свободу субъекта и поставить тяжесть совершенного преступления в зависимость от состояния, в котором виновный пребывает в момент его совершения.

Несмотря на давнюю историю рассматриваемого института, его понятие разработано недостаточно, а современное определение данного института во многом сведено к перечислению признаков аффекта, чего, по нашему мнению, недостаточно.

В соответствии с толковым словарем С. И. Ожегова под аффектом понимается состояние сильного возбуждения или потери контроля [11, с. 264].

Однако следует обращать внимание, что понятие аффекта выводится не только в рамках уголовного права, но и в рамках психологии, поскольку это состояние тесно связано с психологическими особенностями личности, ввиду чего давать данное понятие следует исходя из анализа, в том числе и точек зрения психологов.

Психологический аффект многие авторы рассматривают с точки зрения психического состояния субъекта, то есть исходя из характеристики психической деятельности лица в определенный промежуток времени, однако это еще и психический процесс [4, с. 106].

Современная психология определяет аффект в качестве кратковременного и существенного эмоционального переживания, которое включает в себя явно выраженное висцеральные и двигательные проявления [3, с. 27].

Значение в уголовном праве этот институт приобретает лишь тогда, когда имеют место определенные признаки, предусмотренные положениями Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (УК РФ). Так, в соответствии с положениями ч. 1 ст. 107 и ст. 113 УК РФ аффект представляет собой сильное душевное волнение, которое может сопровождаться следующими действиями:

- может иметь место насилие со стороны потерпевшего;
- данное состояние может возникать, когда имеет место со стороны потерпевшей стороны издевательство или оскорбление;
- другие действия противоправного характера со стороны потерпевшего или бездействие, равно как и любая ситуация травмирующая психику и имеющая длительный период, ввиду чего как следствие противоправного и аморального поведения потерпевшего возникает аффект у виновного.

Например, в одном из дел суд установил, что виновное лицо совершило убийство в состоянии аффекта. Само же состояние аффекта наступило по причине нанесения неожиданного удара виновной в лицо со стороны потерпевшего, после чего последний, заставил ее раздеться. Виновная схватила нож и нанесла смертельное ранение потерпевшему, находясь при этом в состоянии сильного эмоционального возбуждения [12].

Основываясь на приведенном в законодательстве понятии можно выделить основные причины и закономерности, которые приводят к возникновению состояния аффекта и к которым можно отнести:

- насильственные действия потерпевшего в отношении виновного;
- различные издеательства со стороны потерпевшего;
- наличие длительных ситуаций, приводящих к травмированию психики;
- действия аморального характера, которые вытекают из тех либо иных правоотношений;
- поведение аморального характера со стороны потерпевшего.

Принимая во внимание особенности аффективного состояния человека и последствия, к которым это может приводить, аффект может быть определенным образом классифицирован:

- физиологический аффект. Такой аффект, как правило, провоцируется непосредственно потерпевшим;
- патологический аффект. Такой аффект, в сравнении с обычным аффектом, следует отнести к более тяжкому психологическому состоянию человека, при наличии которого зачастую лицо признают полностью невменяемым;
- кумулятивный аффект. Данный вид аффекта, как правило, вызывается длительным негативным и травмирующим воздействием на психику;
- алкогольный аффект или аффект, вызванный состоянием алкогольного опьянения.

По своей хронологии аффект может быть подразделен на три основных этапа:

- эмоциональное возбуждение, то есть реакция виновного лица как ответ на аморальное и противоправное поведение потерпевшей стороны. В этот момент человек дезориентирован, его психическая деятельность нарушается, как следствие исключается возможность осознания виновным происходящих событий;
- аффективный взрыв, когда эмоциональное возбуждение субъекта находится на максимуме. В таком состоянии человеком начинают руководить эмоции, его речь путается, мыслительная деятельность нарушается, в результате чего человек полностью теряет контроль над своим поведением;
- изживание аффективного состояния. Данная стадия или этап является завершающим. Нервное напряжение сменяется полной слабостью, в памяти субъекта наблюдаются провалы, наступает усталость и упадок сил.

Основываясь на перечисленном выше, многие авторы определяют аффект, как любые эмоции человека, его чувства и желания [10, с. 87].

А. Н. Леонтьев определяет аффект как сильное внезапно возникшее эмоциональное явление [9, с. 344].

С. В. Бородин предлагает аффектом считать состояние психики человека, которое приводит к формированию мотива, побуждающего субъекта действовать определенным образом [2].

А. В. Коломина указывает, что аффект, если его рассматривать с позиции права, является широким понятием. Данное понятие включает в себя последствия неправомерного поведения потерпевшего, что сформировало у виновного лица мотив вести себя в конкретной ситуации определенным образом [7, с. 21].

А. И. Рарог аффект, прежде всего, определяет как психическое состояние виновного лица, сопровождаемое кратковременным, сильным по интенсивности и рефлекторным состоянием. Автор пишет, что аффекту присущими будут такие эмоции, как гнев, ненависть, сильная обида. Аффект, по мнению автора, возникает внезапно и является определенной психической реакцией человека на внешний раздражитель [8, с. 282].

Представляется правильным поддержать позицию Р. Р. Тухбатулина, что аффект, прежде всего это расстройство личности психологического характера. Такое состояние, зачастую возникает тогда, когда имеет место травмирующее воздействие на психику виновного, данное состояние является быстрым, бурным и приводит к дезорганизации человека, что проявля-

ется в сужении его сознания. Такое состояние приводит как следствие к ослаблению волевого момента, интеллектуальных и эмоциональных процессов, при этом их течение полностью не обрывается. Аффект не только нарушает восприятие личностью мира, который ее окружает, но и приводит к тому, что человек не в состоянии руководить своим поведением. Тем самым в таком состоянии происходит торможение основных функций организма, возникает агрессия, приводящая к разрушению. При этом следует помнить, что такое поведение субъекта никак не связано с заранее обдуманной целью, это исключительно чувства, полностью охватывающие человека, что приводит к импульсивности его действий [5, с. 21].

В то же время представляется, что от аффекта следует ограничивать состояния, близкие по смыслу. К примеру, следует от аффекта отграничить эмоциональное напряжение или возбуждение, данные состояния в отличие от аффекта не имеют за собой эмоционального взрыва и в них не содержится такой важный признак, как внезапность. Данные состояния от аффекта отличает сильное переживание, однако кульминацией таких переживаний хотя и будет сужение сознания, но оно будет проявляться гораздо в меньшей степени, нежели при аффекте, хотя многие ученые эти состояния продолжают отождествлять с аффектом [6, с. 198].

Особое внимание необходимо обратить и на такой термин, который очень часто используется в юриспруденции, как внезапно возникшее сильное душевное волнение. Исходя из положений УК РФ, современное понимание данного термина пришло к нам из ранее действующего уголовного законодательства. Однако мы считаем, что данное понятие носит не четкие формы и является расплывчатым, для идентификации данного состояния во вни-

мание необходимо принимать предусмотренные в уголовном законодательстве критерии, в частности, неправомерное действие либо бездействие потерпевшего, что привело к возникновению у лица сильного душевного волнения. Однако законодатель не сделал каких-либо отсылок на остроту такого волнения и на его внезапность, в то время как аффекту свойственными будут бурность реакции и ее внезапность. Тем самым мы приходим к выводу, что сильное душевное волнение по отношению к состоянию аффекта является широким понятием, так как не во всех случаях такое состояние будет проявляться как аффект. Исследователи данного вопроса, чью точку зрения мы поддерживаем, отмечают, что аффект и сильное душевное волнение являются частью и целым одного явления. В то же время основное понятие должно включать в себя и другие эмоциональные проявления, которые могут появляться в момент неправомерного действия или бездействия потерпевшей стороны.

Высказывается и такая позиция, что сильное душевное волнение необходимо полностью убрать из понятия аффекта. Однако по нашему мнению, этого делать нельзя, поскольку причины, которые могут спровоцировать совершение преступления, не во всех случаях приводят к наступлению у виновного состояния аффекта, но также могут оказывать определенное негативное влияние на психику лица, следовательно, все же будет правильным упоминать сильное душевное волнение в рамках понятия аффективного состояния.

Таким образом, основываясь на изложенном, под аффектом предлагается понимать сильное душевное волнение, которое выражается в кратковременном состоянии субъекта, внезапно возникающим и быстро протекающим в сознании, приводящее к появлению мотива, за которым наступают правовые последствия.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 08.06.2020) (сизм. и доп., вступ. в силу с 27.07.2020). // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Большая биографическая энциклопедия. 2009. // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/12688/Бородин (дата обращения: 05.08.2020).
3. Бочкарева А. В., Киселёва И. А. аффект, как правовое и психологическое понятие. // В сборнике: Современные проблемы права глазами молодых ученых. Сборник материалов научно-практического семинара с международным участием. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал. 2016. С. 27–31.
4. Калпинская О. Е. Аффект: проблемы соотношения юридической и психической характеристики. // В сборнике: Актуальные проблемы психологического обеспечения практической деятельности силовых структур в современной России. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции специалистов ведомственных психологических и кадровых служб с международным участием. 2013. С. 106–113.
5. Козаченко И. Я., Спасенников Б. А. О концепции аффекта в уголовно-правовой науке // Российский юридический журнал. 2001. № 2. С. 20–30.
6. Козловская А. Н. Аффект и его уголовно-правовое значение // Евразийский юридический журнал, 2014. № 8 (75). С. 198–199.
7. Коломина А. В. Аффект в праве: дис... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 26 с.
8. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации / с учетом Федеральных законов № 203-ФЗ, 211-ФЗ, 214-ФЗ, 252-ФЗ // отв. ред. А. И. Рарог. Москва. 2013. 671 с.
9. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М., 2000. 344 с.
10. Спиноза Б. Этика. СПб, 1993. 246 с.
11. Толковый словарь русского языка Ожегова С. И., / Под ред. Шведовой Н. Ю. М., 2010. 944 с.
12. Приговор Кемеровского областного суда от 19 марта 2020 г. по делу № 2–29/2019. // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 11.01.2021).

Реальные или мнимые проблемы административного принуждения в исполнительном производстве

Фатеева Юлия Сергеевна, студент магистратуры

Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Данная работа является методологической основой исследования реальных и мнимых проблем в административном принуждении в исполнительном производстве. Предложение методов, таких как диалектический и исторический для решения поставленных проблем. Аналитическая работа в процессе исследования поставленных вопросов поможет правильно направить на укрепление государственности, законности и правопорядка, а также усовершенствования соответствующего законодательства.

Ключевые слова: исполнительное производство, административное принуждение, Федеральная служба, административная ответственность, правовое регулирование, российское законодательство, Конституция РФ

Начнем с того, что все обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы Российской Федерации (ч. 2 ст. 15 Конституции РФ), которая обеспечивает механизм правового регулирования. А если кто-либо не исполняет требований закона, то запускается механизм действия привлечения нарушителей к юридической ответственности и принудительного исполнения юрисдикционных решений. Поясним, что нормативно-правовая конструкция включает положения ст. 20.25 «Уклонение от исполнения административного наказания» КоАП РФ и предполагает участие Федеральной службы судебных приставов в правоприменительной практике. В своей правоприменительной деятельности ФССП России руководствуется также положениями Конституции РФ, федеральных законов от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [1].

Те, кто применяют административную юрисдикцию в качестве меры административной ответственности за правонарушения по ст. 20.25 КоАП РФ, часто используют административный штраф, добровольную уплату и взыскание которого составляют важную проблему правоохранительной системы Российской Федерации. Если мы подробнее углубимся в изучение использования взысканий административных штрафов в период с 2017 по 2020 год, то отметим, что по делам об административных правонарушениях, рассмотренных федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями в 2017 году, часть административных штрафов составила 42,3% от всей суммы штрафов, в 2018 году — 37,6%, в 2019 году — 36,4%. А в период 2020 года было взыскано лишь 5% от общей суммы административных штрафов [2]. И мы видим, что ведомственная статистическая отчетность, справедливо назвать катастрофой, так как показатель реального принудительного взыскания административных штрафов снизился до 2–4% от суммы штрафа, подлежащей взысканию. Приведенная ситуация обнародовала растущее внимание правоведов к данному направлению правоохранительной деятельности, за которым последовала соответствующая работа федерального законодателя.

На сегодняшний день реальные или мнимые проблемы подчинены совокупностью обстоятельств теоретического и даже практического характера.

После того как были проведены изменения в административной реформе, в России появилась необходимость, создания новейшей правовой основы деятельности Федеральной службы судебных приставов России. И как следствие ужесточение за-

конов в области административного принуждения в процессе исполнительного производства.

Не только юристы, но гражданское население на себе испытывает применение мер административного принуждения. Так как это влияет существенно на ограничение прав и свобод граждан. Говоря о современном «свободном» обществе этот метод управления необходимо применять с должной осторожностью и только отталкиваясь от основания права. Перечисленные выше обстоятельства доказывают актуальность поставленных проблем административного принуждения в исполнительном производстве.

Поставим вопрос ребром, а возможно ли, с теоретической точки зрения, без понимания административного принуждения в исполнительном производстве переход к изучению таких явлений, как «административная ответственность, деликтность», а также «меры по обеспечению» все в том же процессе исполнительного производства.

И хотелось бы задать вопрос: «ну, чем же вызвано такое внимание к решению проблем административного принуждения в процессе исполнительного производства?» А ответ прост, все это следствие необходимости совершенствования правового регулирования.

Что необходимо для продуктивного и комплексного решения заданных проблем административного принуждения в процессе исполнительного производства? На текущий период требуется сформировать новые подходы и методы деятельности службы судебных приставов.

Итак, проблемы «мнимые» и «реальные» строятся на актуальной информации социально-экономического развития России, так же на уязвимой научно-теоретической следовании проблемы административного принуждения в процессе исполнительного производства. И нельзя оставить без внимания и такую шаткую и нестабильную правовую регулировку данной сферы и изменения в административно-юрисдикционной службы судебных приставов в процессе исполнительного производства.

Выявленные проблемы с учетом их существенного прикладного значения делает необходимым теоретическое осмысление закономерностей функционирования системы административного принуждения в процессе исполнительного производства. Составление устно-теоретической структуры административного принуждения в процессе исполнительного производства

и тот самый поиск путей улучшения эффективности административно-юрисдикционной деятельности службы судебных приставов.

Перечисленные проблемы доказывают, что эти проблемы находятся «на острие ножа» и требуют своего разрешения.

В результате вышесказанного констатируем, что проблема административного принуждения в исполнительном производстве не прорабатывается должным образом и совершенно не исследована на сегодняшний день.

Обратим внимание на исследование общественных отношений, возникающие при осуществлении службой судебных приставов административно-юрисдикционных полномочий. Вниманию подлежат и отдельные структуры мер административного принуждения в процессе исполнительного производства.

Для Российской Федерации характерен системный подход исследования и характеристика правовой природы института административного принуждения в процессе исполнительного производства. Именно этот метод позволяет разработать научно обоснованную систему по улучшению российского законодательства в рассматриваемой сфере и устранении пробелов.

Для положительных результатов нужно решить следующие задачи:

- рассмотреть фундаментальность исполнительного производства в качестве комплексного правового института российского законодательства;

- изучить административного принуждения в контексте социальных, правовых явлений и как институт административного права, который применяется к сфере исполнительного производства;

- разработать категории, классификации мер административного принуждения в исполнительном производстве;

- классифицировать меры административного принуждения в исполнительном производстве;

- применить на практике эти меры административного принуждения в процессе исполнительного производства;

- запустить движение правового обеспечения административного принуждения в процессе исполнительного производства.

Итак, институт административного принуждения в процессе исполнительного производства, предстал пред нами в системном, правовом, функциональном, организационном, структурном «обличии», что позволяет передать полноту и многосторонность выбранного подхода к решению поставленных проблем.

Литература:

1. Текст: электронный //: [сайт].— URL: <https://www.dissercat.com/content/administrativnoe-prinuzhdenie-v-ispolnitelnom-proizvodstve> (дата обращения: 23.02.2021).
2. Текст: электронный //: [сайт].— URL: <http://www.lawtech.ru/document/2012avtooref931> (дата обращения: 23.02.2021).

Соучастие в преступлении по уголовному праву Вьетнама

Хуинь Хью Тинь, преподаватель

Институт народной безопасности МОБ Вьетнама (г. Хошимин, Вьетнам)

В настоящей статье рассматривается процесс становления и развития института соучастия в преступлении по уголовному праву Вьетнама, а также объективные и субъективные признаки соучастия, и даются рекомендации, дополнения совершенствования нормы уголовного кодекса Вьетнама о соучастии.

Ключевые слова: соучастие, преступление, уголовное право, Вьетнам.

Процесс становления и развития правовых норм о соучастии тесно связан с этапами исторического развития Вьетнама.

Принятый во Вьетнамской Империи нормативно-правовой Свод Хонг Дык (в другом варианте — Куок Чиеу Хинь Луат, 1483 г.)¹ упоминал институт соучастия, но в определенной степени ограниченно. В данном своде законов понятие соучастия не определено, суть соучастия выражается только в принципе наказания за преступления: «Если несколько лиц совершают одно и то же преступление, организатор будет наказан в соответствии с законом, а остальные соучастники будут наказаны половиной наказания организатора. Если члены семьи совершают одно и то же преступление, наказан будет только глава семьи [1].

Второй Свод, принятый в XIX веке, под названием «Хоанг Вьет: законы и обычаи» (в другом варианте — Свод Зя Лонг, 1812 г.) [2] также предусматривал институт соучастия, трактовал его схоже с кодексом Хонг Дык.

Необходимо также учитывать, что на этом этапе исторического развития, Вьетнам в течение длительного времени (с 1858 г. до 1945 г.) был колонией Франции, поэтому правовая система и, в частности, уголовное право находились под сильным влиянием континентальной (романо-германской) правовой системы. Вьетнам территориально был разделён на три части (северная, центральная и южная), в каждой из которых действовали положения самостоятельного уголовного

¹ Нормы свода законов Хонг Дык были созданы и применены с 1428 г. до 1843 г. во время царствования династии Ле. В 1483 г. Свод законов Хонг Дык был официально опубликован королем Ле Тхань Тонг на основе собирания, дополнения и изменения всех изданных предыдущими королями норм.

кодекса, применяемого в отношении отдельных категорий лиц [3].

Согласно ст. 68 Центрального уголовного кодекса Вьетнама, 1933 г.: *«Когда более одного человека совершают особо тяжкое преступление, в соответствии с настоящим кодексом, судья должен учитывать, что среди этих людей есть одно или несколько лиц, которые являются организаторами, и им будет назначено наказание в соответствии с законом; а остальные лица будут рассматриваться в качестве сообщников, их наказание будет равным половине наказания организатора, если иное не установлено законом»* [4].

Образовавшееся после Августовской революции 1945 г. Демократическое государство Вьетнам начало осуществлять правотворческую деятельность, в том числе и в уголовной сфере. Был издан ряд декретов. В целом в уголовно-правовых нормах этого периода не упоминалось понятие соучастия, а лишь принцип наказания за соучастие.

На судебно-обзорной конференции Вьетнамского суда в 1963 г. впервые попытались законодательно дать определение понятию «соучастие» под названием «преступное сообщество»: *«двое или более лиц, имеющие одинаковые воли и действия, то есть либо организуют, либо подстрекают, либо пособничают, либо непосредственно участвуют в совершении преступления для достижения одной цели»* [5]. В этом понятии законодатель определил преступное сообщество как двух или более лиц, совершающих одно и то же преступление, проявляющих общую волю к совершению преступления; также понятие «сообщество преступления» показало разные роли соучастников в преступном сообществе. Данная формулировка очень важна в процессе становления и развития понятия соучастия в поздний период.

В Уголовном кодексе Вьетнама 1985 г. впервые официально было определено понятие соучастия в п. 1, ст. 17: *«двое или более лиц, совместно умышленно совершающие преступление, называются соучастием»*. В уголовном кодексе Вьетнама 1985 г. впервые предусмотрен институт соучастия, что свидетельствует о качественном развитии уголовно-правовой деятельности во Вьетнаме.

Формулировка «соучастие» используется вместо термина «преступное сообщество», употреблявшегося в предыдущих уголовно-правовых нормах (хотя юридическая природа понятия не изменилась, но она является более точной). Однако вышеуказанные понятия имеют правовой пробел (их формулировки не являются научно точными). Фраза «двое или более лиц» формально не логична: нет необходимости в повторении, потому что «два лица» подразумевает «более одного лица»; а «более одного лица» значит «от двух лиц».

В п. 1 ст. 20 Уголовного кодекса Вьетнама 1999 г. давалось следующее юридическое определение понятия «соучастие в преступлении»: *«Соучастием в преступлении считается умышленное совместное совершение преступления от двух лиц»*.

В п. 1 ст. 17 УК Вьетнама 2015 г. (в ред. 2017 г.) сохраняется данное определение соучастия: *«Соучастием в преступлении считается умышленное совместное совершение преступления от двух лиц»*.

Согласно вьетнамской теории уголовного права, соучастие, представляя собой особую форму совершения преступления, характеризуется объективными и субъективными признаками.

Первым объективным признаком соучастия в преступлении является количество задействованных лиц. Из вьетнамской концепции соучастия в преступлении следует, что для соучастия требуется от двух лиц, и эти лица должны иметь правосубъектность субъекта преступления (что указывает на высокую опасность преступления, совершенного несколькими участниками). В Уголовном кодексе Вьетнама не указывается максимальное число лиц, участвующих в совершении преступления в форме соучастия, но минимальное количество, необходимое для установления соучастия, составляет два лица [6].

Как упоминалось выше, чтобы считаться соучастником преступления, лицо должно иметь правосубъектность субъекта преступления. Согласно ст. 12 УК СРВ человек, имеющий правосубъектность субъекта преступления, должен:

Во-первых, достигнуть определенного возраста (к моменту совершения преступления): четырнадцати (14) лет — для преступлений, определенных в п. 2 ст. 12 УК СРВ; и совершеннолетия (16 лет) — для остальных преступлений, предусмотренных в Особой части УК СРВ.

Во-вторых, это лицо должно иметь дееспособность.

Примечание: в некоторых преступлениях требуется наличие признака специального субъекта. Например, Государственная измена (ст. 108 УК СРВ): субъект преступления должен быть вьетнамским гражданином. В данном случае соучастие требует, чтобы лицо, непосредственно совершающее преступление, имело признак специального субъекта.

Второй объективный признак соучастия — совместность деятельности нескольких лиц. Данный признак характеризуется следующим:

— в первую очередь преступное деяние осуществляется взаимозависимыми и взаимовлияющими действиями (или бездействием) участников преступной группы,

— во-вторых, объединенная деятельность приводит к общий для соучастников преступным последствиям,

— третья, между актами деятельности всякого участника преступления и общими последствиями преступления имеется причинная зависимость.

Вне зависимости от форм соучастия действия сообщников взаимосвязаны, преступное деяние осуществляется их едиными, взаимодополняющими усилиями, каждый использует усилия другого и ему содействует. Отсутствие взаимовлияющих действий не допускает соучастие [7].

Действия всякого участника преступной группы способствуют осуществлению преступного результата: единого, целого, а не какой-то его части. Поэтому совместное причинение вреда объекту — есть общий, единый результат общих действий всех сообщников. Преступление, совершенное совместно, является целым и неразделимым. Соучастие отрицается в случаях, когда субъекты причастны к одному преступлению, но умыслы соучастников нацелены на разные цели.

В то же время наличие единого результата совместной деятельности соучастников вовсе не подразумевает, что каждый участник преступления внес одинаковую лепту в реализацию

преступного намерения. Уровень участия каждого лица зачастую неодинакова.

Обязательное условие совместности причинения вреда объекту посягательства — наличие причинной связи между действиями каждого соучастника и общим преступным результатом. Без этого условия соучастие исключается.

Причинная связь сводится к следующему. Каждый соучастник взаимосвязан хотя бы с одним из остальных участников преступления, прилагает старания для получения совместного преступного результата, воплощает для этого подходящие условия и непосредственно или опосредованно участвует в нанесении вреда объекту посягательства.

С субъективной стороны соучастие характеризуется не только субъективной зависимостью между соучастниками, но и отношением соучастников к совершаемому совместно деянию и его результатам. К субъективным признакам соучастия уголовно-правовой теорией СРВ отнесены следующие:

- взаимная осведомленность о совершении преступления;
- общность умысла в совершении умышленного преступления [7].

Прежде всего, к субъективным признакам соучастия относится взаимная посвященность соучастников о совместном совершении преступления, наличие двусторонней субъективной связи между ними. Из чего следует, что каждый соучастник осознает, что совместно с остальными лицами принимает участие в осуществлении общего преступного деяния.

Осмысление совместности осуществления преступления предполагает осведомленность участника преступления о том, что к его устремлениям, нацеленным на осуществление преступного деяния, подключаются старания хотя бы еще одного соучастника; при этом вовсе необязательно знать о всех участниках группы. При этом организатор, подстрекатель и пособник обязаны знать о содействующей деятельности исполнителя; исполнитель же должен отдавать себе отчет, что в осуществление преступного деяния привнесли свой вклад и другие участники преступления. Для соучастия необходимо, чтобы каждый участник преступной группы знал не только о факте осуществления преступного деяния, но и о его главных сторонах — имеющих юридическое значение признаках преступного акта, совершаемого исполнителем, то есть о признаках состава преступления.

Соучастие не имеет место как в тех случаях, когда исполнитель не осознает, что реализует преступление вместе с остальными лицами, так и в тех, когда эти другие лица, причастные к осуществлению преступления, не догадываются о преступных намерениях и действиях исполнителя [8].

При этом соучастник должен осмысливать осуществление остальными сообщниками не любых преступных деяний, а конкретного преступления (преступлений).

В законодательном определении соучастия УК СРВ имеется указание на то, что данный институт уголовного права относится к умышленной деятельности. Соучастием будет считаться умышленное совокупное участие двух или более лиц в совершении преступления (п. 1 ст. 17 УК СРВ). При этом подразумевается, что вьетнамский законодатель имеет в виду только лишь умышленное совместное участие именно в умышленных

преступлениях. Попытку дать обоснование вероятности соучастия в преступлениях по неосторожности навряд ли можно считать успешной. Признание допущения соучастия в преступлениях по неосторожности не согласовывается с самой сутью соучастия а также и с его законодательным определением. Рассматривая данный вопрос, следует понимать, что об умышленном преступлении можно говорить лишь тогда, когда субъект имеет стремление реализовать преступление; о преступлении по неосторожности можно говорить лишь в ситуациях, когда виновный не имел стремления совершить преступление. С трудом представляется, что соучастники, действовавшие по неосторожности, не имея замысла совершить преступление, осознанно участвуют в его реализации. Осуществление преступного деяния в ходе неумышленных действий нескольких лиц не составляет соучастия в преступлении. В подобных случаях каждое лицо несет ответственность за преступление по неосторожности.

Таким образом, согласно УК СРВ, соучастие возможно лишь в умышленных преступлениях, что заявляет на второй субъективный признак соучастия. Причинение социально опасных последствий совокупными неосторожными действиями более двух лиц не составляет соучастия [9].

Умысел при соучастии, как и при совершении индивидуальных преступлений, характеризуется двумя компонентами: интеллектуальным и волевым (с присущими им особенностями, обусловленными спецификой института соучастия в преступлении).

Осмысление всеми участниками преступления сущности деятельности остальных соучастников и предположение вероятности или неминуемости возникновения ее результатов представляет сущность интеллектуального компонента умысла в соучастии.

Сущность волевого компонента в соучастии сводится к стремлению или сознательному позволению возникновения совместного, целостного преступного результата.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что сущность умысла соучастника шире, чем сущность умысла единолично действующего лица. Она охватывает не только осмысление общественно опасного характера собственных деяний, но и осмысление присовокупляющейся противоправной деятельности иного лица (лиц), предположение наступления последствий, которые причиняются совместными действиями, и направленность к общей преступной цели.

Цели и мотивы деятельности соучастников могут совпадать или же не совпадать. Их единство не является обязательным признаком для соучастия. Сплоченные стремлением осуществить то же самое преступное деяние, сообщники могут следовать различным целям и мотивам. В частности, подстрекатель к преступлению может следовать цели отомстить объекту посягательства, а исполнитель руководствоваться корыстным мотивом (заполучить материальную выгоду).

Таким образом, соучастие представляет собой единство между объективными и субъективными признаками: от двух лиц совместно умышленно совершают одно и то же преступление; между соучастниками должна быть взаимосвязь в действиях, взаимосвязь намерений. Кроме того, для преступлений, требующих признаков специального субъекта, лицо, непосред-

ственно совершающее преступление, должно иметь этот признак специального субъекта.

Проведенный анализ понятий и признаков соучастий в уголовном праве России и Вьетнама позволяет сделать следующие выводы:

1. Понятие соучастия в УК СРВ 1999 г. и 2015 г., по нашему мнению, представлено ограничено: понятие продолжает использовать фразу «совместно совершить преступление», предписанную в статье 17 УК СРВ 1985 г. упоминают только поведение исполнителя. Между тем, согласно ч. 3 ст. 17 УК СРВ 2015, только исполнителем являются непосредственно совершает преступления, в то время как организаторы, подстрекатели и пособники, участвуют в совершении преступления путем организации, подстрекательства и пособничества. Таким образом, ст. 17 УК 2015 г. описывает не исчерпывающим все типы поведения всех соучастников. По нашему мнению, чтобы быть научно точным, понятие соучастия должна быть пересмотрена следующим образом: «*Соучастием в преступлении считается умышленное совместное участие совершения преступления от двух лиц*».

2. УК СРВ не рассматривает коммерческих юридических лиц как субъекта соучастия, хотя УК СРВ рассматривает ком-

мерческое юридическое лицо как субъекта преступления. Отсутствие коммерческого юридического лица как субъекта соучастия является недостатком уголовного права, поскольку в некоторых фактических случаях лица, существующих соучастия между коммерческими юридическими лицами и между физическими лицами и коммерческими юридическими лицами [10]. Поэтому, предлагаем дополнить в ч. 1 ст. 17 УК СРВ следующего содержания: «*Соучастием в преступлении считается умышленное совместное участие совершения преступления от двух физических или коммерческих юридических лиц*».

3. Понятие «соучастие» предусмотрено ст. 32 УК РФ и п. 1 ст. 17 УК СРВ. Однако данное понятие разработано в УК РФ более детально, чем в УК СРВ. Так, понятие «соучастие» в теории уголовного права и УК СРВ основано на устаревшем и не воспринимаемом в современной научной школе российского уголовного права понимании соучастия как деяние исполнитель (или соисполнитель), т.е. того, что произошло в действительности, что влечёт искажение сущности данного уголовного института и объективную необходимость изменения статьи п. 1 ст. 17 УК СРВ, дающей правовое определение данного понятия.

Литература:

1. Куок Чиену Хинь Луат. Ханой: Изд-ство Государственная политика, 1995. Ст. 35, Том. I.— С. 23.
2. Хоанг Вьет закон и обычаи. Ханой: Издательство Культура иИнформация, 1994.— С. 981.
3. Ву Куок Тхонг. История законодательства Вьетнама. ХШМ.: Изд-ство Сайгонский университет, 1973.— С. 463.
4. Нгуен Ван Хао, Уголовный кодекс Вьетнама, Сайгон, 1962.— С. 273.
5. Верховный народный суд, «Кодификация уголовного закона», 1975.— С. 30.
6. Хюинь Тхи Ким Ань, Буй Динь Тиен, Вьетнамское уголовное право, общая часть, монография, Университет общественной безопасности, Г. Хошимин, 2015.— С. 52
7. Вьетнамское уголовное право, Народная общественная безопасность, 2018.— С. 62
8. Нгуен Нгок Хоа, Преступление в вьетнамском уголовном праве, 1991, Ханой.— С. 94.
9. Нгуен Нгок Хоа, Об стадиях совершения преступления и проблеме соучастия, 2012, Ханой.— С. 57.
10. Хоанг Тхи Туе Фыонг, Уголовная ответственность юридических лиц, Хошиминский юридический университет, г. Хошимин 2016.— С. 61.

Правовое регулирование в сфере водного транспорта

Юсипова Людмила Александровна, студент магистратуры
Волжский государственный университет водного транспорта (г. Нижний Новгород)

В статье делается анализ современных тенденций правового регулирования в сфере водного транспорта. Систематизированы основные проблемы функционирования отрасли водного транспорта, вызванные правовым регулированием. Автор делает анализ положений законодательства, имеющего отношение к функционированию отрасли водного транспорта.

Ключевые слова: водный транспорт, безопасность, риски нарушения, Росморречфлот, транспортная безопасность, COVID-19, правовое регулирование.

Legal regulation in the field of water transport

Jusipova Ljudmila Aleksandrovna, student master's degree program
Volga State University of Water Transport (Nizhny Novgorod)

The article analyzes the current trends of legal regulation in the field of water transport. The main problems of functioning of the water transport industry caused by legal regulation are systematized. The author analyzes the provisions of the legislation related to the functioning of the water transport industry.

Keywords: water transport, safety, risks of violation, Rosmorrechflot, transport safety, COVID-19, legal regulation.

Безопасное функционирование отрасли транспорта и его инфраструктуры поддержки требует нормального организационного обеспечения жизнедеятельности и соответствующего регулирования. Особенное значение для достижения этих целей имеет правовое обеспечение. В России предписано исполнение большого числа нормативно-правовых актов различного, регулирующих отношения в транспортной отрасли: федеральные и региональные законы, Указы Президента РФ, Постановления Правительства РФ, Приказы Минтранса и Росморречфлота и другие. Не меньшей юридической силой обладают нормативно-правовые акты законодательной и исполнительной власти, документы различных ведомств, устанавливающие нормативные правила и предписания.

Указанные документы распространяют свое влияние и на отрасль водного транспорта, выступающего значимым элементом российской транспортной системы, нередко определяющего жизнеобеспечение граждан. Таки его характеристики как энергосбережение и безопасность давно отмечены экспертами. Однако, по оценкам экспертов износ производственных фондов российского водного транспорта в настоящее время превышает 65%, что несет в себе риски и угрозы (безответственность, жажда наживы, транспортные преступления. Попытка взять ситуацию под контроль порождает серьезные административные барьеры, детерминированные законодательством, устанавливающим требования к безопасности, но не учитывающего в полной мере особенности водного транспорта.

По оценкам ученых действующее законодательство, имеющее отношение к правовому регулированию отрасли водного транспорта, отличает фрагментарность, рассогласованность, детерминирующие большое количество противоречий в правоприменительной практике [2]. В большинстве случаев правовые нормы формируют барьеры для транспортировки людей и грузов, служб транспортного обеспечения, а также для экипажей водного транспорта. Проблема системная, и требует межведомственного взаимодействия всех субъектов отрасли транспорта, сферу компетенции которых в отношении водного транспорта не позволяет точно определить даже федеральное законодательство: главное объяснение этому заключается в том, что коммуникации, инфраструктура водного транспорта и непосредственно транспорт находится в подчинении различных ведомств [3].

Внесло коррективы в регулирование водного транспорта динамичное распространение пандемии COVID-19. Передача инфекции на водном транспорте определяет серьезные риски для безопасности. В правовом аспекте проблема не решена. Оценка экономических последствий пандемии и влияния ее на водный транспорт показывает, что ущерб и потери транспортной отрасли в целом превышает 230 млрд руб. [1]. Эпидемия определила законодательные ограничения, что сильно снизило объемы транспортных услуг. Наблюдаемая вторая волна пандемии требует разработки новых правовых мер для обеспечения транспортной безопасности [4]. Сможет ли поиск

новых способов функционирования водного транспорта решить проблему сокращения физических контактов людей, точного ответа нет. Развитие удаленной работы и цифровизация в будущем будут определять снижение спроса на услуги водного транспорта. Эти и другие насущные вопросы повышают требования к государственному вневедомственному контролю по регулированию водного транспорта.

Правовое регулирование отрасли водного транспорта является междисциплинарной задачей, требующей качественного правового обеспечения. В настоящее время накопилось немало вопросов теории и практики, вызванных правовым обеспечением, решение которых постоянно откладывается, и сказывается на обеспечении прав и свобод гражданами. Конституция РФ задает общие основы регулирования, и определяет, что правовые нормы, регулирующие транспорт, не должны ей противоречить.

Статьи 263–271.1 в Главе 27 Уголовного кодекса РФ (ред. 31.07.2020) характеризует особенности уголовной ответственности граждан за преступления, определяющие нарушение безопасности и нарушение требований эксплуатации транспортных средств. Особенная часть документа учитывает уголовную ответственность за преступления против общественной безопасности, в сфере экологии, против мира и безопасности, против воинской службы.

Статья 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ (ред. 31.07.2020) уточняет, что угон водного транспорта относится к сфере компетенции Федеральной службы безопасности.

Статья 1 Федерального закона № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» определяет компетенцию прокурора по активизации межведомственного взаимодействия для задач транспортной безопасности.

Необходимость государственного вневедомственного контроля за отраслью водного транспорта находит отражение в Федеральном законе «О транспортной безопасности» № 16-ФЗ (ред. от 2.12.2019). Статья 5 этого закона в обязательном порядке предписывает оценку уязвимости объектов водного транспорта, и оплату за эту государственную услугу, обязывает закупать средства обеспечения транспортной безопасности и техническое оборудование.

Вопросам правового регулирования судоходства в море и торгового мореплавания освящены нормы «Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации» № 81-ФЗ (ред. от 01.03.2020). Положения документа определяют необходимость обеспечения торгового мореплавания (безопасные условия труда) и особенности имущественных отношений (предотвращение вреда судну, грузу и экипажу, военная опасность), реализация которых обеспечивается водным и морским транспортом. В 67 статье документа определены требования к компетенции капитана судна. Интересно, что статья 69 документа полномочие капитана и старшего помощника капитана по ведению следственных действий и возбуждения уголовного дела во время плавания в отношении лиц, совершивших преступное действие. В целях регулирования судоходства Ко-

декс наделяет капитанов морских портов налагать административные штрафы за нарушение порядка на борту морского судна. В Главе 6 изложены требования к службе морских лоцманов.

Подведение итогов статьи позволяет заключить, что правовое регулирование в сфере водного транспорта не отличается особой эффективностью: можно отметить большой круг нерешенных вопросов, требующих совершенствования нормативно-правовых актов. Отмечается излишнее внимание законодателя к проблематике отраслевых видов безопасности.

Различные отрасли права регулируют взаимодействие государственных органов с субъектами отрасли водного транспорта (вневедомственный контроль, привлечение к ответственности, административные взыскания), которое не всегда конструктивно. Навязывание платных государственных услуг, которые должно обеспечивать государство для водного транспорта вызывает споры, так как идет в разрез с мировой практикой. Влияние пандемии коронавируса на отрасль водного транспорта показало необходимость внесения корректировок в правовое обеспечение деятельности водного транспорта.

Литература:

1. Дмитриев С. Н. Проблемы правового регулирования транспортной безопасности / С. Н. Дмитриев // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. — 2014. — № 2. — С. 34–39.
2. Махмутов Т. А. Как коронавирус меняет транспортную сферу: закрытие границ и миллиардные финансовые потери / Т. А. Махмутов // Счетная палата Российской Федерации. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ach.gov.ru> (дата обращения: 19.12.2020).
3. Тетерюк А. Г. Разграничение подследственности между органами внутренних дел на транспорте и территориальными органами внутренних дел, территориальная несогласованность / А. Г. Тетерюк // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2015. — № 2. — С. 105–109.
4. Транспортная сфера в контексте COVID-19 / Дайджест. — М.: Счетная палата Российской Федерации, 2020. — 54с.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 9 (351) / 2021

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 10.03.2021. Дата выхода в свет: 17.03.2021.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.